

ISSN 0869-5415

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

1995

№ 2

• НАУКА •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 2

МАРТ · АПРЕЛЬ

1995

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ 1926 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

С 1926 по 1929 г. журнал выходил под названием «Этнография»
С 1931 по 1991 г. — «Советская этнография»

Редакционная коллегия:

Ю. В. Арутюнян, В. Н. Басилов, И. В. Власова (главный редактор),
Н. А. Дубова, А. А. Зубов, А. М. Решетов, В. А. Тишков,
Г. В. Цулая, С. В. Чешко (заместитель главного редактора),
Е. А. Шервуд

Отв. секретарь О. Д. Комарова

Заведующая редакцией *Е. А. Эшлиман*

Обложка художника *Е. В. Орловой*

Адрес редакции:

117334 Москва, Ленинский пр., д. 32а
тел. 938-18-67, 938-56-50, факс 938-06-00

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения
редколлегии и редакции

А. М. Решетов

ОТДАНИЕ ДОЛГА

Работая в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, я обнаружил среди индивидуальных планов научных сотрудников Института этнографии АН СССР на 1942 г. такой пункт: «Составление некрологов с биобиблиографическим материалом умерших сибиреведов.

Н. П. Дыренкова — А. А. Попов

Н. А. Липская — Г. М. Василевич

Н. П. Никульшин — В. В. Антропова

Г. Н. Прокофьев —

Г. М. Корсаков — М. А. Сергеев

С. Н. Стебницкий — М. А. Сергеев

К 25 июня 1942 г.»¹. Слева указано, о ком надо написать некролог, справа — исполнитель, автор некролога.

Очевидно, по целому ряду причин указанный пункт тогда не был выполнен. Можно предполагать, что этому помешали текущая музейная работа в условиях блокадного города и подготовка к эвакуации в Казань большой группы сотрудников, которая и была проведена в июле 1942 г.²

Мне думается, что приближающаяся знаменательная дата — 50-летие Победы в Великой Отечественной войне — самый подходящий повод отдать долг памяти, почтить бессмертный подвиг наших коллег — сотрудников Института этнографии АН СССР, погибших как в блокадном Ленинграде, так и на фронтах Отечественной войны. Было бы несправедливо писать только о научных сотрудниках-сибироведах, как это предполагалось в 1942 г. Следует писать обо всех сотрудниках — ученых, научно-технических сотрудниках и рабочих, которые служили во время войны в нашем учреждении и которые ценой своих жизней сохранили бесценные коллекции старейшего русского государственного академического музея, защитили Родину, приблизили час исторической Победы.

Даже погибшие в блокадном Ленинграде далеко не все погребены на Пискаревском кладбище. Память не сохранила мест их захоронения, но и на них должно распространяться обязательство живых, которое высечено на пискаревском граните: «Никто не забыт. Ничто не забыто».

Следуя этой заповеди, осмеливаюсь предложить читателям журнала трехчастную статью под общим названием «Отдание долга»: ч. 1. «Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР, погибших в блокадном Ленинграде»; ч. 2. «Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР, погибших в боях за Родину»; ч. 3. «Институт этнографии АН СССР в период Великой Отечественной войны». Первые две статьи как бы служат выполнению обязательства: «Никто не забыт». В них будут даны краткие биобиблиографические материалы о наших коллегах, не доживших до Победы. Погибшие ученые — это по преимуществу воспитанники Петроградско-Ленинградской этнографической школы, выросшие под руководством Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза, Д. К. Зеленина, Е. Г. Кагарова, Я. П. Кошкина, И. И. Зарубина, Н. В. Кюнера и др. Даже сегодня невозможно до конца осознать, сколь значительна потеря и как негативно она сказалась и сказывается до сих пор на развитии отечественной этнографии, антропологии, фольклористики. Погибшие рабочие — это честные, добросовестные труженики, которых не всегда ценили в будничном потоке времени, но без которых не может существовать ни одно учреждение. Третья статья — о судьбе института во время войны — свидетельствует: «Ничто не забыто».

Все три статьи базируются на архивных материалах, прежде всего Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и архива Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН.

Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР,
погибших в блокадном Ленинграде

Даже сейчас трудно подсчитать, сколько сотрудников погибло в период блокады...

Первой, 28 октября 1941 г., скончалась тюрколог *Надежда Петровна Дыренкова*³. Она родилась 31 мая 1899 г. в дер. Соснинка Новгородского уезда Новгородской губернии, в семье лесопромышленника. После окончания в Петербурге гимназии начинает с 1918 г. учительствовать в г. Луге и помогать семье (отец умер в 1910 г.). В 1920 г. отдел народного образования Луги направил Н. П. Дыренкову для продолжения учебы и получения высшего образования в Петроградский педагогический институт. Поступив в него, она вскоре переводится на этнографический факультет Географического института. Ее учителями этнографии были Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз, а тюркологии — А. Н. Самойлович и С. Е. Малов. Специальность по диплому — этнограф-языковед тюркских языков. Еще в студенческие годы началась экспедиционная деятельность Дыренковой. Во время самостоятельных поездок на Алтай она изучала язык, обычаи, верования тюркских народов этого горного края.

В 1925 г., после окончания института, Н. П. Дыренкова получает приглашение с 1 ноября занять должность практиканта в МАЭ и младшего ассистента на отделении этнографии в ЛГУ. С тех пор она неизменно вела свою работу по этим двум направлениям. На этнографическом отделении географического факультета университета, а затем в Ленинградском историко-лингвистическом институте она читала лекции и вела семинары по этнографии, фольклору и языкам тюркских народов Сибири. В 1926—1932 гг. она преподавала тюркские языки северянам в Институте народов Севера. В 30-е годы Н. П. Дыренкова принимает деятельное участие в конференциях и практической работе, проводимой Всесоюзным центральным комитетом нового алфавита при Совете национальностей ЦИК СССР. По его просьбе Надежда Петровна давала заключение об алфавитах хакасского, шоркского и ойротского языков и подготавливала грамматики этих языков. В конце 1940 г. по поручению коллегии Народного комиссариата просвещения она предприняла поездку в Горный Алтай для оказания практической помощи местным отделам народного образования и школам в постановке преподавания тюркских языков.

С 1931 г. Н. П. Дыренкова — научный сотрудник 1-го разряда, с 1937 г. — старший научный сотрудник Кабинета Сибири сначала МАЭ, затем Института антропологии и этнографии. В течение трех лет она обучается в аспирантуре АН СССР. В связи с поступлением в аспирантуру акад. А. Н. Самойлович так охарактеризовал ее кандидатуру: «Избранная Н. П. Дыренковой специальность имеет важное значение в нашей стране, где турецкие племена составляют значительную часть населения. Более подготовленного по данной специальности (этнография турецких народов), чем Н. П. Дыренкова, кандидата на аспирантуру при АН мне неизвестно». Тема ее диссертации — «Мировоззрение, религиозные представления и формы культа у турецких охотничьих и скотоводческих племен тюркско-монгольских народов». Все эти годы она ведет интенсивную экспедиционно-собираТЕЛЬСКОЮ деятельность, много публикуется. В 1935 г. президиум АН СССР присудил ей без защиты степень кандидата по этнографии.

Имя Н. П. Дыренковой было известно и за рубежом. Ее доклад «Культ медведя у тюркских племен народов Сибири», подготовленный по просьбе Франца Боаса, вошел в материалы XXIII Международного конгресса американистов, а доклад «Значение термина „бура“ у алтайских тюрков, относящихся к культуре лошади и оленя», был представлен в 1934 г. Всемирному тюркологическому конгрессу лингвистов в Анкаре. Ею же при участии акад. А. Н. Самойловича сделано квалифицированное научное описание коллекции предметов быта, культа и народных инструментов алтайцев, переданной АН СССР в дар Этнографическому

музею в Анкаре. Это описание получило в Турции высокую оценку научной общественности и официальных органов.

В 1932 г. во время очередной экспедиции Н. П. Дыренкова тяжело заболела (волчанка, или кожный туберкулез, на лице и теле от сильных солнечных ожогов). Болезнь особенно обострилась после начала войны, блокады. Роковую роль сыграло и воспаление легких, случившееся в результате дежурств в холодное осеннее время. Она знала, что скоро умрет, о чем свидетельствует оставленное ею завещание. Смерть Н. П. Дыренковой 28 октября 1941 г. поразила всех. Вместе с коллегами она вплоть до последнего вздоха выполняла различные поручения по охране объекта, входила в состав 3-го звена бригады по сохранению музейных ценностей. В приказе директора Института этнографии АН СССР проф. И. Н. Винникова от 29 октября 1941 г. сообщалось, что старейшая сотрудница Института, крупнейший специалист по этнографии и языкам тюркских народов Сибири, ближайшая ученица великого русского этнографа Л. Я. Штернберга Надежда Петровна Дыренкова скончалась на своем посту.

Труды Н. П. Дыренковой продолжают самостоятельную жизнь; некоторые из них увидели свет уже после войны⁴. Имя Надежды Петровны и сегодня с уважением произносится этнографами, языковедами и тюркологами⁵.

Ноябрь 1941 г. миновал благополучно, однако в декабре умерли сразу три сотрудника Института.

17 декабря не стало *Евгения Андреевича Курманаева*⁶. Он родился в Петербурге в 1885 г. Окончил 8 классов Николаевской купеческой школы (коммерческое училище) и стал работать по финансовой части. 13 мая 1940 г. Курманаев перешел из ГМЭ на должность заместителя главного бухгалтера института, на которой оставался вплоть до своей кончины.

23 декабря скончался старший кочегар *Михаил Алексеевич Бабкин*⁷. Он родился в 1891 г. в удмуртской крестьянской семье, окончил сельскую школу. В дальнейшем работал в городе, в Институте этнографии — с 17 марта 1939 г. С началом войны участвовал в рытье окопов под Ленинградом, охранял здание и коллекции...

25 декабря умер кавказовед *А. Н. Генко*⁸. Выписка из списка рожденных и крещенных евангелическо-лютеранского прихода св. Петра в Санкт-Петербурге гласит: «1896 г., ноября 4 дня в 3/4 8 часа вечера родился в Санкт-Петербурге и 1896 г. декабря 3 дня пастором Финдейзен на квартире окрещен Анатолий Николай фон Генко, законнорожденный, отец — действительный статский советник Эрнст-Петр-Нестор фон Генко и мать — жена его — Мария-Адельгейда, урожденная фон Гарф». Отец его Нестор Карлович Генко (1839—1904) — дворянин, ученый-лесовод. Он служил ученым лесничим в Главном управлении уделов и имел большую семью: шесть сыновей и четыре дочери. Младшим из сыновей и предпоследним в семье был Анатолий. В 1906—1914 гг. он учился в петербургской Первой классической гимназии, причем по настоянию опекуны в 1908—1914 гг. жил в интернате при гимназии. В 1914—1920 гг. А. Н. Генко — студент Петроградского университета: в 1914—1919 гг. классического отделения историко-филологического факультета (занимался под руководством Ф. Ф. Зелинского, М. И. Ростовцева, С. А. Жебелева) и одновременно в 1915—1920 гг. — на армяно-грузинском отделении факультета восточных языков (слушал лекции Н. Я. Марра, В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, И. И. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы).

В 1917—1920 гг. студенту приходилось подрабатывать: он давал частные уроки, учительствовал в 9-летней школе на Галерной ул., служил переводчиком в Морском министерстве (наркомате) и был техническим сотрудником редакции газеты «Северная коммуна».

С 1920 г. по совету акад. Н. Я. Марра А. Н. Генко начал подготовку к научной деятельности. С января 1921 г. он был зачислен научным сотрудником Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Петроградском университете. Здесь вместе с В. И. Абаевым Генко трудился над составлением «Осетино-черкесского словаря». С 1922 г. он —

нештатный сотрудник АН СССР: с января в Яфетическом институте, а с марта в Азиатском музее (с октября 1923 г. в штате последнего). Азиатский музей (с 1930 г. Институт востоковедения) АН СССР — основное место работы ученого. Тут он состоял научным сотрудником, ученым хранителем, заведующим Кабинетом Кавказа.

А. Н. Генко был выдающимся знатоком и исследователем крупных и мелких кавказских языков. Полагают, что помимо европейских и восточных он свободно владел примерно 20 языками народов Северного Кавказа и Закавказья. Будучи членом Центрального комитета нового алфавита при президиуме Совета национальностей ЦИК СССР, он принимал деятельное участие в создании алфавитов для прежде бесписьменных народов кавказского региона. Им впервые были созданы грамматики и словари целого ряда языков. Только за период с 1923 по 1936 г. Генко совершил в районы Кавказа свыше 20 исследовательских поездок, во время которых фиксировал наличие новых, ранее неизвестных науке языков.

Так, отправившись летом 1927 г. в Азербайджан для изучения хыналыгцев и их языка (что вполне успешно осуществил), он изучил язык и этнографию еще одного народа — хапутлинцев. При этом ученый высказал идею о связи последнего с одним средневековым народом, известным по грузинским и армянским источникам. Лингвистические данные Генко широко использовал в своих этнокультурных и этногенетических исследованиях. До сих пор сохраняет актуальность его мысль о том, что следует проявлять осторожность при установлении этногенетических связей древнего и современного населения; представляют интерес размышления о роли фактора многоязычия в этнических процессах, о его социокультурных последствиях и т. д. Собранные ученым лингвистические, этнографические и фольклорные материалы по горским народам Северного Кавказа — бесценное научное сокровище.

Придавая важное значение расширению источниковедческой базы исследований, Генко переводил труды арабских и западноевропейских авторов. Он автор более 50 работ по самым различным проблемам лингвистики, истории, этнографии, фольклора народов Кавказа⁹.

В феврале 1936 г. А. Н. Генко пришел в Институт антропологии и этнографии АН СССР, где организовал Кабинет Кавказа, способствовал развитию этнографического кавказоведения. Его ближайшими помощниками в этом были Л. Б. Панек, Л. И. Лавров и др.

С 1923 г. А. Н. Генко преподавал в ЛГУ, ленинградском Восточном институте (с 1925 г. — доцент, с 1935 г. — профессор), руководил работой аспирантов по истории и языкам Кавказа в Научно-исследовательском институте этнических и национальных культур народов Востока СССР. Исследовательской работой занимался также в Государственной Академии истории материальной культуры. В 1935 г. по отзывам академиков И. Ю. Крачковского, И. И. Мещанинова и С. А. Жебелева президиум АН СССР присудил А. Н. Генко ученую степень доктора филологических наук.

13 апреля 1938 г. он был отчислен из Академии в связи с арестом и после освобождения восстановлен с 10 января 1940 г. в Институте востоковедения и с 1 августа 1941 г. в Институте этнографии на полставки на должности заведующего отделом Кавказа. Однако не успел он по-настоящему развернуть свою деятельность, как с 4 октября 1941 г. был отчислен из списка сотрудников института как находящийся под следствием. На этот раз поводом для ареста послужил донос одного из коллег по Институту востоковедения. На очной ставке у следователя доносчик говорил о поведении А. Н. Генко: «Уже до ареста был настроен антисоветски, утверждал, что в Советском Союзе наука не может свободно развиваться, будучи связана с политикой. Колхозный строй, по его словам, привел горцев Кавказа к полному разорению, в результате чего они непрерывно голодают. Национальная политика советской власти создала, по его словам, невыносимое положение для малых народов, страдающих от великодержавного шовинизма грузин и азербайджанцев. Чрезвычайно резко отзывался о грузинской общественности, которая, по его словам, ненавидит все русское, но при этом сама

не способна к государственному строительству. Советовал востоковедам остерегаться актуальных тем в научной работе, ибо всякое соприкосновение с жизненно важной тематикой (особенно словарная работа в области национальных языков народов Союза) якобы неизбежно повлечет за собой для ее авторов репрессии»¹⁰.

Как гласит заключительный рапорт тюремного врача Грихилеса, А. Н. Генко «находился в больничной камере с 18 декабря с низким упадком питания и заболеванием сердца в форме грудной жабы. Состояние в течение последних дней резко ухудшилось. 25 декабря был приступ грудной жабы. Принятые меры были безрезультатны. При явлениях нарастающей сердечной слабости в 10.30 А. Н. Генко скончался»¹¹. Как свидетельствует тюремная фотография, скончался он скорее всего от сильного истощения¹².

За день до нового, 1942 г., т. е. 30 декабря 1941 г., ушел из жизни антрополог *Андрей Никифорович Юзефович*¹³. Он родился 27 ноября 1892 г. в Вышнем Волочке Тверской губ., по происхождению из мещан. В 1909—1913 гг. обучался в Учительской семинарии, после окончания которой с 1913 по 1915 г. служил учителем-надзирателем Ольгинского приюта близ г. Павловска Санкт-Петербургской губ. С сентября 1915 г. по сентябрь 1917 г. состоял на военной службе. В 1917—1918 гг. закончил Учительский институт и получил звание учителя географии и биологии, после чего сразу поступил на биологический факультет Педагогического института, но в 1919 г. ушел со второго курса (очевидно, трудно было совмещать учебу и работу). С июня 1918 г. он был назначен и. о. заведующего 4-м городским сиротским домом в Петрограде, а с октября того же года — преподавателем единой трудовой школы в Лесном. 23 сентября 1919 г. призван в Красную Армию, направлен в Башкирию, где находился на различных военных, а затем гражданских должностях до начала 1922 г. В 1922 г. состоял в Подмосковье преимущественно на партийной работе, а с мая 1923 г. он уже на профсоюзной и преподавательской работе в Воронеже.

В 1931—1935 гг. А. Н. Юзефович — аспирант Института антропологии при МГУ. В Москве он также работал доцентом Московского вечернего педагогического института, преподавателем курсов Центрального института повышения квалификации кадров народного образования, в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской и т. д. 22 декабря 1935 г. в МГУ состоялась защита диссертации на степень кандидата биологических наук по теме «Неандертальские черты на черепе *Homo sapiens*», по которой не было принято однозначного решения, и она не прошла утверждения в ВАК.

С 1 марта А. Н. Юзефович был зачислен на должность научного сотрудника 1-го разряда Института антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. Здесь он при поддержке дирекции пытался организовать новую защиту или добиться пересмотра в ВАК прежнего отрицательного решения, но принять положительного решения так и не удалось. Сложно складывались и его отношения с партийной организацией. Член партии с 1919 г., он за использование служебного положения был исключен из партии в 1928 г. и даже отдан под суд. Суд не подтвердил обвинения, но нашел, что его поведение способствовало дискредитации власти. Юзефовича приговорили к восьми месяцам принудительных работ. В 1933 г. Комиссией по чистке он был исключен из рядов ВКП(б) как неисправившийся в партповедении, несмотря на ряд серьезных партийных предупреждений, и за политическую пассивность.

В МАЭ А. Н. Юзефович занимался разработкой проекта реэкспозиции Отдела антропологии, ездил как антрополог в экспедиции, в частности в Старую Ладугу под руководством В. И. Равдоникаса. Он понимал, что «значение антропологического материала столь большой древности из района „великого пути из варяг в греки“ огромно для решения вопросов этногенеза и древнейшей истории русского народа». Как ученый, Юзефович разрабатывал такие темы, как «Кисть из Киик-Коба», «Роль труда в антропогенезе» и др. О его разнообразных интересах в науке свидетельствуют и опубликованные им работы¹⁴. С 1939 г. он преподаватель археологического отделения Исторического факультета ЛГУ и Географического факультета Ленинградского педагогического института им. Герцена.

После начала Отечественной войны с 3 сентября 1941 г. А. Н. Юзефович был назначен ответственным по институту по выполнению сотрудниками оборонных работ, а с 29 ноября 1941 г. был переведен на казарменное положение и стал дежурным на пожарном посту второй смены. Действовал, пока двигался...

В январе 1942 г. умерло четыре человека. Уже 2 января скончался вахтер *Викентий Степанович Оверко*¹⁵. Он родился в 1874 г., работал в институте с 21 октября 1939 г. С началом войны принимал участие в оборонных работах, в охране здания и коллекций.

8 января не стало антрополога *Григория Ивановича Петрова*¹⁶. Он родился 26 мая (8 июня) 1903 г. в г. Царевококшайске Казанской губ. (ныне г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл) в семье священника. В 1913—1920 гг. учился в мужской гимназии, после окончания которой поступил на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. В 1923 г. перевелся в Петроград, чтобы специализироваться по антропологии. Одновременно в целях повышения квалификации стал заниматься на этнографическом отделении Географического института. В декабре 1923 г. получил командировку МАЭ в Татарию и Марийскую автономную область для производства этнографических исследований. В 1924 г. после окончания университета по специальности антропология поступил на работу в МАЭ в качестве научного сотрудника 2-го разряда. С 1926 по 1929 г. учился в аспирантуре в ЛГУ, одновременно оставаясь на службе в музее. Зимой 1928—1929 гг. Петров находился в заграничной командировке: слушал лекции и занимался в антропологических лабораториях в Берлине и Мюнхене, ознакомился с постановкой работы в антропологических и естественно-исторических отделах в музеях Гамбурга, Лейпцига, Дрездена, Гейдельберга и других немецких городов, а также в Антропологическом институте Венского университета. Осенью 1929 г. был утвержден старшим ассистентом по кафедре антропологии географического факультета ЛГУ.

В 1924 г. Г. И. Петров осуществил две научных поездки в Марийскую автономную область, где собрал значительные антропологические и этнографические материалы. За них он получил благодарность от Отделения истории и Отделения филологии АН СССР. С тех пор ученый ежегодно выезжал в экспедиции в различные районы страны, в частности в 1927 г. проводил антропологические исследования в Таджикистане и Узбекистане, в 1930 г. — в Крыму в Эски-Керменской экспедиции, летом 1931 г. возглавлял Бурято-Монгольскую антропологическую экспедицию и т. д. Петров выступал с докладами на первом (1925 г.), третьем (1928 г.) и четвертом (1930 г.) съездах зоологов, анатомов и гистологов страны.

В сентябре 1932 г. он по собственному желанию уволился из МАЭ и был утвержден научным сотрудником 1-го разряда ГАИМК (сначала в Институте исторической технологии, а затем в секторе доклассового общества). В 1935 г. квалификационная комиссия АН СССР присудила Г. И. Петрову ученую степень кандидата биологических наук, однако это решение было утверждено окончательно только в мае 1939 г.

В 1933 г. Г. И. Петров был назначен доцентом Ленинградского института истории философии и лингвистики по кафедре археологии с поручением вести преподавание по антропологии. В 1939 г. вместе с кафедрой археологии он был переведен на исторический факультет ЛГУ. В 1939 г. в связи с переводом ГАИМК в систему АН СССР и упорядочиванием тематики исследований был освобожден от должности в Академии, и ЛГУ стал местом его основной работы. В 1940/41 учебном году Г. И. Петров провел самостоятельные спецкурсы «Введение в антропологию» и «Остеология» для студентов-археологов исторического факультета, подготовил к печати работу «Трудовая теория антропогенеза в свете новейших данных по палеонтологии человека»; в издательстве университета была напечатана его брошюра «Расовая теория германского фашизма». В 1941/42 учебном году ему поручалось чтение курса «Введение в антропологию» с практическими занятиями для студентов второго и третьего курсов исторического факультета. В это время Г. И. Петров приступил к подготовке докторской диссертации.

Ученый начал печататься еще в 1924 г. Он занимался изучением самых различных проблем антропологии: физического развития населения отдельных районов страны и распределением групп крови у них, связи морфологических признаков с группами крови, истории науки, происхождения человека и антропологической характеристики отдельных народов, формирования человеческих рас. Всего им опубликовано и подготовлено к печати около 100 научных и научно-популярных работ. Его работы печатались также и за рубежом.

В Институт этнографии АН СССР он был зачислен с 1 июля 1941 г. Будучи невоеннообязанным, он участвовал в напряженной работе, которая в первые военные месяцы проводилась в институте. 3 ноября 1941 г. приказом директора его назначили на должность заведующего отделом антропологии.

9 января 1942 г. скончался старейший сотрудник *Николай Романович Косиковский*¹⁷. Он родился в 1874 г. Всю свою жизнь после службы в армии он проработал в Музее антропологии и этнографии Института этнографии АН СССР. На работу его принимал акад. В. В. Радлов в апреле 1901 г. «Начав работать в музее в качестве служителя, Н. Р. Косиковский, благодаря любовному отношению к музейному делу, сумел достичь квалификации научно-технического сотрудника и в настоящее время является прекрасным знатоком археологических фондов музея», — говорилось в приказе дирекции музея от 25 апреля 1941 г. Отмечая многолетние труды Косиковского по сохранению и содержанию в надлежащем порядке ценнейших музейных коллекций, дирекция объявила ему благодарность¹⁸. После начала войны он участвовал в работах по сохранению исторического здания Кунсткамеры и музейных коллекций (упаковка в ящики, размещение в специально отведенных помещениях и т. д.). О смерти Н. Р. Косиковского в институт сообщил его сын: «Умер на трудовом посту, до последнего момента отдавая все свои силы работе в институте. Убитая горем семья просит Вашего содействия в получении материальной помощи от Академии наук СССР, и в частности изготовления гроба силами и средствами Вашего института»¹⁹.

Это было тяжелое время для города и его жителей, ежедневно умирали тысячи людей. Как вспоминал Н. А. Бутинов, работавший одно время комендантом здания, он по долгу службы на санках отвозил тела сотрудников на Стрелку Васильевского острова. Там между роstralными колоннами был своеобразный морг под открытым небом — морозы в ту зиму достигали 40°. Обычно ночью специальные машины увозили покойников на кладбище для захоронения в общей могиле. Когда сотрудники выбивались из сил, тела умерших временно складывали в одном из кабинетов... Едва ли тогда институт мог помочь семье Н. Р. Косиковского, а потому все тяготы по его захоронению легли на плечи семьи. И разве можно кого-то в этой ситуации упрекнуть в бездушии, невнимании к человеку?

29 января 1942 г. не стало сибиреведа *Георгия Николаевича Прокофьева*²⁰. Он родился 28 августа 1897 г. в Петербурге. Его отец Николай Дмитриевич — дворянин, православного вероисповедания, художник и архитектор, мать Матильда Леонтьевна — лютеранка, внучка известного немецкого поэта Йессена. Сына крестили 18 сентября 1897 г. в Екатерининской церкви, что при Академии художеств. Учился он в знаменитой «Питершуле», состоявшей при реформаторских церквях в Петербурге. Эта гимназия давала, в частности, прекрасное знание немецкого языка. В июне 1916 г. сын статского советника Георгий Прокофьев обратился к ректору Петроградского университета с просьбой о зачислении его на сельскохозяйственный подотдел естественного отдела физико-математического факультета, но уже через три месяца просит о переводе его на юридический факультет.

5 января 1917 г. по личной просьбе он оставил университет и был зачислен юнкером Михайловского артиллерийского училища (шла война!). Однако в училище он пробыл недолго. Как страдающий бронхиальной астмой Прокофьев был уволен из числа юнкеров и уже 16 февраля 1917 г. восстановлен в списках студентов. 14 (27) февраля 1918 г. он подает новое прошение о переводе его на

историко-филологический факультет, а еще через два года переводится на этнографическое отделение Географического института. Когда после перенесенного менингита врачи рекомендуют ему больше отдыхать и избегать нагрузок, он увлекается рисованием и живописью. Это увлечение стало одной из его профессий. Г. Н. Прокофьев любил музыку, играл на скрипке, дружил с Е. А. Мравинским и Н. К. Черкасовым.

Основной его профессией оставалась этнография. Он считал, что для глубокого познания психологии и мировоззрения народа нужно обязательно знать его язык. На последнем курсе вместо подготовки диплома он едет вместе с молодой женой Екатериной Дмитриевной (тоже студенткой-этнографом) и дочерью на туруханский Север, где в течение трех лет заведует школой на фактории Янов Стан. Он учил детей грамоте, собирал материал по этнографии кетов, селькупов и ненцев, изучал языки этих народов. Местные народы прозвали Георгия Николаевича «Юр», что означает «друг». Они испытывали к нему большое уважение и доверие. Летом 1927 г. Прокофьев отправляется в Ленинград, где для студентов и преподавателей этнографического отделения им был сделан доклад о его изысканиях на Севере. Как позднее отмечал университетский журнал «Этнограф-исследователь», «научные материалы, привезенные Прокофьевым, весьма разнообразны и имеют значительную ценность. Многие из его сообщений имеют значение научных открытий». Из Янова Стана он прислал статью «Остяко-самоеды Туруханского края».

В 1928 г. в семье Прокофьева рождается еще один ребенок, и семья возвращается в Ленинград. Ученый работает в Институте народов Севера, а через год уезжает на два сезона в Большеземельную тундру, где работает заведующим Хаседахардской культбазой краеведения Комитета Севера. В апреле 1929 г. в знак признания важности его трудов РГО избрало его своим членом. С 1930 г. он доцент Педагогического института им. Герцена, его приглашают заведовать сектором в Институт по изучению народов СССР.

Начиная с 1931 г. он публикует свои основные работы по самодийским языкам. В 1937 г. Научно-исследовательская ассоциация при Институте народов Севера издает том «Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов» — первый в 3-томной серии «Языки и письменность народов Севера», в котором Г. Н. Прокофьев представлен как автор четырех статей: «Ненецкий (юрако-самоедский) язык», «Селькупский (остяко-самоедский) язык», «Нганасанский (тавгийский) диалект», «Энецкий (енисейско-самоедский) диалект». С 1935 г. он профессор Института народов Севера, преподает в Педагогическом институте им. Герцена, Ленинградском историко-лингвистическом институте, затем в ЛГУ, где на кафедре этнографии ведет курсы этнографии народов Сибири и ненецкого языка.

В декабре 1937 г. Г. Н. Прокофьев был обвинен в проведении «буржуазно-националистических установок в языковом строительстве на Крайнем Севере», в связи с чем его сняли с должности заведующего сектором северных языков и уволили из Института народов Севера и Института языка и мышления. Достаточно напомнить, что все эти события разворачивались в течение почти полугода в конце 1937 — начале 1938 г., и будет понятно, что в такой ситуации ожидало ученого. Судьба, однако, была благосклонна к нему: обвинения не имели каких-либо серьезных последствий. С 1 октября 1939 г. он был зачислен в Институт этнографии АН СССР на должность заведующего Кабинетом Сибири, а с 17 февраля 1941 г. занял должность заведующего отделом Сибири. В институте он завершает фундаментальное исследование «Самодийские языки и проблема происхождения современных ненцев, нганасанов, энцев и селькупов», которую намеревался представить в качестве докторской диссертации. Выступая 28 мая 1940 г. на совещании Комиссии по этногенезу, которое проводилось в Ленинграде Отделением истории и философии АН СССР, он четко изложил план этой работы. Это уникальное исследование могло бы стать событием в мировом сибиреведении, но война нарушила все планы. Помимо учебников и работ по отдельным языкам Г. Н. Прокофьев успел написать и опубликовать свыше 40 научных трудов. Его статьи и материалы

были впоследствии использованы при подготовке тома «Народы Сибири» из 18-томной серии «Народы мира»²¹.

5 июля 1941 г. ученый пошел в Красную Армию добровольцем. Он предлагал использовать свое знание немецкого языка, но медицинская комиссия не могла рекомендовать его даже в качестве переводчика. В итоге Прокофьев был возвращен в институт. Его хотели эвакуировать из Ленинграда, но было уже поздно. Как рассказывали очевидцы, на почве страшной дистрофии у него возникло острое психическое расстройство. Диссертация не была защищена, многие рукописи утеряны, а сам автор трагически погиб. В конце апреля 1942 г. семья выехала в эвакуацию, обосновавшись в конце концов в Казани. Когда в эвакуированном в Ташкент институте узнали о гибели дома, в котором жили в Озерках Прокофьевы, в Ленинград 11 марта 1943 г. была отправлена телеграмма: «Срочно выясните райсовете судьбу архива Прокофьева дом снесен Абрамзон»²². В институте понимали ценность хранившихся там материалов. Однако архив ученого не удалось спасти...

В последний день января 1942 г. скончалась этнограф-славист *Надежда Неофитовна Тихоницкая*²³. Она родилась 9 августа 1897 г. в г. Орлове Вятской губ. В 1918—1926 гг. преподавала в школах Вятки французский и немецкий языки. Одновременно с 1920 г. училась на словесно-историческом отделении Педагогического института, который закончила в 1925 г. Ее дипломная работа «Изучение народного творчества в трудовой школе в свете краеведения» получила высокую оценку. Еще будучи студенткой и научным сотрудником Архивного бюро и Государственного музея г. Вятки, она начала заниматься научной работой. В 1926—1929 гг. проходила аспирантскую подготовку в ЛГУ при Институте сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока, а в 1930—1931 гг. продолжила ее в системе АН СССР; все эти годы ее занятиями по этнографии восточных славян руководил чл.-кор. АН СССР проф. Д. К. Зеленин. С сентября 1932 г. она работала в МАЭ, затем в Институте антропологии и этнографии АН СССР.

Начиная с 1921 г. Н. Н. Тихоницкая совершила свыше 10 экспедиций, связанных с исследованиями Этнографической секции при Вятском научно-исследовательском институте краеведения, Вятского исторического общества, РГО и МАЭ. В 1936 г. она участвовала в создании в МАЭ новой экспозиции по этнографии огнеземельцев, в связи с чем сделала в кабинете первобытного коммунизма обстоятельный доклад о технике хозяйства и экономических отношениях огнеземельского племени ягаи. Руководитель кабинета И. Н. Винников весьма положительно отозвался об освоении сотрудницей совершенно новой для нее темы. Основным направлением ее научных интересов была восточнославянская этнография. Помимо опубликованных работ ею был подготовлен ряд рукописей²⁴, в том числе статьи о русских и белорусах для сборника «Народы СССР». 20 ноября 1941 г. Н. Н. Тихоницкая обратилась к ректору ЛГУ с просьбой допустить ее к защите на соискание ученой степени кандидата филологических наук (по специальности этнография). Ею было завершено исследование на тему «Коллективные формы труда в сельской общине восточных славян». В ученый совет Тихоницкая передала все необходимые для защиты документы, но до этого события ей дожить не удалось.

Наиболее тяжелым был февраль 1942 г., в течение которого умерли 10 человек. 3 февраля скончались дворник *Иксян Ибрагимович Сафимов* (родился в 1894 г., работал в институте с 16 апреля 1938 г.)²⁵ и *Константин Алексеевич Пушкаревич*²⁶.

Последний родился 22 октября 1890 г. в Брест-Литовске Гродненской губ. После окончания в 1912 г. Гродненской гимназии поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет, где учился и специализировался под руководством проф. М. Г. Долобоко, занимаясь польским и сербским языками. В декабре 1917 г. был оставлен при Петроградском университете для подготовки к профессорской деятельности по кафедре славянской филологии. Во время гражданской войны оказался в Томске, в 1918—1922 гг. работал там в местном университете,

вел занятия по славяноведению, сербскому и болгарскому эпосу и болгарскому языку. С мая 1922 г. К. А. Пушкаревич уже в Петрограде, он аспирант и научный сотрудник 2-го разряда Научно-исследовательского института им. акад. А. Н. Веселовского (в дальнейшем Институт речевой культуры).

14 сентября 1926 г. коллегия Научно-исследовательского института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока при ЛГУ за подписями директора института акад. Н. Я. Марра и ученого секретаря Н. Ф. Яковлева выдала К. А. Пушкаревичу удостоверение, признававшее его «право на ведение самостоятельной научно-исследовательской работы и преподавания в высших учебных заведениях Республики». О работах Пушкаревича высоко отзывались академики П. А. Лавров и Н. С. Державин. В 20—30-е годы он преимущественно изучает польско-украинские литературные взаимоотношения и национальные проблемы в современной славистике, руководит студенческим кружком по изучению современного славянства. Как белорус Пушкаревич принимает активное участие в деятельности клуба белорусского Дома народного просвещения. В различных научных аудиториях он выступает с докладами «Поляки в Сибири», «Из истории литовских татар», «Славянский институт в Праге, история его возникновения и деятельности» и др. С 22 сентября 1931 г. К. А. Пушкаревич — старший ученый хранитель Института славяноведения АН СССР, некоторое время служил в Институте языка и мышления, а с 1 июня 1939 г. он старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР. В 1938 г. в ЛГУ ученый защитил кандидатскую диссертацию, а 21 апреля 1940 г. за работу «Чехи в России» ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук. В августе-сентябре 1940 г. он совершил научную поездку в западные области Украины и Белоруссии, откуда, по отзыву Д. К. Зеленина, «привез очень обильный и ценный материал». 1 декабря 1941 г. К. А. Пушкаревича назначают заведующим отделом Европы ИЭ, но жить ему уже оставалось недолго...

5 февраля умерли В. А. Елкин, Е. П. Эмме и Г. М. Корсаков. *Василий Александрович Елкин*²⁷ родился в 1875 г. в дер. Лаврово Тверской губ. в крестьянской семье. В Петербурге служил во Французском консульстве, в МАЭ как препаратор с 10 июля 1924 г., с 1 января 1942 г. — старший рабочий. *Елизавета Прокофьевна Эмме*²⁸ родилась в 1894 г., работала в Институте народов Севера. В связи с начавшимся разгромом последнего с 1 сентября 1937 г. она в штате ИЭ, где с 1 декабря 1939 г. возглавляла фотонегатеку.

*Григорий Михайлович Корсаков*²⁹ родился 29 января 1909 г. в Петербурге в семье врача, личного почетного гражданина. В 1927 г. после окончания средней школы поступил на общественно-экономическое отделение Ленинградского педагогического института им. Герцена, но в январе 1930 г. перевелся на северное отделение, изучал корякский язык. В 1930—1933 гг. работал в органах народного образования Корякского национального округа. В 1933—1937 гг. он совершенствовал свое образование как лингвист-коряковед на лингвистическом факультете Ленинградского института истории, философии и лингвистики. С 1936 по 1941 г. — научный сотрудник лингвистической секции Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера. В 1935—1936 гг. совершил несколько лингвистическо-этнографических экспедиций. В 1938 г. при поездке к туруханским кетам имел поручения от ИЭ. В 1940 г. окончил аспирантуру ЛГУ по специальности «палеоазиатские языки и языки североамериканских индейцев» и защитил в том же году по этой проблеме кандидатскую диссертацию. С 1 ноября 1941 г. Корсаков — ассистент кафедры этнографии филологического факультета ЛГУ, вел курсы этнографии палеоазиатов и корякского языка. С 15 января 1942 г. он был зачислен на должность и. о. старшего научного сотрудника отдела Сибири ИЭ. 19 января он сообщал в дирекцию ИЭ: «Рапортую, что с 20 января 1942 г. буду находиться в стационаре для истощенных в ЛГУ, где буду продолжать свою плановую работу для МАЭ». Через полмесяца его не стало.

9 февраля 1942 г. умер антрополог *Евгений Владимирович Жиров*³⁰. Он родился 29 марта 1908 г. в Симферополе в семье юриста, имевшего личное

дворянство. В 1925—1930 гг.— студент антропологического отделения географического факультета ЛГУ. С мая 1931 г. он по договору вел библиографическую работу по антропологии в Институте по изучению народов СССР, ее он продолжал в дальнейшем и в МАЭ, где стал работать с июля 1932 г. сначала научным сотрудником 2-го разряда, а с 1 февраля 1934 г.— 1-го разряда. Принимал участие в экспозиционных работах по вводному отделу и анатомическим коллекциям Кунсткамеры. Когда Е. В. Жиров получил поручение провести инвентаризацию и регистрацию коллекций антропологического отдела и организовать их хранение, он прежде всего в течение полугода изучал в архиве АН СССР материалы, имеющие отношение к истории антропологического отдела и хранящихся в нем экспонатов. Там им была обнаружена неопубликованная рукопись акад. К. М. Бэра, имеющая большое значение для истории антропологии.

Оценивая проведенную Жировым работу, антрополог Б. Н. Вишневский писал: «В результате указанных выше работ выяснено происхождение многих ценных коллекций, установлена система регистрации и хранения, позволяющая в настоящее время в короткий срок находить среди коллекций нужный экспонат и все относящиеся к нему научные материалы и сопутствующие документы. При этом им лично и работавшими под его руководством научно-техническими сотрудниками составлено около 500 научных описей коллекций антропологического отдела и целиком реставрированы все требовавшие того коллекции антропологического отдела (около 5000 предметов)... Е. В. Жиров является исследователем, который зарекомендовал себя серьезным отношением к тем поручениям, которые он имел по музейной и научно-исследовательской линии, проявив при этом в научной работе элементы самостоятельного творчества».

Е. В. Жиров — активный участник многочисленных экспедиций, которые организовывались ЛГУ, Русским музеем, Зоологическим музеем, МАЭ, Институтом истории материальной культуры на Южный Урал, в Киргизию. Особенно часто бывал он в Крыму, где ему удалось в одной из пещер сделать важное открытие двойного погребения конца четвертичного периода.

Музейные и добытые в экспедициях материалы были положены в основу опубликованных или подготовленных им к печати работ³¹. Некоторые из них вышли из печати уже после войны, другие, очевидно, утрачены. Известно, что перед войной им была подготовлена и сдана в издательство работа «Об искусственной деформации головы у древнего населения территории СССР» (9 п. л.).

16 октября 1937 г. Е. В. Жиров был отчислен из Института этнографии ввиду реорганизации института и исключения из проблематики учреждения тем по антропологии; в 1937—1938 гг. работал в Институте истории материальной культуры и Государственном Эрмитаже. 11 июня 1938 г. он был восстановлен в должности младшего научного сотрудника Института этнографии. 12 декабря 1940 г. за образцовую работу по приведению в порядок фондов отдела антропологии, хорошую организацию учета и хранения, добросовестное отношение к своим обязанностям Е. В. Жирову была объявлена благодарность и выдана денежная премия.

Еще до войны Е. В. Жиров был признан негодным к строевой службе и не подлежал мобилизации. Тем не менее 25 июня 1941 г. он, прервав работу в Антропологическом институте при МГУ, вернулся в Ленинград и приступил к исполнению своих обязанностей. Помимо многочисленных обязанностей по сохранению объекта и коллекций с 15 октября 1941 г. на Е. В. Жирова были возложены обязанности начальника противохимической защиты объекта. Он тушил авиабомбы на крыше здания, постоянно находился при институте вплоть до своей смерти.

16 февраля 1942 г. умерла *Гайце Ш. Шакурова*³². Она родилась в 1916 г., в институте работала с 19 января 1939 г. сначала в должности препаратора, а затем старшего рабочего. 18 ноября 1940 г. приказом дирекции была премирована месячным окладом за прилежание и старательное отношение к своим обязанностям и помощь в работе научно-техническим сотрудникам.

17 февраля 1942 г. скончался этнограф *Александр Николаевич Кондауров*³³. Он родился 15 августа 1906 г. в Петербурге, в 1924 г. стал комсомольцем, участвовал в добровольческом отряде по ликвидации басмачества в Таджикистане. В 1926—1931 гг.— студент Ленинградского историко-лингвистического института, специализировался по этнографии, национальному вопросу и колхозному строительству в Средней Азии. Молодого специалиста в его занятиях наукой активно поддержал Н. М. Маторин. С 10 декабря 1931 г. принят в Институт по изучению народов СССР в качестве научного сотрудника 2-го разряда, работал в составе Таджикской комплексной экспедиции.

С образованием 15 февраля 1933 г. Института антропологии и этнографии АН СССР Кондауров — сотрудник по договору, а затем в штате института. В 1934, 1936 и 1938 гг. он ездил в экспедиции для изучения ягнобцев и припамирских народностей. В 1935 г. был удостоен четвертой премии по Ленинграду на конкурсе молодых ученых, организованном ЦК ВЛКСМ и АН СССР в связи с 20-летием Октября. Принимал деятельное участие в подготовке среднеазиатского тома сборника «Народы СССР» как его секретарь и один из авторов. 15 ноября 1935 г. на него было возложено исполнение обязанностей заведующего отделом Передней и Средней Азии. С 1 декабря 1938 г. по 1 января 1942 г. он был зачислен в аспирантуру без отрыва от производства. Под руководством И. Н. Винникова работал над диссертацией по теме «Патриархальная община и общинные дома у ягнобцев». Несмотря на активную работу в профсоюзной и партийной организации (с 1938 г. он кандидат, а с 1939 г. член ВКП(б)), большую научно-организационную деятельность (секретарь Кабинета Средней Азии), А. Н. Кондауров много и плодотворно работает, о чем свидетельствует даже неполный список его публикаций³⁴.

В сентябре 1941 г. его зачисляют в РККА, но буквально через несколько дней демобилизуют как непригодного к службе. 16 сентября 1941 г. на заседании ученого совета филологического факультета ЛГУ он успешно защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук (по специальности этнография), а с 4 ноября 1941 г. назначен исполняющим обязанности ученого секретаря института. Ему выписывалась справка о временном переводе на работу в другой город в связи с эвакуацией института, но по целому ряду причин он не смог уехать из Ленинграда. Он по-прежнему много работал, о чем свидетельствует его план на декабрь 1941 г.: «Литературное оформление раздела „Хозяйство горных таджиков“ — монография „Таджики“. Работу окончить к 1 января. Рабочие дни на дому: вторник, четверг (выходной за дежурство), суббота и воскресенье с 10 ч. утра до наступления темноты, в условиях электрического освещения до 10 ч. вечера». План на январь 1942 г.: «Завершение литературного оформления (после рецензирования) всех разделов монографии, падающих на меня. Срок 1 февраля. Рабочие дни и распорядок дня тот же, что и в декабре».

Жить, а значит, и работать становилось все труднее. 26 января 1942 г. А. Н. Кондауров слабеющей рукой написал заявление в местком: «Я не имею совершенно дров и никакого топлива. В домохозяйстве дров никаких нет и нет пока перспектив на их получение. Дома у меня холод, замерзает вода. Я сам тяжело болен — лежу в тяжелом состоянии. Прошу мне выдать сколько возможно дров, а также, если есть возможность, чего-нибудь горючего для освещения хотя бы коптилкой. Кондауров. Подпись руки Кондаурова удостоверяю. 26/1 42. Упр. дом. (подпись)». Он работал до последних дней своей жизни, пока это было возможно...

В приказе № 18 от 22 февраля 1942 г. § 6 исключалась из списка сотрудников института в связи со смертью *Кира Александровна Большева*³⁵. Точной даты ее кончины не удалось установить. Очевидно, она скончалась вне института. К. А. Большева родилась в июне 1893 г. в Петербурге. В 1911—1918 гг. обучалась в Высшем училище технического рисования барона Штиглица. Получив после окончания его звание «художник прикладных искусств», она решила продолжить образование и в октябре 1919 г. поступила в Институт истории искусств. Там же училась в аспирантуре. В институте Большева слушала лекции таких известных

ученых, как академики Г. И. Котов и С. Ф. Ольденбург, профессора Н. Д. Флиттнер, О. Ф. Вальдгауер, А. А. Починков, К. К. Романов. 19 апреля 1923 г. она защитила работу на тему «Хрустальные приборы освещения в России в XVIII — начале XIX в.», после чего получила должность научного сотрудника 2-го разряда. В 1927—1937 гг. местом ее работы был Петергофский дворец-музей. С 16 апреля 1937 г. до начала августа 1941 г. Большева занимала должность старшего научного сотрудника отдела народно-художественных ремесел Русского музея, откуда была после начала войны уволена по сокращению штатов. Однако ей повезло, и в том же августе 1941 г. ее зачислили на должность реставратора, а уже 26 сентября перевели на положение младшего научного сотрудника Института этнографии, и она имела возможность продолжать свои научные занятия. Ведь 5 июня 1941 г. в ученом совете факультета истории искусств Академии художеств она успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата искусствоведения на тему «Петербургские заводы художественного стекла». Вместе с тем она была включена в состав различных команд в институте, занятых охраной и обеспечением безопасности здания и коллекций. Сохранилось ее заявление в дирекцию института от 12 января 1942 г. «Ввиду того, что за смертью Г. И. Петрова освободилось место прикрепленного в академический зал столовой, прошу по возможности предоставить мне это место, так как стояние в больших очередях зала инженерно-технических работников мне не по силам». Шла суровая блокадная зима 1941—1942 гг. Многие не перенесли ее тяготы...

28 февраля ушла из жизни американист С. А. Ратнер, жена и помощница Л. Я. Штернберга³⁶. *Сара Аркадьевна Ратнер-Штернберг* родилась 30 июня 1870 г. в Могилеве в еврейской купеческой семье. Получив гимназическое образование и закончив в 1890 г. естественноисторическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге, в 1891 г. переехала в Москву, где занималась педагогической деятельностью и сотрудничала в издании настольного «Энциклопедического словаря» Граната (готовила статьи по географии и этнографии). В 1895 г. заведовала четырехклассным еврейским женским училищем. 27 июня 1900 г. она вступает в брак с Л. Я. Штернбергом, и с этого времени супруги поселяются в Петербурге. Первые 10 лет С. А. Штернберг занималась переводом этнографической литературы с немецкого, французского и английского языков; некоторые из вышедших книг изданы под редакцией Л. Я. Штернберга. В те годы она состояла членом культурно-просветительской комиссии при Обществе распространения просвещения между евреями. Тогда педагогическая деятельность разрешалась только среди единоверцев, и она работала на вечерних курсах для взрослых работниц, учрежденных при этом обществе. Ею по собранным материалам подготовлена статья «Ремесленный и земледельческий труд среди евреев Северо-Западного края». В 1910 г. она начинает приватно работать как помощница Л. Я. Штернберга; с 1916 г. самостоятельно, как штатный работник, возглавила отдел Северной Америки МАЭ. В 1917 г. по его экспозиции она опубликовала путеводитель.

С 1917 г. С. А. Штернберг — научный сотрудник МАЭ 1-го разряда. В 1925 г. участвовала в реконструкции отдела Сибири и восстановлении отдела Северной Америки. 17 августа 1929 г. переведена на должность ученого хранителя, а через 4 месяца назначена этнографом МАЭ, 15 февраля 1933 г. при создании Института антропологии и этнографии АН СССР — старшим этнографом МАЭ. 15 июня 1935 г. президиум АН СССР присудил С. А. Штернберг без защиты ученую степень кандидата этнографии. В 1934 г. она назначается заведующей отделом Северной Америки музея. 8 февраля ей присваивается ученое звание старшего научного сотрудника.

Вплоть до самой кончины Л. Я. Штернберга 14 августа 1927 г. она всемерно помогала ему во всех его делах, а впоследствии много сделала для издания трудов своего покойного супруга: в издательстве Института народов Севера вышла в 1933 г. его монография «Семья и род у народов Северо-Восточной Азии», а в 1935 г. — «Первобытная религия». С. А. Штернберг — автор ряда статей и мемуаров о

Л. Я. Штернберге, некоторые из них до сих пор не опубликованы и хранятся в архиве. Было запланировано издание 5-томного собрания научных трудов Льва Яковлевича, в подготовке которого Сара Аркадьевна играла ведущую роль, но война сорвала эти планы, хотя работа по подготовке текста уже близилась к концу. Для 2-томника по этнографии народов зарубежных стран, подготовленного в довоенные годы в Институте этнографии АН СССР, ею были написаны две статьи: «Индейцы Центральной Калифорнии», «Индейцы Северо-Запада — тлинкиты и хайда».

С. А. Штернберг — автор более 30 работ по этнографии народов Северной Америки. Значителен ее вклад в научное изучение богатейших коллекций МАЭ по североамериканским идеям³⁷.

Несмотря на тяготы военного времени и возраст, С. А. Штернберг упорно продолжала трудиться. Вместе с Е. Э. Бломквист и М. В. Степановой они готовили специальный сборник и научную конференцию, посвященную 450-летию открытия Америки (ее проведение планировалось на октябрь 1942 г. как мероприятие АН СССР).

В архиве исследовательницы хранится написанная карандашом на маленьком блокнотном листке расписка: «Я, начальник боепитания 1-й роты 277 Отдельного артил.-пулеметного батальона Лавров Л. И., принял от гр. Штернберг Сары Арк. 1 бинокль системы Цейца и 1 подзорную трубу для использования их в своей части. 25.8.41. Л. Лавров». Это был посильный вклад С. А. Штернберг в условиях блокады в оснащение бойцов-защитников города. Это были мемориальные вещи ее мужа, дорогие для нее как память...

Очевидцы рассказывали, что зимой 1942 г. С. А. Штернберг особенно тяжело болела, не могла сдерживать стонов. Не желая причинять беспокойство окружающим коллегам, с которыми она жила в подвальной комнате музея, она выбрала момент, когда все ушли на свои служебные посты, и подожгла себя. Ожоги только ускорили кончину. Через 4 месяца после этого трагического случая на имя директора Института этнографии АН СССР пришла заказная почтовая открытка следующего содержания. «Не откажите сообщить о судьбе моей матери, Вашей сотрудницы, Сары Аркадьевны Штернберг. Если, как я предполагаю, она умерла, то от какой причины, при каких обстоятельствах и прочее. Адрес мой: Кисловодск Орджоникидзевского края. Вокзал. До востребования. Штернбергу Аркадию Львовичу. 28 июня. А. Штернберг»³⁸.

Эта открытка написана сыном Л. Я. и С. А. Штернбергов. Мне неизвестно, написали ли ему о судьбе матери, о которой он так беспокоился. Неизвестна также и судьба автора этой открытки...

В марте умерло пять человек. 5 марта 1942 г. умер океанист *Александр Брониславович Пиотровский*³⁹. Он родился 23 мая (ст. ст.) 1888 г. в г. Ветлуга Костромской губ. в дворянской семье. В 1913 г. окончил Петербургский университет по юридическому и экономическому факультету, но потом специализировался по этнографии далекого австралийско-океанического региона. Он, очевидно, понимал, что работать ему придется исключительно с опубликованными и архивными материалами, поскольку он был глухонемым. На работу в МАЭ его 1 января 1917 г. еще принимал акад. В. В. Радлов. Это было первое и единственное в его жизни место работы. В 1925 г. президиум АН СССР утвердил его в звании старшего научного сотрудника, а в 1935 г. присвоил ему без защиты степень кандидата общественных наук (этнографии). Круг его научных интересов — этнографическое австраловедение, первобытные верования⁴⁰. С 1925 г. он заведовал отделом Австралии и Океании МАЭ, но решением пленума комиссии по проверке аппарата АН СССР 20 ноября 1929 г. был освобожден от административных обязанностей. Правда, по просьбе директора МАЭ акад. Е. Ф. Карского ему было сохранено право работать в Музее по специальности. А. Б. Пиотровский принимал участие в создании ряда тематических выставок в МАЭ, входил в состав авторского коллектива 2-томника по этнографии зарубежных стран. Большую работу провел А. Б. Пиотровский по изучению и

публикации научного наследия великого русского гуманиста и путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая. С началом войны активно участвовал в спасении уникальных австралийских и океанистских коллекций музея, в сохранении здания и т. д. 9 февраля 1942 г. институт обратился в больницу им. Видемана с просьбой «оказать медицинскую помощь и поместить на излечение в больницу старшего научного сотрудника института кандидата этнографии А. Б. Пиотровского, находящегося по состоянию своего здоровья в крайне тяжелом состоянии»⁴¹. 3 марта сотрудница института К. В. Вяткина отнесла ему в больницу продовольственные карточки на март по группе «рабочая»...

7 марта 1942 г. скончалась дезинфектор *Ольга Никитична Бумагина*⁴². Она родилась в 1893 г. в русской крестьянской семье. Окончив в Костроме ремесленную школу, переехала в Ленинград. В Институте этнографии работала с 29 ноября 1936 г. в должности научно-технического сотрудника, с 1 января по 14 сентября 1940 г. исполняла обязанности заведующего отделом фондов. После начала войны работала на строительстве загородных оборонных сооружений, дежурила на различных участках в здании института, выполняла самые разнообразные виды работ по обеспечению сохранности здания и коллекций. С 1 января 1942 г. была переведена на должность дезинфектора.

7 марта умерла дезинфектор *О. Н. Драмова*⁴³. 12 марта скончалась библиотекарь *Елена (Эмма) Маврикиевна Кубиш*⁴⁴. Она родилась 18 сентября 1879 г. в Самаре. В 1900 г. закончила 7 классов школы при Смольном институте, в педагогических классах же самого института она училась всего один год и поэтому в графе об образовании всегда писала «незаконченное высшее». Очевидно, благодаря домашнему образованию и своим способностям она прекрасно знала четыре иностранных языка. Начав в 1909 г. трудовую деятельность в канцелярии МАЭ, она ведала иностранной перепиской музея, которая в те годы была довольно интенсивной. Одновременно работала в библиотеке МАЭ, состояла научным сотрудником 2-го разряда. Благодаря ее обширным и уникальным знаниям в области библиографии и библиотековедения ее приглашали на работу в другие специализированные научные библиотеки города, например библиотеку ленинградского Восточного института им. А. С. Енукидзе. Хотя с 1934 г. по новому штатному расписанию Кубиш состояла сотрудником библиотеки АН СССР, куда были переведены все библиотечные работники институтов Академии, она продолжала дело своей жизни в родной ей библиотеке и коллективе этнографов Института антропологии и этнографии АН СССР. Здесь весьма ценили ее деловые профессиональные качества, ответственное отношение к работе, доброжелательное отношение к сотрудникам.

В связи с исполнившимся 1 октября 1939 г. 30-летием ее работы в библиотеке МАЭ-института заведующий библиотекой, чл.-кор. АН СССР проф. Д. К. Зеленин обратился к директору института акад. В. В. Струве с представлением, в котором, в частности, писал: «Прошу откликнуться приказом на редкий в нашем институте юбилей и возбудить ходатайство перед БАН о переводе Е. М. Кубиш в старшие библиотекари». Когда началась война, Е. М. Кубиш, несмотря на возраст, принимала посильное участие в работе по охране здания МАЭ и его богатств. Но пережить тяжелый первый год блокады ей не удалось, и ее имя по праву значится на мемориальной доске в музее среди имен погибших в блокаду сотрудников института.

9 марта прямо за письменным столом скончалась сибиревед *Нина Александровна Вальронд*⁴⁵. Она родилась в октябре 1895 г. в Самаре в дворянской семье. В 1897 г. скончался глава семьи, и девочку послали в 1906 г. учиться в Николаевский сиротский институт, который она закончила в 1913 г. Вальронд прошла двухгодичные педагогические курсы при нем, получив звание преподавателя новых языков. В 1915—1917 гг. обучалась на юридическом отделении Высших женских (Бестужевских) курсов, но революционная ситуация 1917 г. заставила ее уйти со второго курса. Осенью 1917 г. она уже преподаватель женской гимназии Тихонравовой в Томске, зимой и осенью 1918 г. — преподаватель немецкого языка в правительственной женской гимназии в г. Верхнеудинске. Летом 1918 г. Вальронд

совершила первую экспедиционную поездку к курумийским гольдам, в 1919 г. повторила поездку к гольдам на средства Института исследования Сибири. В 1919/20 учебном году она преподавала немецкий язык во Второй женской гимназии Хабаровска, летом 1920 г. вновь совершила поездку к гольдам по командировке Приамурского отдела РГО. В 1920/21 учебном году Вальронд преподавала французский и немецкий языки в Высших начальных училищах — Тургеневском и Унтербергеровском в Хабаровске, а с сентября 1921 по июль 1922 г. она секретарь и заместитель представителя Миннацдел ДВР для Приморской, Приамурской и восточной части Амурской губ. В 1921 г. у нее состоялась уже командировка к гольдам по заданию Миннацдел правительства ДВР в связи с разработкой вопросов письменности. В 1922/23 учебном году она опять преподаватель французского и немецкого языков в гимназии Шарлова в Чите и на курсах новых языков для группы преподавателей при бывшем Реальном училище. В 1925/26 учебном году вела занятия с группой туземцев-курсантов при крайсовпартшколе.

В 1926 г. состоялась командировка к гольдам по линии ДалькрайОНО для сбора материала по языку гольдов и написания букваря и первой книги для чтения для этой народности. В 1926/27 гг. временно работала старшим статистиком отдела демографической статистики, а затем отдела разработки переписи населения при ДВК СУ. Ее знания в области этнографии помогли ей в этой сложной работе. Так, в 1927 г. она выезжала по заданию статуправления края к ульчам и гилякам Лимана для внесения необходимых исправлений в переписной материал этого района. Плодотворно прошли 1928—1932 гг.: заключив договор с ДалькрайОНО, Вальронд трудилась над составлением и написанием сравнительного словаря основных говоров гольдского и ульчского языков по лексическому материалу гольдского букваря, для чего она в эти годы предприняла четыре поездки в районы компактного проживания носителей этих говоров, в том числе в 1931 и 1932 г. на собственные средства.

В 1928 г. в Хабаровске были опубликованы составленные ею первая грамматика и букварь на гольдском языке. В этот период ее интересовала такая научная тема, как увязка хозяйственных и языковых процессов у маньчжуро-тунгусов нижней части бассейна Амура. С 1 февраля 1933 г. по 1 октября 1935 г. Вальронд преподавала немецкий язык при Доме Красной Армии в Хабаровске и в воинских частях гарнизона, вела занятия по гольдскому языку с группой педагогов Хабаровской педагогической лаборатории. В ее преподавательской, практической и исследовательской работе ей помогало хорошее знание французского, немецкого, английского, гольдского, ульчского, самагирского, ороцкого, тунгусского и отчасти негидальского языков. С 1 декабря 1935 г. по договору с Институтом антропологии и этнографии АН СССР вместе со своим мужем А. Н. Липским совершает поездку к гольдам, которая благополучно завершилась в конце 1937 г. После ареста супруга в августе 1938 г. она вместе с сыном Сергеем уезжает в Ленинград, где с 13 декабря 1938 г. становится младшим научным сотрудником Кабинета Сибири.

Хотя Н. А. Вальронд-Липская начала публиковаться в 1925 г., когда в «Живой сибирской старине» были опубликованы ее материалы по этнографии гольдов, возможность сконцентрироваться на научно-исследовательской работе она обрела только в Ленинграде. Она активно включилась в работу по подготовке статей, в частности о нанайцах (гольдах) для тома «Народы Сибири». Приказом по институту от 29 апреля Н. А. Липской за своевременное выполнение и высокое качество статей для сборника «Народы СССР» была объявлена благодарность. Перед войной увидела свет только одна ее статья⁴⁶, другая вышла уже после войны, спустя 14 лет после ее гибели⁴⁷.

На ее плечи легли тяжелой ношей все трудности жестокой зимы 1941—1942 гг., которую пережить у нее не хватило физических сил.

В сентябре 1942 г. на имя секретаря Института этнографии пришла в Ленинград почтовая открытка следующего содержания: «Уважаемый товарищ! Научным сотрудником Института этнографии Академии наук работала Липская

Нина Александровна, проживавшая по пр. Маклина, д. № 31, кв. 22. В начале апреля 1942 г. сын Сережа сообщил: „Мамы нет. Как быть с квартирой“. После этого и Сережа замолчал. На ряд запросов письменных и телеграфных не отзывается.

Убедительнейше прошу Вас: умоляю, установите, что случилось с Липской, с Сергеем, и независимо от того, что с ними произошло (я готов к получению самого ужасного), сообщите мне возможно подробнее. Письма идут очень медленно, а потому прошу Вас коротко телеграфируйте.

Мой адрес — Суражевка Амурской области, Суражевский ОЛП НКВД Липскому Альберту Николаевичу. Поймите мое беспокойство. Помогите мне. А. Липский. 6/IX-42 г.»⁴⁸.

Говорят, не в пример жене супруг был жесткий человек. Но здесь совершенно явно: человек переживал тяжелую драму, особенно если учесть, что он только что вышел на свободу после 5-летнего заключения. Но судьба отца и сына — это уже другой сюжет...

В апреле 1942 г. смерть унесла одного человека. 2 апреля умерла музейный работник *Вера Васильевна Екимова*⁴⁹. Она родилась 22 августа (ст. ст.) 1880 г. в Царском Селе. После окончания в 1896 г. патриотической школы до 1901 г. жила в общежитии Общества попечения о девушках-работницах в Санкт-Петербурге и ходила поденно работать белошвейкой и одновременно поступила конторщицей в мастерскую Взаимного благотворительного общества. Потом она работала в различных учреждениях: в книжных магазинах, в Лиговском народном доме... Незабываемое на всю жизнь впечатление оставила поездка в мае-июне 1914 г. с московской училищной экскурсией по городам Италии, ей довелось осмотреть достопримечательности Рима, Флоренции, Неаполя, Венеции. В 1918 г. она сдала экзамен за 7 классов женской гимназии и поступила в Петрограде в Археологический институт. Одновременно в 1919—1921 гг. работала в Русском музее по отделу русской этнографии под руководством проф. К. К. Романова сначала как регистратор Этнографического отдела, а затем научным работником 2-го и 1-го разряда.

По окончании Археологического института была оставлена научным сотрудником при Археологическом кабинете института, а после слияния института с университетом перешла в последний, где работала до 1924 г. В 1924 г. сдала экзамены за университетский курс факультета общественных наук ЛГУ и затем до 1931 г. работала там ассистентом. В 1926—1930 гг. еще состояла слушательницей Государственного института истории искусств, но не закончила его, уйдя с 4-го курса. С января 1931 г. она стала трудиться в Этнографическом отделе Русского музея, где была избрана действительным членом музея, а с 1 сентября 1932 г. заместителем заведующего отделом. Крупный тюрколог акад. А. Н. Самойлович отзывался о ней «как о чрезвычайно ценном работнике, объединяющем в себе серьезные научные интересы со способностями популяризатора». Последнее, очевидно, относилось к ее экскурсоводческой деятельности в политпросветотделе Этнографического отдела.

В. В. Екимова отличалась большой активностью в общественной работе, к этому ее обязывала партийность (она еще в 1927 г. вступила в партию). О своей деятельности здесь она писала позднее: «За время пребывания в музее мной совместно с зав. отд. Н. Г. Талановым проведена работа по расслоению научных сотрудников музея и выявлению чуждых элементов». В 1932—1934 гг. она серьезно болела и даже получила инвалидность, но с 15 февраля 1934 г. выступает как научный сотрудник 2-го разряда МАЭ с возложением на нее обязанностей секретаря музейной комиссии. В дальнейшем в зависимости от штатного расписания Екимова занимала должности научного сотрудника 1-го разряда, младшего и старшего сотрудника. В 1937 г. ею были составлены инструкции по учету и регистрации музейных объектов. С мая 1938 г. по февраль 1941 г. она заведует Отделом Передней и Средней Азии, а с 17 февраля 1941 г. — помощник заведующего этого отдела по музейной работе⁵⁰.

В начале войны она попыталась эвакуироваться, но с 1 октября 1941 г. восстановилась на работе в институте и вместе с оставшимися сотрудниками все свои

силы отдавала сохранению музея и его коллекций. Еще в марте 1926 г. один из ее учителей проф. К. К. Романов писал о ней: «Она очень хороший музейный работник и точный исследователь». Всей своей жизнью и деятельностью она подтвердила эту высокую оценку. Она всецело посвятила себя музейной деятельности, занималась изучением среднеазиатских, особенно бухарских, тканей. И хотя ее научные труды немногочисленны, они сохраняют свое значение и сейчас. Не случайно, что некоторые из них увидели свет уже через много лет после кончины автора⁵¹.

В мае 1942 г. не стало двоих. 10 мая умерла старший рабочий *Анна Андреевна Луканина*⁵². Она родилась в 1892 г., работала в МАЭ с 17 февраля 1931 г. в должности препаратора. 10 марта 1941 г. в связи с исполнившимся 10-летием ее трудовой деятельности в музее приказом директора института было отмечено ее добросовестное отношение к делу. А. А. Луканина получила благодарность и денежную премию. С началом войны она участвовала в строительстве оборонительных сооружений города. С закрытием музея Луканина была переведена на должность старшей рабочей, дежурила в звеньях противопожарной безопасности, в ремонтных работах и т. д. Часто болела, но, казалось, пережила благополучно тяжелую зиму 1941—1942 гг. Однако ее последствия все-таки дали о себе знать...

В мае 1942 г. скончался индолог *Валерий Евгеньевич Краснодембский*⁵³. Он родился 2 (15) декабря 1907 г. в Кагуле Бессарабской губ. в семье юриста. После окончания Одесского (Новороссийского) университета Краснодембский уехал работать в Ташкент, поэтому его детство и юность (1911—1926 гг.) прошли в Средней Азии. После окончания в 1925 г. 9-летней школы в 1926—1930 гг. обучался на индийском отделении ленинградского Восточного института. С дипломом индолога в 1930 г. он был направлен на работу в Узбекистан на узбекском рабфаке. В 1931 г. служил в Красной Армии, но был уволен в долгосрочный отпуск как командир запаса. В 1931 г. возвращается в Ленинград. С 1 ноября 1931 г. по 15 мая 1932 г. он помощник ученого секретаря Института языка и мышления, а с 1 августа 1932 г. переходит в Восточный институт, где первые полтора года работает заведующим индийским и афганским отделами библиотеки, а с 1 октября 1932 г. начинает преподавать маратхский язык.

Работая в институте до 1938 г. (с 20 августа 1935 г. в должности доцента), он впервые в нашей стране поставил преподавание и провел исследования по маратхскому языку. В 1935 г. был издан его «Маратхско-русский и русско-маратхский словарь». В 30-е годы было сильно развито совместительство, и 15 октября 1933 г. его учитель проф. А. П. Баранников дает ему отзыв, в котором, в частности, говорится: «В годы учебы тов. В. Е. Краснодембский показал себя человеком исключительной добросовестности и больших способностей... Обширные познания т. В. Е. Краснодембского в области индологии делают его вполне пригодным для выполнения работы научного сотрудника МАЭ».

С 15 декабря 1933 г. его зачисляют научным сотрудником 2-го разряда в штат Института антропологии и этнографии, а с 1 марта 1934 г. уже переводят в категорию научных сотрудников 1-го разряда. Здесь он приступает к работе над диссертационной темой «Социальная структура племен мунда (разложение родового строя)», для которой им были подготовлены две крупные статьи: «Термины родства у племен мунда» и «Брак и семья у племен мунда». Предполагалось, что они в переработанном виде войдут в качестве глав в диссертацию. Это были первые столь крупные работы по этнографии мунда на русском языке. Научный куратор и заведующий Кабинетом Индии, Индонезии и Дальнего Востока В. А. Чатопада 15 октября 1936 г. так оценивал работу своего подопечного: «С дальнейшим усвоением теоретических вопросов этнографии и литературы по Индии он, несомненно, сможет стать ценным специалистом в своей области... Он имеет очень хорошее знание языков Хиндустани (урду и хинди), маратхи, англ. и персидского и, кроме того, читает по-немецки и по-французски». Работая в институте, Краснодембский изучает музейные коллекции по Индии, водит экскурсии по музею.

Очевидно, общеиндологические интересы, в том числе лингвистические,

привели его к мысли о необходимости перейти в Институт востоковедения. С 1 ноября 1937 г. по собственному желанию и по договоренности с академиком-секретарем Отделения общественных наук акад. А. М. Дебориным В. Е. Краснодембский переводится из Института этнографии в Институт востоковедения на должность научного сотрудника. Основная работа здесь была связана с подготовкой «Урду-русского словаря»⁵⁴. Тогда в Институте востоковедения проводилась работа по подготовке целого ряда восточных словарей. Здесь исследователь работает до 1942 г. С 1934 г. В. Е. Краснодембский преподавал индийские языки в ЛГУ. С университетом он решил после тяжелой блокадной зимы 1941—1942 гг. эвакуироваться в Саратов, но ослабленный организм не выдержал еще и трудностей переезда. Снятый с поезда в Пензе, он скончался там в мае 1942 г. в местной больнице.

Несмотря на уход из Института этнографии АН СССР, В. Е. Краснодембский поддерживал с сотрудниками кабинета и отдела тесные творческие и личные связи. Он вел занятия по индийским языкам с аспирантом института М. К. Кудрявцевым. Очевидно, этим объясняется то, что его имя значится на доске сотрудников Института этнографии, погибших в блокаду.

21 июня умерла вахтер *Ольга Кирилловна Кузнецова*⁵⁵. Она пришла в здание по Университетской набережной, д. 3 после первой блокадной, самой тяжелой зимы и была зачислена на работу только 4 апреля 1942 г. Канцелярия института даже не успела заполнить на нее служебную личную карточку, так как О. К. Кузнецова скончалась.

26 декабря 1942 г. умерла дворник *Александра Никифировна Старикова*⁵⁶. Она родилась в 1884 г., трудилась в различных учреждениях города, пришла в институт, когда самые тяжелые дни блокады были уже позади, миновало первое блокадное лето. Ее зачислили на работу с 22 сентября 1942 г. Оказалось, что последствия пережитого года все-таки дали о себе знать...

На мемориальной доске среди погибших в блокаде значатся несколько фамилий, смерть которых не подтверждается приказами по институту, их дальнейшая судьба просто неизвестна.

Баевич Галина Григорьевна, 1923 г. рождения, работала в институте с 21 февраля 1939 г. в Отделе антропологии и археологии, уволена с 23 августа 1941 г. в связи с частичным сокращением объема работ института⁵⁷.

Гнесина Мария Владимировна, 1887 г. рождения, поступила на работу в институт 28 мая 1941 г. на должность старшего научно-технического сотрудника (происходила из семьи личного дворянина, в 1912 г. закончила биологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов), уволена с 21 августа 1941 г. в связи с частичным сокращением объема работ в институте⁵⁸.

Гущина Олимпиада Васильевна, 1902 г. рождения. В институте работала с 27 марта 1930 г., с 1 июня 1940 г. в должности реставратора. Уволена с 18 ноября 1941 г. согласно личному заявлению⁵⁹.

Козлов Леонтий Мартынович, родился в 1875 г. в крестьянской семье в Ярославской губ., в институте служил с 5 марта 1935 г. в должности вахтера. Освобожден от работы с 6 апреля 1942 г. ввиду истечения двухмесячного срока невыхода на работу по болезни (ст. 47 КЗОТ). Дальнейшая судьба неизвестна⁶⁰.

Самсоненко Ефим Федорович, родился в 1868 г., работал в институте с 13 сентября 1934 г. в должности вахтера, уволен с 22 августа 1941 г. в связи с частичным сокращением объема работ в институте. В 1942 г. он вновь вернулся на службу, но с 8 марта 1943 г. отчислен⁶¹.

За давностью времени трудно понять скупые строчки приказа, скрывающие судьбы, может быть, тогда еще живых людей. Одним из поводов для увольнения было «отчислить из списка сотрудников института в связи с двухмесячным невыходом на работу по болезни». Так, с 5 марта 1942 г. по этой причине был отчислен *Павел Александрович Смелов*⁶². Он родился в 1874 г. в Татарии, в г. Чистополе в семье русского православного священника. Сначала учился в духовной семинарии, а затем получил профессию художника-реставратора, работал в МАЭ и в ГАИМК. 24 ноября 1941 г. был назначен комендантом здания Кунсткамеры,

вскоре заболел, а через два месяца уволен как невышедший на работу после болезни. К счастью, он не погиб, ему с семьей удалось эвакуироваться, о чем он своевременно не поставил в известность институт. После войны, как свидетельствуют архивные материалы, он просил институт помочь ему вернуться в Ленинград. Но столь подробные, уточняющие события материалы имеются отнюдь не обо всех сотрудниках.

Приведу еще несколько других выписок из приказов по институту. *Елена Игнатъевна Зинюк*⁶³ родилась в 1921 г. в г. Боготол Томской обл. Польша. Училась в ленинградском Институте инженеров коммунального строительства. С 1 сентября 1942 г. зачислена на должность научно-технического сотрудника Института этнографии. С 9 ноября 1942 г. отчислена в связи с истечением двухмесячного срока, дававшего на законных основаниях право не выходить на работу.

*Валентина Петровна Леонтовская*⁶⁴ родилась в 1904 г. в Петербурге, русская, дочь профессора. Окончила в 1924 г. биологический факультет Высшего института народного образования. В Институт этнографии была зачислена в один день с Е. И. Зинюк на одинаковую с нею должность. Однако в ее личной карточке нет никаких других записей, позволяющих судить о ее дальнейшей судьбе.

*Татьяна Васильевна Кристман*⁶⁵ родилась в 1892 г. в Латвии в русской крестьянской семье. До 1935 г. домохозяйка, но с 28 октября была зачислена на работу в Институт антропологии и этнографии на должность телефонистки. Отчислена с 15 июня 1942 г., однако в дальнейшем была восстановлена, но уже в должности вахтера. Приказом по институту за № 37 от 13 июня 1943 г. Т. В. Кристман ввиду истечения четырехмесячного срока невыхода на работу по болезни была освобождена от обязанностей в институте с 1 июня 1943 г. Дальнейшая судьба неизвестна.

*Прасковья Емельяновна Васильева*⁶⁶ родилась в 1910 г. в Санкт-Петербургской губ. в русской крестьянской семье, работала в колхозе. 4 июля 1940 г. зачислена в штат Института этнографии на должность препаратора, с 1 февраля 1942 г. — старший рабочий. Уволена с 8 апреля 1942 г. в связи с эвакуацией. Удалось ли ей уехать из блокадного города, неизвестно.

*Мария Гавриловна Гостиловская*⁶⁷ родилась в 1911 г. В Институт этнографии пришла 20 октября 1938 г. на должность научно-технического сотрудника Отдела антропологии. Уволена с 22 августа 1941 г. в связи с частичным сокращением объема работ в институте.

*Эмилия Борисовна Габер*⁶⁸ родилась в 1901 г. в Херсоне в еврейской семье. В 1919 г. окончила гимназию. С 25 января 1932 г. начала работать в системе АН СССР, с 4 марта 1939 г. — заведующая канцелярией Института этнографии. Уволена с 27 августа 1941 г. также в связи с уменьшением объема работ в учреждении.

Всего в первые военные месяцы по сокращению штатов, в связи с эвакуацией или по собственному желанию из института было уволено около 20 человек. Увольнения в научных учреждениях Академии наук блокадного Ленинграда продолжались до весны 1942 г. Свидетель тех событий Д. С. Лихачев в своих воспоминаниях о том времени и тех событиях пишет: «Самым страшным было постепенное увольнение сотрудников... Увольнение было страшно, оно было равносильно смертному приговору: увольняемый лишался карточек, поступить на работу было нельзя»⁶⁹. Так что от попыток подсчитать точное количество погибших даже только сотрудников Института этнографии АН СССР в блокадном Ленинграде пока придется отказаться.

Мы отдаем долг памяти, чтим бессмертный подвиг и преклоняемся перед великим беспримерным мужеством тех, чьи имена удалось установить, и тех, кто остался неизвестен для потомков.

Примечания

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФА РАН), Ф 142. Оп. 1. (1942). Д. 5. Л. 9.

² Там же. Д. 32. Л. 18.

³ Там же. Ф. 142. Оп. 5. Д. 105; 271; 391; 426. Л. 28; Ф. 222. Оп. 2. Д. 147. Архив МАЭ. Ф. 3.

⁴ *Дыренкова Н. П.*: Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов//Сб. этно-

графических материалов. Л., 1927. № 2. С. 3—25; Культ огня у алтайцев и телеут // Сб. МАЭ. Т. 6. 1927. С. 63—78; (совместно с Л. П. Потаповым). Озуп и абыл — хозяйственные орудия шорцев Кузнецкой тайги (из области первобытной культуры турецких племен) // Культура и письменность Востока. Баку, 1928. Кн. 3. С. 103—123; Птица в космогонических представлениях у турецких племен Сибири // Там же. 1929. № 4. С. 119—126; Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен // Сб. МАЭ. Т. 9. 1930. С. 267—291; Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев // Сов. этнография. 1936. № 6. С. 70—84; Пережитки материнского рода у алтайских тюрков // Там же. 1937. № 4. С. 18—45; Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков. (Духи emegender orokenner) // Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). Сб. статей. М.; Л., 1937. С. 123—145; Шорский фольклор. М.; Л., 1940; Материалы по шаманству у телеутов // Сб. МАЭ. Т. 10. 1949. С. 107—190; Охотничьи легенды кумандинцев // Там же. Т. 11. 1949. С. 110—132.

⁵ Выдающийся монголовед Н. Н. Поппе поместил биобиблиографические сведения о Н. П. Дыренковой среди материалов о самых выдающихся алтаистах, таких, как В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, Н. Ф. Катанов, А. Д. Руднев, Б. Я. Владимиров, А. М. Кастре, Г. Рамстед и др. См. *Poppe N. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965. P. 109.*

⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 52.

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ Об А. Н. Генко см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63970; Архив СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 151; ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4994; Ф. 142. Оп. 5. Д. 256, 426; Л. 20; Ф. 302. Оп. 2. Д. 56; Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992.

⁹ *Генко А. Н.: О языке убыхов // Изв. АН СССР. VII серия. Отделение гуман. наук. Л., 1928. С. 227—242; Материалы по лезгинской диалектологии. Кубинское наречие. // Там же. № 4. Л., 1929. С. 317—342; О названии «плуга» в северокавказских языках // Доклады АН СССР. В. № 7. Л., 1930. С. 128—135; Из культурного прошлого ингушей // Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930. Т. 5. С. 681—761; Арабская карта Чечни эпохи Шамиля // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Т. 2. Ч. 1. Л., 1933. С. 21—36; Задача этнографического изучения Кавказа // Сов. этнография. 1936. № 4—5. С. 6—20; Арабский язык и кавказоведение // Тр. второй сессии Ассоциации арабистов. М.; Л., 1941. С. 81—110; Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. М., 1955.*

¹⁰ *Генко Г. А. Дело № 3433-41 на Генко Анатолия Нестеровича // Уроки гнева и любви. Вып. 3. Сб. воспоминаний о годах репрессий (20-е — 80-е гг.). СПб., 1992. С. 63.*

¹¹ Там же. С. 68—69.

¹² Попутно замечу, что в период войны были репрессированы и некоторые другие этнографы, работавшие в других этнографических учреждениях. Таким образом, репрессии не прекращались и во время войны.

¹³ Об А. Н. Юзефовиче см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 186; 381; 425; 426. Л. 110.

¹⁴ *Юзефович А. Н. Антропологическая секция Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР // Сов. этнография, 1936. № 1. С. 146—147; Рец.: Быховский А. Расы и происхождение человека. 1934 // Там же. С. 183—188; рец.: Гинзбург В. В. Горные таджики. М., Л., 1937 // Природа. 1937. № 9. С. 143—144; Два типа якутских черепов // Антропологический журнал. 1937. № 2. С. 65—78; Новые палеоантропологические находки // Природа. 1938. № 5. С. 101—104; Кисть неандертальца // Там же. № 9. С. 37—46; Синантроп и его положение в системе гоминид // Там же. 1939. № 1. С. 35—45; Полвека поисков питекантропа // Там же. № 3. С. 82—86; Перерывы постепенности в эволюции человека // Там же. № 11. С. 66—74; Наука и религия о происхождении человека. Л., 1939; Ископаемые южноафриканские антропоиды // Природа. 1940. № 5. С. 49—57; Древние черепа из окрестностей озера Лоб-Нор // Сб. МАЭ. 1949. Т. 10. С. 303—311; К краниологии долган // Там же. С. 312—322.*

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 66.

¹⁶ О Г. И. Петрове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 333; 411; 426. Л. 72; Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 5. Д. 242; 506. Там же хранится список его работ. См., в частности, *Петров Г. И. Л. Я. Штернберг как антрополог // Изв. АН СССР. Л., 1930. С. 1079—1088; Материалы Бурято-Монгольской антропологической экспедиции 1931 г. Ч. I. Обзор работ экспедиции. Составлен начальником экспедиции Г. И. Петровым при участии А. Н. Редькиной и С. Т. Серпунина. Л., 1933. Расовая теория на службе у фашизма // Тр. ГАИМК. Вып. 95. М.; Л., 1934.*

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 46.

¹⁸ Там же. Фонд 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 20.

¹⁹ Там же. Д. 20. Л. 14.

²⁰ О Г. Н. Прокофьеве см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 68748; ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1715; Ф. 142. Оп. 5. Д. 153; 335; 414; 426. Л. 74; *Омельчук А. Рыцари Севера. Свердловск, 1982. С. 35—98; Вологодина В. Н. Из истории Кунсткамеры: Музейные работники в годы войны и блокады // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1994. № 4. С. 172.*

²¹ *Прокофьев Г. Н.: Остяко-самоеды Туруханского края // Этнография. 1928. № 2. С. 96—103; Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Изв. ЛГУ. Т. II. 1929. С. 365—373; К вопросу о переходном залоге в самоедских языках (1934) // Сб. статей памяти В. Г. Богораза (1865—1936). Л., 1937. С. 309—323; Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нгансанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов) // Сов. этнография. 1940. 3. С. 67—76; *Прокофьева Е. Д. Ненцы (в основу описания дореволюционного быта положена статья Г. Д. Вербова и Г. Н. Прокофьева) // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 608—647; Прокофьева Е. Д. Селькупы (с использованием материалов Г. Н. Прокофьева) // Там же. С. 665—686.**

²² ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1943). Д. 24. Л. 16.

²³ О Н. Н. Тихоницкой см.: Архив МАЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 21; ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 364; 419; 426. Л. 98; Ф. 222. Оп. 2. Д. 497; Ф. 302. Оп. 2. Д. 354.

²⁴ Тихоницкая Н. Н.: Словесно-художественное творчество. Из материалов этнографической экспедиции в Куменскую волость Вятского уезда летом 1925 г. // Тр. Вятского гос. музея. Т. 1. Вятка, 1927. С. 64—70; «Спорина» в жатвенных обрядах и песнях, преимущественно белорусских // Язык и литература. Т. VIII. Л., 1932. С. 59—81; Сельскохозяйственная толока у русских // Сов. этнография. 1934. № 4. С. 73—90; Русская народная игра «Просо сеяли» // Сов. этнография. 1938. № 1. С. 145—166.

²⁵ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 83.

²⁶ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4907; Ф. 77. Оп. 5. Д. 77, 473; Ф. 142. Оп. 5. Д. 336; 426. Л. 75; Ф. 302. Оп. 2. Д. 214.

²⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 31.

²⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 109.

²⁹ Там же. Д. 295; 426. Л. 45.

³⁰ О Е. В. Жирове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 109; 276; 395; 426. Л. 33.

³¹ Жиров Е. В.: (совм. с Б. Н. Вишневым). Анатомические коллекции Кунсткамеры. Путеводитель по выставке. Л., 1934; Черепа из русских погребений XVI—XVII вв. на территории бывшего Тихвинского уезда // Антропологический журнал. 1936. № 1. С. 82—89; Древние ижорские черепа // Сов. археология. 1937. № 2. С. 151—158; Костяки из грота Мурзак — Коба // Там же. 1939. № 5. С. 179—186; Об искусственной деформации головы // Сообщения ИИМК. Вып. VIII. Л., 1940. С. 81—84; (совм. с В. В. Гинзбургом). Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР // Сб. МАЭ. Т. 10. 1949; С. 213—265; Черепа из зороастрийских погребений в Средней Азии // Там же. С. 266—272; Костяки из каменных ящиков Крыма // Там же. С. 276—284.

³² ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 104.

³³ Подробнее об А. Н. Кондаурове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 127; 294; 398; 426. Л. 44; Ф. 222. Оп. 2. Д. 215. Архив МАЭ. Ф. 9.

³⁴ Кондауров А. Н.: Переселенческий колхоз в Таджикистане // Труд и быт в колхозах. Л., 1931; Реэкспозиция отдела Передней и Средней Азии в Музее антропологии и этнографии // Сов. этнография. 1934. № 4. С. 123—124; Предварительный отчет о научной командировке в долину р. Ягноб в Таджикистане // Там же. 1935. № 1. С. 121—122; Некоторые материалы по этнографии ягнобцев (Из результатов поездки в 1934 г.) // Там же. 1935. № 6. С. 80—108; Центральный музей Таджикской ССР (г. Душанбе) // Там же. 1936. № 6. С. 134—135; Отчет об экспедиции Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР по изучению жилищ ягнобцев и горных таджиков (1936) // Там же. С. 111—116; Экспедиция Среднеазиатского отделения Всесоюзного института экспериментальной медицины в Ягноб и долину Зеравшана // Там же. С. 139; Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.; Л., 1940 (Тр. Ин-та этнографии. Т. 3. Вып. 1. Серия этнографическая).

³⁵ О К. А. Большевой см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 234; 385; 426. Л. 8. Там же имеется список ее работ. В 1939 г. она совместно с Л. А. Динцесом опубликовала статью «Народные художественные ремесла Ленинградской области» (Сов. этнография. 1939. № 2. С. 104—148), и после войны увидела свет ее небольшая работа «Стилевые основы композиций панно Н. Шахова из коллекций МАЭ» (Сб. МАЭ. 1949. Т. 10. С. 34—38).

³⁶ О С. А. Штернберг см.: ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 4. Д. 17; 426. Л. 108.

³⁷ Штернберг С. А.: Путеводитель по Музею антропологии и этнографии им. Имп. Петра Великого. Этаж I. Зал. 1. Северная Америка. Пг., 1917; Музейные материалы по тлингитскому шаманству // Сб. МАЭ. 1927. Т. 6. С. 79—114; Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук (По личным воспоминаниям, литературным и архивным данным) // Там же. 1928. Т. 7. С. 31—70; Музейные материалы по тлингитам. Очерк 2. Церемониальные принадлежности // Там же. 1929. Т. 8; Отдел Северной Америки. Путеводитель по МАЭ. Л., 1929; Музейные материалы по тлингитам. Очерк 3. Предметы вооружения и военные обычаи и обряды // Сб. МАЭ. 1930. Т. 9. С. 167—186; Л. Я. Штернберг и Ленинградская этнографическая школа 1904—1927 гг. (По личным воспоминаниям и архивным данным) // Сов. этнография. 1936. № 2. С. 134—154; Семья и род у западных индейцев Северной Америки (По новейшим исследованиям) // Тр. Ин-та этнографии. 1936. Т. 4. С. 789—809; Черные и белые в Соединенных Штатах Америки. М.; Л., 1936; (совм. с С. А. Токаревым, Б. И. Шаревской). Племена Калифорнии и Большого бассейна // Народы Америки. Т. 1. М., 1959. С. 266—283.

³⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. (1942). Д. 25. Л. 1.

³⁹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 151; 334; 412; 426. Л. 73.

⁴⁰ Пиотровский А. Б.: Цветные и белые в Океании // Природа и люди. 1931. № 4. С. 51—56; Тасманийцы (Краткий очерк культуры) // Сов. этнография. 1933. № 3—4. С. 166—174; Новые материалы о горных племенах мандатной территории Новой Гвинеи // Там же. 1936. № 3. С. 99—100; Франко-бельгийская и Американская экспедиции на о. Пасхи // Там же. 1937. № 1. С. 184—185; Кинофильм из жизни коренного населения Южной Австралии // Там же. 1937. № 2—3. С. 124; Н. Н. Миклухо-Маклай (1846—1888) // Н. Н. Миклухо-Маклай. Дневники путешествий на Новую Гвинею и острова Адмиралтейства в 1881—1883 гг. М.; Л., 1937. С. 9—53; Культура папуасов залива Астролябии по исследованиям Н. Н. Миклухо-Маклая // Изв. ВГО. 1939. № 1—2. С. 170—186; Выставка к 50-летию со дня смерти великого русского путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая (1888—1938). Путеводитель. М.; Л., 1939; Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия. Т. 1—2. Подготовка к печати И. Н. Винникова и А. Б. Пиотровского. М.; Л., 1940; Тасманийцы // Народы Австралии и Океании. М., 1956. С. 272—280.

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 334. Л. 3.

⁴² Об О. Н. Бумагиной см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 9.

⁴³ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Д. 32. Л. 6. Других дополнительных сведений об О. Н. Драмовой не удалось найти.

⁴⁴ О Е. М. Кубиш см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 299; Ф. 158. Оп. 7. Д. 145; 686.

⁴⁵ О Н. А. Липской см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 311; 404; 426. Л. 55; Архив МАЭ. Ф. 5.

- ⁴⁶ Липская Н. А. Краткий предварительный отчет о командировке для этнографического изучения нанайцев (гольдов) // Сов. этнография. 1940. № 3. С. 250—256.
- ⁴⁷ Иванов С. В., Левин М. Г., Смоляк А. В. Нанайцы. (В основу описания дореволюционного быта положена статья Н. А. Липской «Нанайцы») // Народы Сибири. М., Л.; 1956. С. 783—816.
- ⁴⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Д. 25. Л. 13.
- ⁴⁹ О В. В. Екимовой см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 28; 143; 393; 426. Л. 30.
- ⁵⁰ В Институте этнографии АН СССР одно время существовало деление на кабинеты, в которых сосредоточивалась научно-исследовательская работа, и отделы МАЭ, входившего в состав института. В феврале 1941 г. кабинеты и отделы были слиты, новое структурное подразделение получило название отдела.
- ⁵¹ Екимова В. В.: О прикладном народном искусстве в Узбекистане // Сов. этнография. 1940. № 4. С. 187—192; Среднеазиатские кувшины для растительного масла // Сб. МАЭ. 1949. Т. 10. С. 101—206; Гончарное производство в Хивинском районе (по материалам поездки в Узбекистан в 1930 г.) // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. М., 1959. С. 343—378.
- ⁵² Об А. А. Луканиной см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 56.
- ⁵³ О В. Е. Краснодембском подробнее см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 29; 132; Архив СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 301; 373; Вологодина В. Н. Из истории Кунсткамеры: Музейные работники в годы войны и блокады // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994. С. 174.
- ⁵⁴ Уже после войны, в 1951 г., в Издательстве АН СССР в Москве вышел «Урду-русский словарь». Авторы его Бескровный В. М. и Краснодембский В. Е. Позднее была опубликована еще одна статья: Краснодембский В. Е. Индуизм // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 1. М.; Л., 1957. С. 263—281.
- ⁵⁵ Об О. К. Кузнецовой см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 49.
- ⁵⁶ Об А. Н. Стариковой см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 91.
- ⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 5.
- ⁵⁸ Там же. Л. 21.
- ⁵⁹ Там же. Л. 25.
- ⁶⁰ Там же. Л. 42; Ф. 142. Оп. 1 (1942). Д. 32. Л. 8.
- ⁶¹ Там же. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 81, 82.
- ⁶² О П. А. Смелове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 352; 426. Л. 88; Оп. 1 (1945). Д. 18. Л. 50; Ф. 4. Оп. 2 (1931). Д. 73. Л. 175; Оп. 4. Д. 2934.
- ⁶³ О Е. И. Зинюк см.: Там же. Ф. 142. Оп. 5. Д. 426. Л. 35.
- ⁶⁴ О В. П. Леонтовской см.: Там же. Л. 54.
- ⁶⁵ О Т. В. Кристман см.: Там же. Л. 47; Оп. 1 (1943). Д. 34. Л. 8.
- ⁶⁶ О П. Е. Васильевой см.: Там же. Оп. 5. Д. 426. Л. 23.
- ⁶⁷ О М. Г. Гостиловской см.: Там же. Л. 23.
- ⁶⁸ Об Э. Г. Габер см.: Там же. Л. 19.
- ⁶⁹ Лихачев Д. М. Как мы остались живы // Нева. 1991. № 1. С. 11.

Playing the last honours

The above are short biographies of the ethnographers and museum workers who died in the blockaded Leningrad in 1942—1943.

A. M. Reshetov

ISSN 0869-5415

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

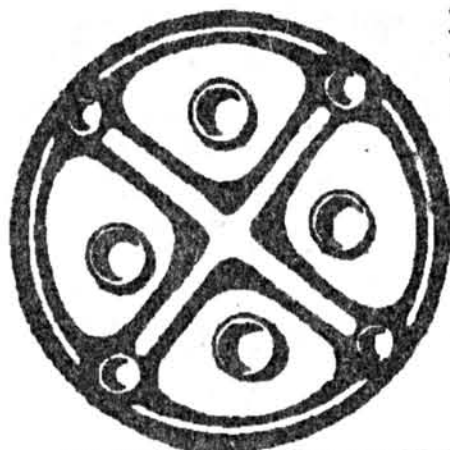
1995

№ 3

• НАУКА •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 3

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ 1926 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАЙ·ИЮНЬ
1995

С 1926 по 1929 г. журнал выходил под названием «Этнография»
С 1931 по 1991 г. — «Советская этнография»

Редакционная коллегия

Ю. В. Арутюнян, В. Н. Басилов, И. В. Власова (главный редактор),
Н. А. Дубова, А. А. Зубов, В. В. Карлов, А. М. Решетов, В. А. Тишков,
Г. В. Цулая, С. В. Чешко (заместитель главного редактора),
Д. А. Функ, Е. А. Шервуд

Отв. секретарь О. Д. Комарова

Заведующая редакцией *Е. А. Эшлиман*

Адрес редакции:

117334 Москва, Ленинский пр., д. 32а
тел. 938-18-67, 938-56-50, факс 938-06-00

К 50-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ: СОБЫТИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, МНЕНИЯ

© 1995 г., ЭО, № 3

А. М. Решетов

ОТДАНИЕ ДОЛГА. ЧАСТЬ II Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР —воинов Великой Отечественной войны

23 сентября 1943 г. участники общего собрания Академии наук СССР приняли обращение к Красной Армии. В нем, в частности, говорилось: «Никогда страна не забудет тех, кто кровью своей отстаивал свободу и счастье Отчизны»¹. С тех времен прошло свыше полувека. Демографы, военные и гражданские историки до сих пор подсчитывают людские потери в Великой Отечественной войне. Это только подтверждает факт колоссальных жертв, которые положили советские люди на алтарь победы. Дорогой ценой далась она нашему народу.

Свою посильную лепту в это великое дело внесли и сотрудники Института этнографии, призванные по мобилизации и ушедшие на фронт добровольцами. Некоторые из них не вернулись с войны, судьба других нам до сих пор не известна, третьи, вернувшись к труду этнографа, всю оставшуюся жизнь жили воспоминаниями о фронтовых буднях и боевых товарищах. Умирая в разное время в послевоенные годы, они оставались, независимо от воинских званий, солдатами Великой Отечественной.

Сейчас трудно сказать, с каким чувством все эти люди шли на войну. Конечно, она воспринималась ими как большое несчастье. Беря в руки винтовки, они едва ли думали о возможной смерти. Прежде всего все верили в скорую победу над врагом и возвращение в родные стены исторической Петровской Кунсткамеры.

В год 50-й годовщины победы над немецко-фашистскими захватчиками мне показалось крайне важным собрать все доступные сведения о тех, кто до войны работал в нашем институте и ушел защищать Родину, не думая о том, какую цену они за это заплатят. Данная статья посвящена коллегам, которые не щадя жизни, сил, здоровья, отстаивали для нашей Родины свободу и независимость.

В фойе Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН висит доска из белого мрамора, на которой золотыми буквами написано: «Светлой памяти сотрудников Института этнографии, погибших в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.). Пали в боях за Родину *Г. Д. Вербов, М. В. Евстратов, А. М. Кукулевич, И. М. Лекомцев, А. В. Мачинский, Н. П. Никульшин, А. А. Савинич, А. Шакуров, К. Н. Шакуров, Н. Б. Шнакенбург*». Но на фронт ушло значительно большее количество научных и технических сотрудников. Указанные на мемориальной доске товарищи погибли. Некоторые из ушедших на войну дожили до Победы, вернулись и работали в Институте или были связаны с Институтом, но теперь и их уже никого нет в живых. Другие не объявились после окончания войны, судьба их мне, как и другим, не известна. Известно только, что они ушли на фронт из стен нашего Института. И мне думается сегодня важно рассказать о каждом из них.

В первый день войны в армии уже находился *Алексей Владимирович Мачинский*². Он был призван на военную службу еще в декабре 1939 г. А. В.

Мачинский родился 3 (16) марта 1910 г. в Калуге в дворянской семье. Его отец был инженером-технологом, начальником материальной службы Северо-Западной железной дороги, мать — учительницей и воспитательницей. В 1918—1927 гг. Алеша учился в 1-й Детскосельской школе, после окончания которой в 1927 г. поступил в Ленинградский историко-лингвистический институт, на отделение древнего мира факультета языкознания и истории материальной культуры. В первые годы учебы увлекался археологией: в 1928 г. участвовал в работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК (раскопки Кобякова и обследование Елизаветовского городища), в 1929 г. в составе той же экспедиции работал под руководством известного археолога и этнографа А. А. Миллера, обследовал курганы в Кабардино-Балкарии. В 1930 г. Мачинский прошел месячную музейную производственную практику в Отделе Древнего Востока Государственного Эрмитажа. В 1930—1931 гг. активно участвовал в антирелигиозной пропаганде: с 15 декабря 1930 г. по 1 июня 1931 г. он — заведующий Антирелигиозным кабинетом при Смольнинском районном доме партактива. В 1931 г. его избирают членом президиума смольнинского райсовета Союза воинствующих безбожников.

В январе 1932 г. А. В. Мачинский закончил институт и получил квалификацию историка Древнего Востока и музееведа. 16 марта 1932 г. он был зачислен научно-техническим сотрудником ГАИМК, с 16 апреля работал в архиве этого института, сначала в должности заведующего, а с 22 февраля 1934 г. — хранителя (старшего научного сотрудника). Однако, как представляется, молодого ученого мало интересовала чисто архивная работа. Более активное участие он принимал в деятельности Института, где выполнял обязанности секретаря кафедры. Мачинский участвует в обсуждении докладов, которые читались в Институте, им было подготовлено исследование, о котором проф. В. В. Струве в декабре 1934 г. дал такой отзыв: «Считаю своим долгом заявить, что работа т. Мачинского „Сельское хозяйство Древнего Египта“, подготовляемая им к печати по поручению кафедры Древнего Востока и ИИРО (Института истории рабовладельческого общества.— А. Р.) ГАИМК, является добросовестным и обстоятельным решением поставленной им проблемы. В особенности заслуживают внимания и одобрения вдумчивые и осторожные отношения к вопросу об организации сельского хозяйства и попытка вполне самостоятельно определить характер связи непосредственного производителя со средствами производства.

Очень ценные наблюдения в области техники, указывающие нам на момент более интенсивной обработки высоких полей»³.

Большую и активную деятельность он развивает и как секретарь кружка по изучению Древнего Востока при Государственном Эрмитаже; сохраняет интерес и к археологии. С 25 июня по 8 сентября 1934 г. А. В. Мачинский участвует в новостроечной экспедиции на р. Терек и в г. Керчи. Ряд его неопубликованных работ по археологии Северного Кавказа хранится в архиве ИИМК в Санкт-Петербурге.

Разносторонние интересы молодого ученого, по-видимому, не находили полного удовлетворения в ГАИМК. И он принимает решение о переходе в Институт антропологии, археологии и этнографии, где имелась возможность работать по специальности. Речь, очевидно, шла о музееведении. Есть архивные сведения, что в указанном Институте он начал работать до договору с 15 апреля 1934 г. По соглашению с Институтом Мачинский должен был произвести подбор материалов по номенклатуре родства в древней Мексике, составить список племен Мексики и Центральной Америки, учетный перечень всех археологических коллекций и др. С 15 марта 1936 г. он был зачислен в штат Института на должность научного сотрудника 1-го разряда, хоть по приказу был уволен из ГАИМК только с 1 апреля 1936 г.

Переход в Институт антропологии, археологии и этнографии не означал полного разрыва с прежней тематикой: с согласия заведующей отделом Центральной и Южной Америки Н. Г. Шпринцин Мачинский с 1 августа по 30 сентября уезжает в экспедицию ГАИМК и Чеченского научно-исследовательского института для

проведения археологических работ на территории Чечено-Ингушской АО. С 3 июля по 3 сентября 1938 г. его вновь откомандировывают в ГАИМК для участия в Северо-Кавказской экспедиции, а в августе — сентябре 1939 г. Мачинский опять на раскопках в Чечено-Ингушской АССР.

В Институте этнографии им была проведена большая музейная работа с этнографическими и археологическими коллекциями, подготовлен путеводитель по выставке «Древние культуры Мексики и Южной Америки», оставшийся, к сожалению, неопубликованным. По плану он написал статьи об ацтеках и майя, готовил статьи о кечуа и аймара для двухтомника «Этнография народов зарубежных стран», выступал как помощник редактора этого издания Д. А. Ольдерогге. Последний так отзывался о работе А. В. Мачинского: «На этой работе т. Мачинский показал свою осведомленность и знание материала. Помощь его весьма значительна, и только благодаря ей я имел возможность проверить большое число статей, прошедших через редакцию»⁴. Директор Института этнографии акад. В. В. Струве также высоко отзывался о достоинствах А. В. Мачинского как научного сотрудника: «За все это время (работы в Институте в 1936—1939 гг. — А. Р.) Алексей Владимирович Мачинский проявил себя аккуратным работником и выполнил ряд научных заданий, свидетельствующих о его большом научном росте»⁵.

В конце 1939 г. в связи с мобилизацией А. В. Мачинского в ряды РККА директора двух академических учреждений — Института этнографии В. В. Струве и Института истории материальной культуры М. И. Артамонов — обратились в Ленинградский горвоенкомат с просьбой об освобождении его от службы, мотивируя его большой нагрузкой как основного исполнителя по Институту этнографии в томе «Этнография народов зарубежных стран», по Институту истории материальной культуры — в т. 1, по Институту истории — в т. 2 «Всемирной истории». В 1939 г. Мачинский начал преподавательскую деятельность в Педагогическом институте им. М. Н. Покровского⁶. Несмотря на ходатайство директоров, военкомат подтвердил свое намерение. В приказе № 87 по Институту этнографии от 10 декабря 1939 г. отмечалось: «Младшему научному сотруднику Отдела Центральной и Южной Америки Алексею Владимировичу Мачинскому, призываемому в ряды РККА, за большую и тщательно проведенную работу по редактированию статей двухтомника „Очерки этнографии зарубежных стран“ объявляю благодарность и представляю его к премированию Президиумом Академии Наук СССР»⁷.

Будучи научным сотрудником АН СССР, А. В. Мачинский проявил себя как незаурядная личность с разносторонними интересами. Некоторое представление об этом может дать список, пусть даже неполный, его опубликованных работ⁸. Он вел себя скромно, достойно, весь отдавался работе, общественной деятельностью не занимался, был исключительно доброжелателен к людям. Вполне вероятно, что его осторожность проистекала из понимания складывавшейся в стране и в Академии трагической ситуации... По более поздним отзывам друзей и коллег, «он уже тогда понимал многое из того, чего мы не понимали и о чем не догадывались».

В армии первый год он служил рядовым, а затем при штабе дивизии был переводчиком и сам готовил переводчиков. После начала войны, говорят, за подбитый в трудном бою танк и проявленную способность к руководству боевыми действиями был произведен в лейтенанты. Очевидцы рассказывали, что однажды небольшая группа красноармейцев под командованием лейтенанта А. В. Мачинского сопровождала железнодорожный эшелон. Во время налета вражеской авиации на объект бойцы залегли по обе стороны насыпи полотна железной дороги и винтовочными выстрелами пытались сбить самолет. Одна из машин противника пролетела на малой высоте, расстреливая пулеметными очередями лежавших на обочине людей. Именно на этой стороне насыпи находился и лейтенант А. В. Мачинский, здесь его и настигла вражеская пуля. Точное место гибели и захоронения семье не известно. По сведениям Дзержинского райвоенкомата Санкт-Петербурга, А. В. Мачинский пропал без вести в декабре 1942 г.

В предвоенные месяцы особенно часто производились призывы военнообязанных для прохождения длительных военных сборов. На один из таких сборов был призван кочегар Института этнографии *Михаил Васильевич Евстратов*, уволенный по этому случаю из штата сотрудников с 9 апреля 1941 г.⁹ Он родился в 1909 г. в деревне Шелканиха Сандовского уезда Тверской губернии. Происходил из крестьянской семьи, образования не получил, жил трудом земледельца. До 1936 г. работал в колхозе, потом перебрался в Ленинград, служил вахтером, грузчиком. В октябре 1937 г. Евстратов был осужден на два года, которые провел на Дальнем Востоке на лесоразработках. С 29 октября 1939 г. он работал кочегаром в Институте этнографии. Сведениями о дальнейшей его жизни я не располагаю.

Уже 23 июня 1941 г. приказом за № 103 были уволены «в связи с мобилизацией в ряды РККА с выплатой 2-х недельного выходного пособия»¹⁰ научно-технический сотрудник И. И. Сазонов, дворник П. Д. Рыжаков, младший научный сотрудник А. А. Савинич и старший научно-технический сотрудник Г. А. Гловацкий.

Иван Ильич Сазонов родился в 1902 г. на Орловщине в крестьянской семье¹¹. Закончил рабфак Уральского строительного института, в ноябре 1926 г. вступил в партию. В 1938—1939 гг. после окончания курсов экскурсоводов Сазонов стал научным работником при Управлении культурно-просветительских предприятий Ленсовета. В сезон 1939—1940 гг. он работал экскурсоводом петергофских дворцов-музеев и парков, начал водить экскурсии в МАЭ по отделам Кунсткамеры и археологии. С 27 августа 1940 г. он — научно-технический сотрудник, с 15 сентября — заместитель заведующего Политпросветотделом МАЭ, одновременно Сазонов выступает как организатор лекций, занятий кружков «Друзей Музея». С 24 июня 1941 г. в связи с реорганизацией Политпросветотдела, согласно приказу, он подлежал освобождению от работы в Институте этнографии АН СССР. Однако ввиду начала войны и призыва его в армию этот приказ был отменен, и Сазонов как научно-технический сотрудник Политпросветотдела ушел на фронт защищать Родину. Дальнейшими сведениями о нем не располагаю.

Петр Данилович Рыжаков родился 14 мая 1912 г. в Санкт-Петербургской губернии в бедной крестьянской семье¹². Ему удалось закончить всего два класса начальной школы. До 1932 г. жил в деревне, потом попробовал поработать в Ленинграде на табачной фабрике им. Урицкого. Показалось непривычным, вернулся в деревню, но и там жилось нелегко. В 1936 г. Рыжаков вернулся в город, устроился подсобным рабочим на завод им. Коминтерна. С 26 сентября 1939 г. он перешел на работу дворником в Институт этнографии. В августе — сентябре 1940 г. Рыжаков прошел 40-дневные военные сборы и оставался дворником вплоть до мобилизации в ряды РККА 23 июня 1941 г. Тогда ему шел 30-й год. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Антон Алексеевич Савинич родился 5 августа 1904 г. в деревне Шиловка Толочинского уезда в белорусской крестьянской семье¹³. Рано занялся общественной деятельностью: с августа 1920 г. по 1927 г. на комсомольской, а с 1927 г. — на партийной работе. В 1927—1928 гг. Савинич служил в армии. После демобилизации пошел на завод рабочим-станочником. В 1929 г. Обком ВКП(б) командировал его на учебу в Ленинградский Восточный институт. После окончания второго курса для практических занятий в японском языке он был командирован в Японию, где прожил около шести лет, получив должность в торгпредстве СССР. Деятельность Савинича оказалась главным образом связанной с организацией экспорта советского леса на японские острова: первоначально он контролер лесного отдела, затем уполномоченный лесного отдела, ответственный исполнитель торгпредства. Кроме того Савинич занимался экспортом в Японию каменного угля, пушнины, драгоценных камней и разных мелких товаров. Последние восемь месяцев перед отъездом на Родину он служил секретарем торгпредства. Как позднее писал сам А. А. Савинич, « всю свою работу в Японии проводил самостоятельно на японском языке, без помощи переводчиков ». Он проживал в Токио, Кобе, Осака, Нагоя, а также в Сеуле. На о-в Формоза (Тайвань) Савинич

был командирован с научными работниками Института растениеводства в качестве переводчика с японского языка. Как путешественник он был в Китае, Гонконге, в Маниле (Филиппины). После возвращения в 1937 г. из Японии Савинич с 25 февраля по 28 марта 1938 г. преподавал японский язык в Ленинградском Восточном институте. В январе 1938 г. он был вызван в Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б) за нарушение директив о связи с иноподданными во время работы за границей, но взыскания, тем не менее, не получил. 28 марта 1938 г. по тем же мотивам неожиданно был арестован органами НКВД и находился под стражей по 29 июля 1939 г. Освобожден в связи с прекращением дела. Как находившийся под стражей А. А. Савинич был исключен из партии, поэтому первым шагом его после выхода на свободу явилось обращение в Комитет партийного контроля с просьбой о восстановлении в рядах ВКП(б). Вопрос этот был решен положительно в Москве в конце октября 1939 г.

Надо было устраиваться на работу. К этому времени Восточный институт ликвидировали. И 19 сентября 1938 г. Савинич обратился с просьбой зачислить его в МАЭ по Отделу Дальнего Востока. 28 сентября директор МАЭ Д. А. Ольдерогге наложил положительную резолюцию: «По отзыву проф. Кюнера тов. Савинич является вполне подготовленным для этой работы, т. к. прекрасно знаком с Японией и Китаем». С 25 сентября, согласно приказу директора Института этнографии акад. В. В. Струве, Савинич был зачислен в штат. Судя по сохранившимся отчетам, он работал старательно: с 25 сентября по 24 октября 1939 г. восстановил и привел в порядок существовавшие экспозиции Японии, Кореи, Индокитая (7 шкафов), выполнил ряд других мелких работ; сверх плана им была сделана опись в Отделе археологии. В 1940 г. Савинич — секретарь парторганизации Института, младший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока. В 1941 г. ему исполнилось 47 лет, он не был женат, на воинском учете состоял как командир взвода запаса... О дальнейшей судьбе сведениями не располагаю.

Георгий Адамович Гловацкий родился 27 марта 1911 г. в Харбине¹⁴. В 1930—1934 гг. учился в Ленинграде в Институте истории, философии и лингвистики, после окончания которого работал экскурсоводом в МАЭ преимущественно по разделам Китая и Японии. Старейшие сотрудники рассказывали, что он настолько доходчиво и интересно проводил экскурсии, что у него появились свои почитательницы, приходившие в музей по несколько раз в год «послушать Гловацкого». Он участвовал в создании временных выставок, в пополнении этнографических коллекций, например, в Бурятии и Читинской области. В октябре 1940 г. Г. А. Гловацкий был переведен из Политпросветотдела в Отдел Восточной и Южной Азии на музейную работу. После мобилизации в армию 23 июня 1941 г. Балтийско-Флотский экипаж направил его в 175-ю отдельную зенитную батарею Ладужской военной флотилии. В сентябре 1941 г. он получил первое ранение. В июле 1942 г. Гловацкого списали в 55-ю морскую бригаду, в составе которой он участвовал в боях за прорыв блокады Ленинграда. 25 января 1943 г. под Шлиссельбургом его ранило минным осколком в правое плечо, после чего 22 дня он находился на излечении в эвакогоспитале № 102. Оттуда Гловацкий был направлен в батальон выздоравливающих при 1-м Краснознаменном Балтийско-Флотском экипаже. В июле 1943 г. он попал в стрелковый полк 36-й стрелковой дивизии, затем в 593-й полк 131-й Ропшинской дивизии 2-й Ударной армии, в рядах которой участвовал в снятии блокады Ленинграда. 13 февраля Гловацкий получил касательное ранение в грудь, обморожение 3-й степени двух пальцев левой ноги и ожог 2-й степени правой руки, с 17 февраля по 21 марта 1944 г. он находился на лечении в эвакогоспитале № 88. 12 мая того же 1944 г. экипаж направил его в ленинградский район Службы наблюдения и связи, где Гловацкий был радистом до сентября, оттуда переведен в кронштадтский район Службы. В мае 1945 г. из Кронштадта он был переведен в Померанию, на базу Свинемюнде, где и находился в качестве радиста вплоть до демобилизации в ноябре 1945 г.

23 сентября 1943 г. Г. А. Гловацкий был награжден медалью «За оборону Ленинграда», а 25 октября 1945 г. медалью «За победу над Германией в Великой

Отечественной войне 1941—1945 гг.». Даже в самые тяжелые времена блокады города он поддерживал связь с сотрудниками Института, оставшимися в городе и воевавшими на других фронтах. 24 декабря 1945 г. Гловацкий вернулся в родной Институт на должность старшего научно-технического сотрудника Отдела Восточной и Южной Азии.

В послевоенный период во всей полноте развернулась его плодотворная деятельность как одного из ведущих музейных сотрудников МАЭ. Уже в 1946 г. Г. А. Гловацкий создает здесь выставку «Художественные ремесла Китая по коллекциям XIX в.», в 1948 г. — «Китайские коллекции Кунсткамеры» и в мае 1956 г. — самую большую и одну из лучших экспозиций в МАЭ «Культура и быт народов Китая», действующую и поныне. Гловацкий принимал самое деятельное участие в создании постоянных выставок по народам Японии, Кореи, Монголии, Индии, Индонезии, Вьетнама, большого количества временных выставок в Ленинграде, Москве и других городах страны. В отделе им была проведена громадная учетно-хранительская и библиографическая работа. В течение длительного времени он являлся членом Музейного совета МАЭ. В этом качестве Гловацкий оказывал помощь советом и делом сотрудникам всех отделов при создании выставок. Свой богатый опыт музейной работы он щедро передавал молодежи, к нему часто обращались за советом музейные работники Ленинграда и других городов страны. В 1959 г. Г. А. Гловацкий совершил поездку в КНР для проведения обмена этнографическими коллекциями с Музеем Центрального института национальностей в Пекине, изучения постановки музейного дела и ознакомления с основными центрами китайских художественных ремесел.

В 1966—1977 гг. Гловацкий трудился на ответственном посту главного хранителя МАЭ. После выхода в 1977 г. на пенсию он не порывал связей с родным музеем и Институтом, особенно с сотрудниками-ветеранами войны и труда. Георгий Адамович скончался 11 октября 1986 г. в Ленинграде. Г. А. Гловацкий — известный исследователь китайского ремесла, автор около 20 научных работ. При подготовке тома «Народы Восточной Азии» он подбирал иллюстрированный материал, составлял библиографию и т. д.¹⁵

С 26 июня 1941 г. заведующий отделом учета и хранения И. Я. Треногов прервал очередной отпуск, а с 27 июня был уволен в связи с мобилизацией в ряды РККА с выплатой двухнедельного пособия (приказ № 109 от 26 июня 1941 г. по Институту этнографии).

Илья Яковлевич Треногов родился 2 августа 1903 г. в деревне Ревполье Пинежского уезда Архангельской губернии¹⁶. В 1923—1927 гг. он учился на рабфаке, после окончания которого был сразу принят на этнографическое отделение географического факультета ЛГУ. Еще студентом Треногов избрал своей специальностью музееведение. В 1930 г. он проходил практику в Отделе фондов МАЭ, в 1931 г. получил диплом об окончании университета со званием «музейный работник, этнограф» и был принят на службу в МАЭ, с 15 февраля 1933 г. Института этнографии АН СССР. Много занимался общественной работой, в мае 1939 г. вступил в кандидаты в члены ВКП(б), а в декабре 1940 г. — в члены партии, в дальнейшем неоднократно избирался секретарем парторганизации. В сентябре 1939 г. Треногов был мобилизован в армию, служил в Белорусском военном округе, но в августе 1940 г. по ходатайству Института этнографии в связи с нуждами Музея был досрочно демобилизован в звании старшего лейтенанта и с 1 сентября того же года назначен заведующим фондами МАЭ.

С началом Отечественной войны он был призван в ряды РККА, служил в железнодорожных войсках Ленинградского, Волховского, Карельского и Резервного фронтов в качестве командира взвода. После окончания войны с Германией был отправлен на Дальний Восток, воевал на 1-м Дальневосточном фронте. С декабря 1945 г. по июль 1946 г. он служил в Приморском военном округе. В июле 1946 г. подполковник И. Я. Треногов был демобилизован. За время войны он получил ордена Красной Звезды (1944 г.) и «Отечественной войны» (1946) и медали «За оборону Ленинграда» (1943 г.), «За победу над Германией» (1945 г.) и

«За победу над Японией» (1946 г.). Все это — свидетельство его боевого пути. После демобилизации с августа 1946 г. И. Я. Треногов вновь возглавил Отдел фондов МАЭ.

С 1 июля 1961 г. приказом директора Института чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова он был назначен Ученым секретарем МАЭ и одновременно ответственным хранителем музейных фондов и руководителем архива. И. Я. Треногов добросовестно относился к своим обязанностям, разработал образцы типовых описей, различные инструкции по учету и хранению музейных коллекций, организовывал хранение фондов МАЭ, провел большую и кропотливую работу по собиранию и классификации материалов по истории Музея и Института, по упорядочиванию архива и т. д. С 1 июля 1966 г. он ушел на пенсию, но продолжал поддерживать самые тесные связи с коллегами, прежде всего с Отделом фондов МАЭ. Последние годы своей жизни Треногов провел в Пушкине в Доме для престарелых ученых. Умер в декабре 1988 г., похоронен на Северном кладбище.

Сергей Николаевич Стебницкий в первые дни войны пришел в военкомат и добился своего зачисления в ряды народных добровольцев¹⁷.

Он родился 19 февраля 1906 г. в Петербурге в дворянской семье. В сентябре 1921 г. он поступил на филологический факультет Петроградского университета, в дальнейшем преобразованный в факультет общественных наук. Здесь на общественно-педагогическом отделении преподавал проф. В. Г. Богораз, который высоко оценил талант своего студента, предложив ему в 1923 г. стать его личным секретарем. Общение с выдающимся сибиреведом много дало становлению Стебницкого как ученого. В университете придавалось большое значение приобретению навыков полевой этнографической работы. Так, в 1923 г. С. Н. Стебницкий побывал в экспедиции в Валдайском уезде Новгородской губернии, во время которой вместе с М. М. Никифоровым собирал частушки, а по итогам написал статью «Изба-читальня». В июле 1925 г. он закончил университет по специальности этнография и лингвистика (народности палеоазиатской группы).

С сентября 1925 г. по июль 1927 г. Стебницкий — ассистент этнографического отделения географического факультета ЛГУ, вел преподавательскую работу. В 1927 г. вышел в свет «Букварь для северных народностей», подготовленный В. Г. Богоразом и С. Н. Стебницким. Букварь начинался обращением «К учителю», в котором, в частности, говорилось: «При составлении букваря были поставлены следующие задачи: 1. Дать ученику материал из северной жизни, знакомой и привычной ему с раннего детства. 2. Научить его при помощи этого материала читать и писать. 3. Научить его русскому языку». С сентября 1927 г. по сентябрь 1928 г. С. Н. Стебницкий находился в командировке по линии Комитета содействия народностям Севера при ЦИК СССР и МАЭ на Камчатке, на восточном берегу р. Кичига, в корякских селах Апука и Кичига. В указанных селах он работал завучем в школе, одновременно изучал диалекты языка, фольклор, быт оседлых и кочевых коряков-оленеводов. После возвращения в Ленинград Стебницкий с октября 1928 г. по октябрь 1932 г. ассистент Историко-лингвистического института, но основной работой его в этот период было преподавание корякского языка в Институте народов Севера.

О собранном на Камчатке богатом и разнообразном корякском фольклоре, о быте корякских детей он доложил на заседании секции детского фольклора РГО (в издании Общества потом вышла в свет даже корякская народная сказка «Мышата»). Активно проявлял себя Стебницкий и как детский писатель, публикуя в 1923—1931 гг. одну за другой такие книги, как «Эгги-охотник», «Летучий нинвит», «Непеуге-делегат», «Пурга», «Школа на тундре». Его произведения пользовались популярностью: они публиковались на страницах известных детских журналов «Чиж» и «Еж» и выходили отдельными изданиями. Можно предполагать, что его деятельность в изучении этнографии корякских детей развивалась и под влиянием известной исследовательницы детского фольклора О. И. Капицы — его близкой родственницы.

С января 1930 г. С. Н. Стебницкий по совместительству начал работать в

Педагогическом институте им. Герцена, сначала в должности ассистента, а с 1934 г. — доцента. В октябре 1932 г. он вновь командировается на Камчатку, где работает заместителем председателя Комитета нового алфавита при Корякском национальном округе и преподавателем корякского языка в окружной совпартшколе. Еще в Ленинграде при участии студентов-коряков под руководством С. Н. Стебницкого началась работа по подготовке учебников на корякском языке, в частности были изданы букварь «Красная грамота», задачки, опубликованы первые переводы с русского художественной, общественно-политической и другой популярной литературы. На Камчатке он руководил практическим внедрением новой письменности. В 1933 г. слушатели совпартшколы выпустили два номера журнала «К новой жизни». Велика роль С. Н. Стебницкого и в подготовке кадров корякской интеллигенции, в формировании корякской литературы. Первые корякские писатели К. Кецай, И. Баранников, Л. Жуков — его ученики. В мае 1934 г. он выезжает, выполнив свою миссию, в Ленинград, продолжает трудиться в Институте народов Севера, в пединституте, в Институте истории, философии и лингвистики.

С начала 1937 г. Стебницкий как специалист по чукотскому, корякскому и ительменскому языкам работает также в Ленинградском отделении Центрального института языка и письменности народов СССР, но в ноябре уходит из него в связи с загруженностью на основной работе в ИНС, где состоял действительным членом лингвистической секции научно-исследовательской ассоциации. В 1937 г. после защиты диссертации ему была присуждена ученая степень кандидата филологических наук. Им подготовлен ряд исследований по фольклору и этнографии коряков. Некоторые из них, например, «Очерки этнографии коряков» (свыше 10 а. л.) хранятся в архиве МАЭ. Им переведена и подготовлена к печати работа известного сибиреведа В. И. Иохельсона «Коряки». С. Н. Стебницкий тесно сотрудничал с Кабинетом и Отделом Сибири Института этнографии, для которого совместно с Н. Б. Шнакенбургом подготовил статью «Коряки» для четвертомника «Народы СССР»¹⁸. В Отделе Сибири он выступал с научными докладами. Отдавая дань уважения памяти своего учителя В. Г. Богораза, С. Н. Стебницкий вместе со своей супругой Марией Львовной готовил к изданию его книгу «Материальная культура чукчей». Хотя работу успел просмотреть сам автор, издать ее до войны не удалось. Она увидела свет в серии «Этнографическая библиотека» только в 1991 г.¹⁹

В одном из первых своих боев под Ленинградом С. Н. Стебницкий был тяжело ранен и отправлен в госпиталь в Свердловск, где находился на излечении с 1 сентября по 6 октября 1941 г. Из госпиталя его направили в 23-й запасный стрелковый полк, находившийся тогда в Ижевске²⁰. Поправившись, он вновь отправляется на фронт под Волховым. Будучи тяжело раненным в голову, он вновь попадает в один из ленинградских госпиталей. Обстоятельства и дата кончины Стебницкого не известны.

Научное наследие исследователя составляют учебники на корякском языке, записанные им произведения корякского фольклора, материалы по диалектам корякского языка, исследования по языку, фольклору и этнографии коряков. Стебницкий выступал как автор, редактор, составитель, переводчик. Высоко оценивается и его вклад в детскую литературу. «Если Борис Степанович Житков создал в советской детской литературе жанр „географический“, рассказав детям о множестве дальних стран и морей, Виталий Валентинович Бианки раскрыл перед ребятами родную природу не только как художник, но и как натуралист, — писал Л. Капица, — то Сергей Николаевич Стебницкий ввел в советскую детскую литературу совсем особый жанр — „этнографический“. Его книги рассказывают о повседневном быте, занятиях, повериях народа, об его обычаях с такой достоверностью, точностью и яркостью, что юный читатель невольно становится причастным к жизни далекого неведомого для него доселе народа»²¹.

Добровольцем в первые дни войны ушел на фронт сотрудник Института *Игорь Михайлович Лекомцев*²². Он родился 25 августа 1912 г. в селе Люк Болезинской

волости Глазовского уезда Вятской губернии в удмуртской семье. После окончания школы в 1930 г. Лекомцев был направлен комсомольской организацией на учебу в ленинградский Институт истории, философии и лингвистики, этнографическое отделение которого он закончил в 1933 г. по специальности «этнография народов СССР». Уже на первом курсе он часто посещал МАЭ, в 1930 г. в Отделе Южной Америки Музея проходил практику. Во время летних каникул в 1932 г. по собственным полевым материалам Лекомцев составил карту расселения удмуртского рода, что свидетельствовало о его глубоком интересе к этнографии. С 1 сентября по 31 декабря 1933 г. он по договору работал в Отделе фондов, но в дальнейшем увлекся этнографией Индонезии — выполнял большую работу по теме «Рис в религиозных обрядах тораджей на Целебесе», в частности, им была написана статья «Религиозные представления, связанные с обработкой риса у племени тораджей на Целебесе». Лекомцев консультируется у Л. Э. Каруновской и В. А. Чатопадайя, под руководством которого работает над диссертацией «Социально-экономический строй племени тораджей на Целебесе», изучает немецкий, голландский и малайский языки, посещает у А. А. Бусыгина методологический семинар, публикует первые статьи, занимается научно-организационной работой. С 1 ноября 1935 г. он исполнял обязанности секретаря Этнографической секции Института.

В связи с поступлением И. М. Лекомцева в аспирантуру заведующий Кабинетом Индии, Индонезии и Дальнего Востока В. А. Чатопадайя писал в августе 1935 г.: «Он очень интересуется научной работой, главное же политически и методологически он является более развитым, чем некоторые старшие научные работники Института. Я твердо убежден, что из него выйдет серьезный научный работник, и я считаю нужным дать ему возможность для систематического пополнения знаний. Поэтому я горячо рекомендую его для принятия в аспирантуру». 15 октября 1935 г. он был зачислен аспирантом АН СССР, но уже с 1 июля 1936 г. отчислен из нее в виду ликвидации вузовской аспирантуры. С 1 сентября 1936 г. Лекомцев зачислен на должность научного работника Института антропологии и этнографии АН СССР. Он продолжал свои занятия индонезийской этнографией: писал диссертацию, регистрировал музейные коллекции. После ареста его научного руководителя Лекомцев перестал заниматься зарубежной этнографией, но продолжал изучать культуру и быт удмуртов, чем занимался в предыдущие годы. Им была написана статья «Удмурты» для справочника «Народы СССР». С 1938 г. он научный сотрудник Кабинета Европы и Кавказа, ответственный секретарь однотомника «Этнография народов СССР». С 4 августа 1939 г. Лекомцев становится аспирантом очной аспирантуры: под руководством чл.-корр. АН СССР проф. Д. К. Зеленина он заканчивает диссертацию на тему «Колонизация и миссионерская деятельность среди удмуртов». Наряду с целенаправленной успешной работой в науке²³ он много занимается общественной и организационной работой: он комсорг Института, активный член ВКП(б) с апреля 1938 г., инспектор Ленинградского отделения Управления подготовки научных кадров АН СССР, слушатель Высшей партийной школы при ЦК партии, а в предвоенный период заведующий отделом агитации и пропаганды Приморского РК ВКП(б) Ленинграда. Из райкома в первые же дни войны Лекомцев добровольцем ушел на фронт, хотя и был «белобилетником». 25 октября 1941 г. в боях в районе Голубой дачи недалеко от Всеволожска под Ленинградом он погиб. Хотя в последние годы И. М. Лекомцев работал в других учреждениях, он сохранял тесные научные связи с родным Институтым, поэтому его имя по праву значится на Доске памяти, которая висит в МАЭ.

Из города Куйбышева в ряды Красной Армии пошел еще один бывший сотрудник Института *Нестор Константинович Каргер*²⁴. Он родился 9 ноября 1904 г. в селе Ровное Ново-Узенского уезда в Нижнем Поволжье. После окончания факультета общественных наук ЛГУ в 1927 г. Каргер был оставлен при факультете в качестве ассистента этнографического отделения и одновременно преподавал национальные языки на северном факультете Ленинградского Восточного

института. В 1926 и 1927 гг. выезжал в экспедиции на Дальний Восток, работал у гольдов и ульчей, первые его научные работы были посвящены этнографии гольдов. В 1931 г. он направился на Енисей к кетам. Теперь его исследовательские интересы связаны с изучением этой загадочной северной народности. В результате Каргером были собраны и переданы в МАЭ три ценные этнографические коллекции по указанным народам (около 750 предметов) и две иллюстративные коллекции (свыше 400 негативов и отпечатков). В начале 1932 г. по распределению он попадает в МАЭ и работает в должности научного сотрудника 2-го разряда. 31 января 1932 г. Комитет Севера на основе решения 1-й Всесоюзной конференции по развитию языков и письменностей народов Севера направляет в Институт следующую просьбу: Н. К. Каргер являлся ученым секретарем научно-исследовательской ассоциации, «на которую помимо других задач возложена организация всех работ по изучению языков и подготовке рукописей по специальному плану изданий для народов Севера», поэтому Комитет предлагает МАЭ освободить Каргера от занимаемой должности и принять меры к его немедленному переводу в Институт народов Севера. На новом месте ему поручается подготовка кетского букваря, он активно работает по совершенствованию кетской письменности. В 1934 г. им был издан букварь на кетском языке с применением латинской графики, опубликовано обстоятельное исследование о языке кетов²⁵. Н. К. Каргер был привлечен также к разработке селькупской письменности и подготовке учебников на ней.

Но плодотворная научная и научно-организационная деятельность ученого внезапно была приостановлена: 8 марта 1935 г. к нему пришли с арестом по политическим мотивам. Постановлением особого совещания при НКВД от 9 марта 1935 г. Н. К. Каргер как бывший дворянин и социально-опасный элемент был выслан из Ленинграда с запрещением проживать в 15 пунктах страны²⁶. 15 августа 1935 г. указанное постановление было изменено, и Н. К. Каргеру было запрещено проживать только в Ленинграде в течение трех лет. Он по своему выбору поехал жить сначала в Омск, затем в Тюмень. Через некоторое время Каргер отправляется работать в системе Главсевморпути в Ямальский округ. Он был определен на службу в качестве краеведа Ямальской культбазы в поселке Ярсале Ямало-Ненецкого национального округа. Ему поручалось изучение неуставных отношений объединений по оленеводству и охотничьему промыслу, проведение бюджетного обследования четырех кулацких, шести середняцких и пяти бедняцких хозяйств, изучение остатков родового строя (родовые угоды, имущественные и семейные отношения, все формы разделения труда и т. д.). В связи с окончанием сроков договоров Н. К. Каргер был освобожден от работы на базе с 15 июля 1937 г. Очевидно, еще до этого пред ним встал вопрос о выборе места жительства.

Тяжелым ударом по его планам, безусловно, было решение Особого совещания от 26 апреля 1937 г., запрещавшее ему в течение трех лет и проживание в Москве. Итак, центры отечественного сибиреведения Ленинграда и Москвы оказались для него закрыты. Шел 1937 г. Можно предположить, что, подорвав здоровье на Севере (он тяжело переболел цингой), Каргер решил поехать на родину, на Волгу, к родным в Куйбышев. Именно здесь его застала война. Отсюда Фрунзенским райвоенкоматом он был призван в ряды Красной Армии. После окончания курсов младших лейтенантов и перенесенной дизентерии и алиментарной дистрофии в октябре 1942 г. он попал в эвакогоспиталь № 3087, из которого 2 февраля 1943 г. выбыл в отпуск на 30 дней. Сведениями о дальнейшей судьбе Н. К. Каргера я не располагаю. Среди коллег-сибиреведов бытует мнение, что он погиб в боях на Курской дуге, но документальных подтверждений тому пока нет.

После моих настойчивых попыток что-то узнать о судьбе Н. К. Каргера в 1935—1937 гг. его дело было направлено в прокуратуру для решения вопроса о его реабилитации. Решением прокуратуры Ленинграда от 11 октября 1991 г. Н. К. Каргер был реабилитирован.

В начале июля 1941 г. многие научные работники стали подавать заявления о добровольном вступлении в ряды Красной Армии. В архиве Музея Санкт-Петербур-

бургского университета мне удалось познакомиться с документом, редко встречающимся в академических архивах. Думаю, что для понимания атмосферы патриотического порыва и осознания необходимости личного вклада в достижение скорой победы важно познакомиться с ним, а потому позволю себе привести его полностью:

«Декану Истфака ЛГУ

копия Директору ИИМК им. Марра Академии Наук СССР

Ушли добровольцами в Красную Армию мои два сына Олег и Лев — только что окончившие ЛГУ. Ушел добровольцем также и муж моей дочери, студентки ЛГУ Ольги, также только что окончившей ЛГУ. От этих моих детей остались внук и внучка, о которых, надеюсь, позаботится наше государство. Только что возвратившись из командировки, прошу и меня зачислить добровольцем в Красную Армию.

Мои военные данные. Родился в 1894 г. В мае 1916 г. как студент был мобилизован в Армию и находился в Михайловском артиллерийском училище, каковое окончил в декабре 1916 г. Был выпущен в чине прапорщика артиллерии. С декабря 1916 г. по сентябрь 1917 г. сражался на германском фронте Молодечно — Медель... Последняя должность — старший офицер батареи, последний чин — поручик. С августа 1918 года по декабрь 1920 г. находился в рядах Красной Армии. Сражался на Карело-Финском фронте в марте-апреле 1919 г., на фронте против Юденича по обороне Петрограда в октябре-ноябре 1919 г., с мая 1920 г. стоял с батареей на фронте против Финляндии. Должность в Красной Армии — командир батареи, командир арт. дивизиона. В декабре 1920 г. был уволен из Красной Армии по болезни со снятием с учета военнообязанного.

Все сказанное могу подтвердить документом. В декабре 1940 г. был переосвидетельствован и призван ограниченно-годным (на нестроевую службу). Думаю, что могу быть еще полезным артиллерии Красной Армии.

Профессор истфака ЛГУ, доктор исторических наук Вл. Равдоникас.

Ул. Халтурина, 11, кв. 96»²⁷.

*Владислав Иосифович Равдоникас*²⁸ родился 10 декабря 1894 г. в г. Тихвине. После революции он активный деятель Коллегии по охране и использованию культурно-образовательных имуществ, с июня 1919 г. — директор уездного краеведческого музея, организует краеведческую работу. В 1918 г. он поступил в Петроградский университет, в 1923 г. закончил факультет общественных наук по новой тогда специализации — археологии под руководством известного археолога А. А. Спицына. Равдоникас увлекся научной работой. Поэтому когда ему в 1922 г. рекомендовали переехать в Череповец и сосредоточиться на партийной печати (этим Равдоникас попутно занимался в Тихвине), он не только не принял этой рекомендации, но в целях обретения свободы действий в конце концов решил выйти из партии. Молодой ученый увлеченно работал как археолог, этнограф, краевед, музеевед; круг его научных интересов уже тогда был довольно широк. У него рано проявился интерес к изучению родного края. Уже в 1925 г. Равдоникас занимался раскопками курганов в южной части Тихвинского уезда, участвовал в работе Тихвинского отделения Новгородского общества любителей древностей, собирал историко-этнографические материалы о вепсах, живших в северных районах уезда. По его инициативе и при его участии было выпущено 10 брошюр по природе, истории и хозяйству Тихвинского края. «Как сделавшего ценный и многосторонний вклад в дело изучения Тихвинского края своей неустанной работой и печатными трудами» местные краеведы в 1928 г. избрали В. И. Равдоникаса своим почетным членом.

Значительное место в его деятельности занимала в тот период педагогическая практика: с 1921 г. он преподавал педагогику, социологию, методику обществоведения и другие предметы в Педагогическом техникуме, заведующим которого являлся. Затем последовали работа в Гдове и наконец переезд в 1928 г. в Ленинград. Здесь в полной мере проявились научные и организаторские способности В. И. Равдоникаса. Его учитель А. А. Спицын еще в 1927 г. предсказывал

большое будущее своему ученику: «Русская археология в лице В. И. Равдоникаса будет иметь со временем весьма полезного деятеля». В 1928—1929 гг. он принимал активное участие в работе МАЭ. Директор МАЭ акад. Е. Ф. Карский и секретарь Д. А. Ольдерогге от имени МАЭ рекомендовали В. И. Равдоникаса в аспирантуру Академии наук СССР, в которой он обучался в 1929—1931 гг.

Поступив после окончания аспирантуры в ГАИМК, он становится одним из ведущих его научных сотрудников. С 1931 г. Равдоникас профессор ЛГУ. С 1934 г. он штатный научный сотрудник Археологического отдела МАЭ. Уникальные материалы Оленеостровского могильника, раскопанного в 1936—1938 гг., были украшением именно этого музея. Археологические коллекции, добытые В. И. Равдоникасом в различных экспедициях, довольно точно характеризуют основные этапы полевой и научной деятельности ученого. Будучи сотрудником Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, он стал одним из создателей журнала «Советская археология». Его статьи печатались как в этом журнале, так и в изданиях ГАИМК — ИИМК. В 30-е годы В. И. Равдоникас — один из наиболее политизированных археологов, убежденно боровшихся за утверждение марксистской идеологии в археологической науке, против принципов буржуазной археологии. Им был опубликован ряд трудов, не потерявших своего значения и в наше время²⁹. Велик вклад В. И. Равдоникаса в постановку и развитие археологического образования, подготовку молодых кадров. На основе лекционного курса он написал ценный учебник по истории первобытного общества.

После начала войны В. И. Равдоникас предпринял попытку вступить добровольцем в армию, но был оставлен на работе в университете, с которым в 1942—1944 гг. находился в эвакуации в Саратове. В 1942 г. Владислав Иосифович потерял на войне сына Льва. Вернувшись в Ленинград, он успешно продолжал научную, экспедиционную и педагогическую деятельность. В конце 40-х годов ученый был подвергнут критике, во многом несправедливой, болезненно пережил ее и в конце концов отошел ото всех дел. И это несмотря на то, что в 1946 г. он избирается членом-корреспондентом АН СССР и членом Норвежской Академии Наук, ему тогда было чуть больше 50 лет. В. И. Равдоникас замкнулся и общался с очень узким кругом лиц. Умер он 28 ноября 1976 г. в Ленинграде и похоронен на кладбище в Комарово. Некрологов в ведущих журналах по его специальности, т. е. в «Советской археологии» и «Советской этнографии» не появилось. 19—21 декабря 1994 г. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербургский Государственный университет, Институт истории материальной культуры РАН, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН, Тихвинский историко-мемориальный и архитектурно-художественный музей, областной музейный центр провели в Санкт-Петербурге международную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения профессора Владислава Иосифовича Равдоникаса, воздав должное его памяти³⁰.

4 июля 1941 г. в Институте был обнародован приказ за № 109: «§ 1. В связи с уходом старшего научного сотрудника Н. П. Никульшина добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. и компенсацию за неиспользованный отпуск. § 2. В связи с уходом старшего научного сотрудника Г. Д. Вербова добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 3. В связи с уходом аспиранта Н. Б. Шнакенбурга добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 4. В связи с уходом младшего научного сотрудника Д. Н. Лева добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 5. В связи с уходом помощника директора по административно-хозяйственной части Ф. Б. Шапиро добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 6. В связи с уходом заведующего отделом Сибири Г. Н. Прокофьева добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 7. В связи с уходом младшего научного

сотрудника А. Н. Нечаева добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-х недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г.»³¹.

Следует обратить внимание, что в приказе ничего не говорилось об отчислении этих сотрудников из штата Института. Словно речь шла об отъезде в командировку с выплатой аванса...

Николай Петрович Никульшин родился в феврале 1908 г. в селе Моховое Рязанской губернии в русской крестьянской семье³². В 1925—1926 гг. он, вступив в комсомол, занимался ликвидацией неграмотности в Рязанской области. С 1 сентября 1927 г. по 30 декабря 1930 г. учился на этнографическом отделении 1-го МГУ, получил специальность этнографа-антирелигиозника. С 9 января 1931 г. по 28 сентября 1934 г. Никульшин работает среди эвенков, заведует краеведческим пунктом в поселке Тура Эвенкийского национального округа Красноярского края, активно участвует в общественной жизни округа, проводя генеральную линию партии. В 1932 г. он стал кандидатом в члены ВКП(б), но окружком даже не рассматривал вопрос о его приеме в партию как служащего (по мотивам регулирования социального состава партийных рядов). Никульшин продолжает заниматься наукой. Постоянно общаясь с эвенками, он изучил эвенкийский язык и самостоятельно овладевал немецким. Кочуя по необозримым просторам Эвенкии, исследователь собрал там значительный этнографический материал. В ноябре 1934 г. он поступил в аспирантуру Института народов Севера. 15 мая 1938 г. состоялась защита им кандидатской диссертации на тему «Первобытные производственные объединения и их роль в социалистическом строительстве у эвенков».

С 24 июля 1938 г. Н. П. Никульшин — младший, а после утверждения в ВАК с 1 марта 1939 г. — старший научный сотрудник Института этнографии. Здесь его вскоре назначают редактором и заместителем председателя бюро однотомника «Этнография народов СССР», для которого Никульшин написал статью «Эвенки», «Эвены», «Негидальцы». Для сибирского тома серийного издания «Народы СССР» он совместно с аспирантом Института А. П. Козловским подготовил статью «Эвенки». Н. П. Никульшин задумал создать монографию «Эвенки» и с этой целью в 1940 г. предпринял полугодовую поездку к разным группам эвенков. Однако его экспедиция была прервана. Директор Института В. В. Струве сообщал телеграммой, что в связи с рабочей необходимостью Никульшину следует вернуться в Институт. Работа исследователя была высоко оценена заведующим отделом Сибири Г. Н. Прокофьевым. Несколько лет Н. П. Никульшин состоял секретарем Кабинета Сибири, а в феврале 1941 г. был назначен заместителем заведующего Отделом Сибири. В 1940 г. он кандидат в члены ВКП(б), много занимается общественной и научно-организационной деятельностью (очевидно, поэтому список опубликованных им работ невелик)³³.

Через месяц после начала Великой Отечественной войны под Ленинградом возводил вместе с тысячами других жителей города оборонительные сооружения. С 14 августа 1941 г. его отчислили из штата сотрудников Института в связи с мобилизацией в ряды РККА, а 23 декабря 1941 г. появился приказ № 234: «Дирекция Института этнографии с глубоким прискорбием извещает о том, что бывший старший научный сотрудник Отдела Сибири кандидат исторических наук Никульшин Николай Петрович в бою за социалистическую родину погиб 18 ноября 1941 года». Похоронен Н. П. Никульшин в деревне Рамены Волховского района Ленинградской области.

Григорий Давыдович Вербов родился 29 мая (11 июня) 1909 г. в г. Москве³⁴. Еще будучи учеником Тенишевского училища на Моховой в Петрограде, он увлекся Севером и занимался в кружке естественных наук. В 1925 г. во время каникул он устроился в Архангельске матросом на пароход «Русаков» и совершил поездку на Новую Землю, где заканчивал зимовку его отец. Романтическая увлеченность красотами Севера привела молодого человека в Институт народов Севера, но желание изучать этнографию заставило его перейти на этнографическое отделение Ленинградского института истории, философии и лингвистики.

Здесь он обрел учителя в лице увлеченного изучением исторических судеб самодийских народов Г. Н. Прокофьева. Выбор сделан — он будет специализироваться в области самоедологии. Летом 1926 г. Вербов занимался отграничением зоны затопления Волховского гидростроительства. Зимой 1930—1931 гг. по направлению Комитета Севера он стал заведующим 10-м Большеземельным красным чумом.

В июне 1931 г. Г. Д. Вербов закончил Институт, получив специальность этнографа и лингвиста по музееведению и краеведческой работе. С февраля он преподавал самоедский язык в ИНС, однако вскоре после окончания учебы уехал в Нарьян-Мар, где в течение 1931/1932 учебного года работал заведующим учебной частью Ненецкого комплексного техникума и преподавал ненецкий язык и экономическую географию. В марте-мае 1932 г. Вербов принимал участие в ликвидации неграмотности среди жителей тундры, преподавал ненецкий язык и письменность. С 21 июля 1932 г. он преподаватель Института народов Севера и одновременно редактор ленинградского отделения Учпедгиза по финно-угорским и самоедским языкам. В феврале 1934 г. в связи с учебой в аспирантуре и преподаванием ненецкого языка в Ленинградском Государственном педагогическом институте им. Герцена (1 сентября 1933 г.— 1 сентября 1935 г.) Вербов прекратил свои редакторские занятия. В аспирантуре (1 октября 1932 г.— 1 декабря 1935 г.) под руководством Г. Н. Прокофьева он изучал особенности диалекта лесных ненцев пянхасово, интересовался особенностями этнической истории, быта и культуры этой группы. Вербов установил близость этого диалекта с языками энцев и нганасанов и наличие в нем сильного влияния языка хантов (последнее объяснялось регулярными смешанными браками членов четырех родов пянхасово — Айнаседа, Иуши, Вэлла и Пяк — с хантами). Он обнаружил также связи диалекта лесных ненцев с языком камасинцев, живших прежде на Саянском нагорье, что дало ему возможность установить глубинные этногенетические связи. Проф. В. Г. Богораз-Тан, ценивший работы молодого ученого, рекомендовал его к принятию в Союз научных работников. 11 декабря 1935 г. квалификационная комиссия Комитета по заведыванию учебными учреждениями ЦИК СССР утвердила Г. Д. Вербова в ученой степени кандидата лингвистических наук по специальности «самоедские языки» и в ученом звании старшего научного сотрудника.

В первой половине 30-х годов Г. Д. Вербов перевел с русского на ненецкий учебник арифметики для второго класса, совместно со студентом-ненцем Николаем Собриным — свою брошюру «Красный чум» и книжку для детей Е. Чарушина «Звери жарких стран», вместе с Г. Н. Прокофьевым отредактировал перевод книги Я. Кошелева «Что такое оленеводческий совхоз». По решению вышестоящих органов Г. Д. Вербов 20 декабря 1935 г. был послан на Север, где работал по 10 ноября 1938 г. ученым секретарем Комитета нового алфавита Ямало-Ненецкого округа Омской области. Помимо практической деятельности он занимался ненецко-русским словарем, собиранием ненецкого фольклора, материалов по языку и этнографии ненцев. За свою образованность получил у ненцев прозвище «Паднана луца», что означает «Самый знающий русский», «Пишущий (бумажный) русский». С марта 1938 г. Г. Д. Вербов начинает работать в Институте этнографии АН СССР сначала временным сотрудником и по договору, а с 1 апреля 1939 г. — старшим научным сотрудником. 24 октября 1940 г. он назначен заведующим Отделом Сибири, а с 17 февраля 1941 г., в связи с введением новой структуры Института, — заместителем заведующего Отделом Сибири. ВГО избрало Вербова своим действительным членом. В Институт его рекомендовал Г. Н. Прокофьев, высоко отзывавшийся о заслугах и научном потенциале своего бывшего ученика. Основной нагрузкой нового сотрудника была подготовка статьи «Ненцы» для тома «Народы Сибири» четырехтомного издания «Народы СССР». Им была предложена новая этимология названия древней Мангазеи (от слова «монкаси йа», что на энецком языке означает «Земля племени монкаси»). Вербов готовил к изданию труд Василия Зуева, который вышел в свет уже после войны.

Также после войны были опубликованы детские ненецкие загадки, корректуру которых еще до войны подготовил Вербов³⁵. Неизданные работы исследователя как самостоятельный фонд хранятся в архиве МАЭ³⁶.

С фронта Г. Д. Вербов писал письма, в том числе своей ученице Л. В. Васильевой (Хомич). Вот две выдержки из них: «Иногда так размечаешься, что кажется, словно холод, забирающийся за ворот, ползет от основания шестов чума, из „ханэо“, кажется, что сейчас послышится привычный стук, который производят олени, ударяя рогами о рога, когда подерутся, бродя ночью возле чума в поисках деликатесов. Стук раздастся, но он громче и суше — разорвался очередной немецкий снаряд». «Как бы мне хотелось дожить до того времени, когда я смогу претендовать на участие в давно задуманном мною и проектируемом сейчас деле». На кончину своего учителя Г. Н. Прокофьева он откликнулся так: «Осиротела наша отрасль науки. Много нужно работать, чтобы восполнить образовавшуюся брешь».

24 декабря 1941 г. старшина Г. Д. Вербов — старший научный сотрудник Отдела Сибири — передал директору Института этнографии заявление следующего содержания: «Не имея возможности обратиться к Вам лично, я настоящим прошу Вас о нижеследующем. Находясь на фронте, я не могу оказать никакой непосредственной помощи моим родителям, испытывающим крайние трудности вследствие отсутствия топлива для обогрева комнаты и приготовления горячей пищи. Поиски топлива для них крайне затруднительны (матери 70 лет, отцу 61 год). Прошу оказать возможное содействие моему отцу Давыду Федоровичу Вербову в получении хотя бы небольшого количества дров, досок, ящиков или каких-нибудь других материалов, пригодных для отопления»³⁷. Родители Г. Д. Вербова погибли в блокадном городе. Приехав однажды в Ленинград, он пришел к сестре с драгоценным подарком — вязанкой дров. На фронте Г. Д. Вербов стал кандидатом в члены ВКП(б). 22 июня 1942 г. Институт обратился в Отдел комплектования Штаба Ленинградского фронта с ходатайством о демобилизации Г. Д. Вербова как уникального специалиста, но получил отказ³⁸. Да и само ходатайство запоздало: к тому времени Григорий Давыдович уже был похоронен в братской могиле на станции Понтонная Ленинградской области. 4 июля 1942 г. его сестра О. Д. Шелингер прислала из Свердловска в Институт письмо: «Глубокоуважаемый т. директор! Не знаю, известно ли Вам, а потому извещаю, что брат мой и Ваш быв. ст. научный сотрудник Вербов Григорий Давыдович, находящийся с начала войны в рядах РККА в качестве добровольца, был ранен и умер от ран. О чем я получил офиц. извещение из части, где он служил (ппс 506 521-я отд. рота связи) от 12.VI с. г.

В честь светлой памяти моего брата, отдавшего свою жизнь за родину, а прежде отдававшего все силы и знания на пользу советской науки, прошу Вас взять все имеющиеся в его квартире книги и экспонаты, представляющие научную ценность и передать их ин-ту этнографии Ак. Наук. Ключи от комнаты брата находятся у писателя Груздева³⁹, прожив. по кан. Грибоедова д. 9 кв. 13 тел. А 102-80; я очень прошу Вас, свяжитесь с т. Груздевым Ильей Александр. или его супругой, у которых имеется доверенность на распоряжение имуществом Г. Д. С ним уже договоритесь о ликвидации его имущества. Буду оч. благодарна, если поможете т. Груздеву всем, чем можете.

Домашний адрес Григория Давыдовича ул. Пестеля д. 7 кв. 7; в своем письме к Груздеву пишу ему, что все ценные для науки и др. предметы, принадлежавшие Г. Д., прошу передать ин-ту этнографии Академии Наук.

С приветом О. Шелингер.

Р. S. Очень прошу сообщить мне о результатах переговоров с т. Груздевым и что Вами будет предпринято»⁴⁰.

По данным Василеостровского райвоенкомата Петербурга красноармеец Г. Д. Вербов погиб 6 июня 1942 г.⁴¹.

(Продолжение этой части в следующем номере)

- ¹ Цит. по: Изв. ВГО. Т. 75. Вып. 6. М., 1943. С. 5.
- ² О А. В. Мачинском см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 144, 406; Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 424; Оп. 5. Д. 209; Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992. С. 27; *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700—1917 гг. СПб., 1992. С. 426; Запись беседы с сыном А. В. Мачинского Д. А. Мачинским от 3 сентября 1993 г. хранится в архиве автора.
- ³ Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 424. Л. 20.
- ⁴ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 207. Л. 78.
- ⁵ Там же. Л. 57.
- ⁶ Там же. Л. 79, 81.
- ⁷ Там же. Л. 84.
- ⁸ *Мачинский А. В.* Переписка Ж. Ф. Шампольона с А. Н. Лениным//Проблемы истории до-капиталистических обществ. 1934. № 4. С. 72—89; *его же.* Новейшая литература по археологии Мексики и Гватемалы//Сов. этнография. 1934. № 3. С. 114—118; *его же.* A propos de la gamme musicale egyptienne//Сб. кружка по изучению древнего Востока при Государственном Эрмитаже. Л., 1935. № 2 (9). С. 11—25; *его же.* Две заметки о технике древне-египетского земледелия//Архив истории науки и техники. М.; Л., 1935. Т. VI. Сер. 1. С. 279—285; *его же.* Несколько новых книг по археологии и истории Центральной Америки//Сов. археология. 1936. № 1. С. 291—302; *его же.* Новая литература по этнографии Центральной Америки//Сов. этнография. 1936. № 6. С. 145—152; *его же.* Marshal H. Saville (1868—1935). Некролог//Сов. археология. 1937. № 3. С. 229—233; *его же.* Древние мексиканские пирамиды//Наука и техника. Л., 1938. № 11. С. 12; *его же.* Древнее Перу//БСЭ. Т. 45. 1940. Стлб. 212—215; *его же.* Две новых псевдопалеолитических находки в Америке//Сов. археология. 1940. № 5. С. 305; *его же.* Археологическая мексиканская коллекция//Там же. С. 305; *его же.* Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика//Материалы и исследования по археологии СССР. 1941. № 3. С. 317—324; *его же.* Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове//Краткие сообщ. Института истории материальной культуры. Вып. 9. 1941. С. 80—89; *его же* (совм. с А. П. Кругловым и П. Н. Третьяковым). Деревня Матакюля 1935—1936 гг.//Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936. М.; Л., 1941. С. 18.
- ⁹ О М. В. Евстратове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5, 272, 392. Д. 426. Л. 29; Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 16.
- ¹⁰ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 35.
- ¹¹ О И. И. Сазонове см.: Там же. Оп. 5. Д. 343; 426. Л. 80.
- ¹² О П. Д. Рыжакове см.: Там же. Д. 341; 426. Л. 76.
- ¹³ О А. А. Савиниче см.: Там же. Оп. 5. Д. 342; 426. Л. 79.
- ¹⁴ О Г. А. Гловацком см.: Архив МАЭ. Личное дело; *Решетов А. М.* История формирования коллекций и изучение народов Зарубежной Азии в МАЭ//Сб. МАЭ. Т. 35. Л., 1980. С. 105—106; *Вологодина В. Н.* Из истории Кунсткамеры: Музейные работники в годы войны и блокады//Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994. С. 183.
- ¹⁵ *Гловацкий Г. А.* (сов. с Н. В. Кюнером). Выставка китайского лубка//Сов. этнография. 1952. № 1. С. 196—200; *его же.* Экспозиция «Культура и быт народов Китая» в Музее антропологии и этнографии АН СССР//Там же. 1957. № 2. С. 172—178; *его же* (совм. с Р. Ф. Итсом). Парадный костюм китайского генерала из собрания Кунсткамеры. (К истории китайской армии XVIII—XIX вв.)//Сб. МАЭ. Т. 17. М.; Л., 1957. С. 215—237; *его же.* Поездка в Китайскую Народную Республику (Заметки этнографа)//Сов. этнография. 1959. № 5. С. 164—167; *его же* (совм. с Э. Е. Фрадковым). Китайский старинный лубок. Комплект открыток. Текст. Л., 1959; *его же.* Китай//Восточная Азия. Краткий путеводитель по экспозиции МАЭ. М.; Л., 1964. С. 3—15; *его же.* Ремесла китайцев//Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 219—232; *его же.* Новая экспозиция «Культура и быт населения Японии в МАЭ»//Сов. этнография. 1970. № 3. С. 162—175.
- ¹⁶ О И. Я. Треногове см.: Архив МАЭ. Личное дело; Октябрьская фронтовая. Воспоминания о работе Октябрьской магистрали в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Л., 1970. С. 376; *Чивилев М. Г. и др.* Магистрали бесстрашных. Л., 1971. С. 58, 59, 86.
- ¹⁷ О С. Н. Стебницком см.: ПФА РАН. Ф. 77. Оп. 5. Д. 130; *Капица Л.* Из истории одной русской семьи//Народное образование. 1991. № 7. С. 102—111; *Овчинникова Г. В.* Жизнь и судьба С. Н. Стебницкого (методико-библиографический материал). Палана, 1992.
- ¹⁸ *Стебницкий С. Н.* Изба-читальня. Старый и новый быт/Ред. сб. проф. В. Г. Тан-Богораз. Л., 1924. С. 105—116; *его же.* Коряцкие дети//Советский Север. 1930. № 4. С. 39—47; *его же.* Эпи-охотник. М.; Л., 1930; *его же.* Летучий нинвит. М.; Л., 1930; *его же.* Непеуге-делегат. М.; Л., 1930; *его же.* Пурга. М.; Л., 1931; *его же.* У коряков на Камчатке//Библиотека журнала «Дружные ребята». М., 1931; *его же.* Школа на тундре. М.; Л., 1932; *его же.* (рец.) Билибин Н. Н. Обмен у коряков. Л., 1930. 40 с.//Сов. этнография. 1935. № 4—5. С. 242—243; *его же.* Перевод на русский язык нымыланской (корякской) книги для чтения, составленной Кецаем Кеккетыном. В помощь учителю нымыланской (корякской) школы. М.; Л., 1936; *его же.* Чавачаванские и нымыланские (корякские) сказки. Изд. 2-е, исправленное по новой орфографии нымыланского (корякского) языка//Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). Сб. статей. М.; Л., 1937. С. 287—307; *его же.* Автобиография нымыланов//Сб. статей. «Сов. этнография». 1938. № 1. С. 76—79; *его же.* Нымыланы-алюторцы. (К вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков)//Там же. С. 129—144; *его же.* Очерки по языку и фольклору коряков. СПб., 1994; *его же.* Алюторский диалект нымыланского (корякского) языка//Сов. Север. Л., 1938. № 1. С. 65—102; *его же.* Нымыланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова (к вопросу о происхождении карагинского диалекта нымыланского (корякского) языка в свете лингвистических материалов С. П. Крашениннико-

ва) // Там же. 1939. № 2. С. 129—170; *его же*. Из истории падежных суффиксов в корякском и чукотском языках. Л., 1941; *Антронова В. В.* Коряки (в основу описания дореволюционного быта положена статья С. Н. Стебницкого и Н. Б. Шнакенбурга) // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 950—977; *ее же*. Представления коряков о рождении, болезни и смерти (на основе материалов В. Иохельсона и С. Н. Стебницкого) // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1970. С. 254—267.

¹⁹ *Богораз В. Г.* Материальная культура чукчей. Авторизованный пер. с англ. / Отв. редактор, автор послесловия и примечаний И. С. Вдовин. М., 1991.

²⁰ Справка Военно-медицинского музея Министерства обороны РФ. Архив военно-медицинских документов. 6-й отдел. 21 декабря 1994 г. Справка хранится в архиве автора.

²¹ *Капица Л.* Указ. раб. С. 110.

²² О *И. М. Лекомцеве* см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 139, 203; Ф. 222. Оп. 2. Д. 836, 1035; Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 522. О семье *Лекомцевых* см.: *Костицына Т. Я.* Твой, революция. Ижевск, 1991. С. 87—96.

²³ *Лекомцев И. М.* Хлебобобы восточных островов Азиатского архипелага. (По материалам Музея Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР) // Сов. этнография. 1935. № 3. С. 59—70; *его же*. Обзор этнографических работ по Советскому Союзу за 1935 г. по газетным сообщениям // Там же. 1936. № 1. С. 101—105; *его же*. Этнографическая секция Ин-та антропологии, археологии и этнографии АН СССР // Там же. С. 142—143; *его же*. Поездка в Удмуртскую АССР // Там же. С. 155—157; *его же*. Первая марийская научная языковедческая конференция // Там же. 1937. № 1. С. 172—174; *его же*. Социалистическое строительство среди народов Поволжья // Там же. 1937. № 2—3. С. 3—14; *его же*. Центральный музей краеведения Удмуртской АССР // Там же. С. 122—124; *его же*. А. И. Герцен о вятских удмуртах и марийцах // Там же. 1937. № 4. С. 134—136.

²⁴ О *Н. К. Каргере* см.: ПФА РАН. Ф. 4, Оп. 4. Д. 2823; Салехардский государственный архив Тюменской области. Ф. 22. Оп. 1 л/с. Д. 2, 3, 5, 7; Письмо Управления по Ленинградской области КГБ СССР от 8 октября 1991; ответ прокуратуры г. Санкт-Петербурга от 6 сентября 1993 г.; Справка 6-го отдела Архива Военно-медицинских документов Военно-медицинского музея от 3 июля 1993 г. Материалы хранятся в архиве автора.

²⁵ *Каргер Н. К.* Классификационная система родства у гольдов // Сб. этнографических материалов. Изд. этнографического отделения ЛГУ. Л., 1927. № 2. С. 26—34; *его же*. (рец.) Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарские. Опыт этнографического исследования... Владивосток, 1922 // Этнография. 1928. № 1. С. 139—141; *его же*. Отчет об исследовании родового состава населения бассейна р. Гарина // Гарино-Амгунская экспедиция 1926 г. Предварительный отчет Н. К. Каргера и И. И. Козьминского. Известия Комитета по изучению племенного состава СССР и сопредельных стран. Вып. 3. Л., 1929. С. 3—24; *его же*. Гиляки // БСЭ. Т. 16. М., 1929. Стлб. 485—488; *его же*. Оленеводство у енисейцев (кет) // Сов. Север. 1930. № 6. С. 28—38; *его же*. В. К. Арсеньев // Там же. 1931. № 1. С. 135—137; *его же*. Родовой состав ульчей // Там же. 1931. № 5. С. 110—125; *его же*. Кетский язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3. Языки и письменность палеоазиатских народов. М.; Л., 1934. С. 223—238; *Karger N. K.* Вуквар. Л., 1934. (на кет. яз.).

²⁶ Как говорится, неисповедимы пути Господни... Родной брат его, Михаил Константинович Каргер (1903—1976), понятно, того же социального происхождения, остался спокойно работать в Ленинграде, защитил докторскую диссертацию, возглавлял Ленинградское отделение Института археологии АН СССР и кафедру истории искусств исторического факультета ЛГУ. О нем см.: *Кирпичников А. Н.* М. К. Каргер (некролог) // Сов. археология. 1977. № 3. С. 333—334.

²⁷ Архив Музея СПбГУ.

²⁸ О *В. И. Равдоникасе* см.: ПФА РАН. Ф. 1049. Будущему исследователю научной и общественной биографии Равдоникаса можно только пожелать успешной работы над материалами его обширного фонда. См. также: *Столяр А. Д.* Деятельность В. И. Равдоникаса // Тивинский сб. Тихвин, 1987. С. 8—25.

²⁹ *Равдоникас В. И.* Доисторическое прошлое Тихвинского края // Тихвинский край. Тихвин, 1924. С. 1—36; *его же*. Население Тихвинского уезда // Тихвинский край. Тихвин, 1926. С. 237—241; *его же*. Чухари // Там же. С. 242—261; *его же*. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930; *его же*. За марксистскую историю материальной культуры // Изв. ГАИМК. Т. 7. Вып. 3—4. Л., 1930; *его же*. К вопросу о социологической периодизации палеолита в связи со взглядами Маркса и Энгельса // Там же. Т. 9. Вып. 2. Л., 1931; *его же*. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. М.; Л., 1934; *его же*. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1. М.; Л., 1936; Ч. 2. М.; Л., 1938; *его же*. История первобытного общества. Ч. 1. Л., 1939; Ч. 2. Л., 1947; *его же*. Неолитический могильник на Онежском озере // Сов. археология. 1940. № 6. С. 46—62; *его же*. Старая Ладога // Там же. 1949. № 11. С. 5—54. Списки работ В. И. Равдоникаса см.: Советская археологическая литература. Библиография. 1918—1940 / Сост. Н. А. Винберг. Т. Н. Заднепровская, Р. Ш. Левина, А. А. Любимова. М.; Л., 1959; Библиография трудов Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. 1900—1962. Л., 1967.

³⁰ Международная конференция к 100-летию В. И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб., 1994.

³¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 40.

³² О *Н. П. Никульшине* см.: ПФА РАН. Ф. 142. Д. 324, 409.

³³ *Никульшин Н. П.* Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939. Материалы Н. П. Никульшина были использованы Г. М. Василевич при написании статьи «Эвенки» для тома «Народы Сибири». М.; Л., 1956. С. 701—741. Неопубликованные работы Н. П. Никульшина хранятся в Архиве МАЭ (Ф. 1).

³⁴ О *Г. Д. Вербове* см.: ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2795; Ф. 142. Оп. 5. Д. 90, 245; 387; 426. Л. 14; *Омельчук А.* Рыцари Севера. Свердловск, 1982. С. 99—128; *Степанов Н. Н.* Предисловие // *Зуев В. Ф.* Материалы

по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772) // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 5. М.; Л., 1947. С. 8—10.

³⁵ Вербов Г. Д. (рец.) Старцев Г. А. Самоеды (ненча). Историко-этнографическое исследование. Л., 1930 // Сов. этнография. 1931. № 1—2. С. 196—198; *его же*. Лесные ненцы // Там же. 1935. № 2. С. 57—70; *его же*. Ненэцкие сказки и былины (из ненэцкого фольклора). Сале-Хард, 1937; Краткий ненэцко-русский и русско-ненэцкий словарь / Соств. Г. Д. Вербов. Сале-Хард, 1937; *его же*. Пережитки родового строя у ненцев // Сов. этнография. 1939. № 2. С. 43—66; *его же*. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. // Изв. ВГО. Т. 75. Вып. 5. 1943. С. 16—23; Зуев В. Ф. Указ. раб. // Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 5. М.; Л., 1947. Подготовил к печати Г. Д. Вербов; *его же*. Василий Федорович Зуев // Зуев В. Ф. Указ. раб. С. 1—16.

³⁶ Архив МАЭ. Ф. 2.

³⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 40. Л. 31.

³⁸ Там же. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 40. Л. 31.

³⁹ Груздев И. А. (1892—1960) — русский советский критик и литературовед. О нем см.: Иоффе Ф. М. Груздев Илья Александрович // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1964. Стлб. 430—404.

⁴⁰ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Д. 25. Л. 2, 17.

⁴¹ Книга памяти. Ленинград. 1941—1945. Т. 1. Василеостровский район. А—Л. СПб., 1994. С. 152.

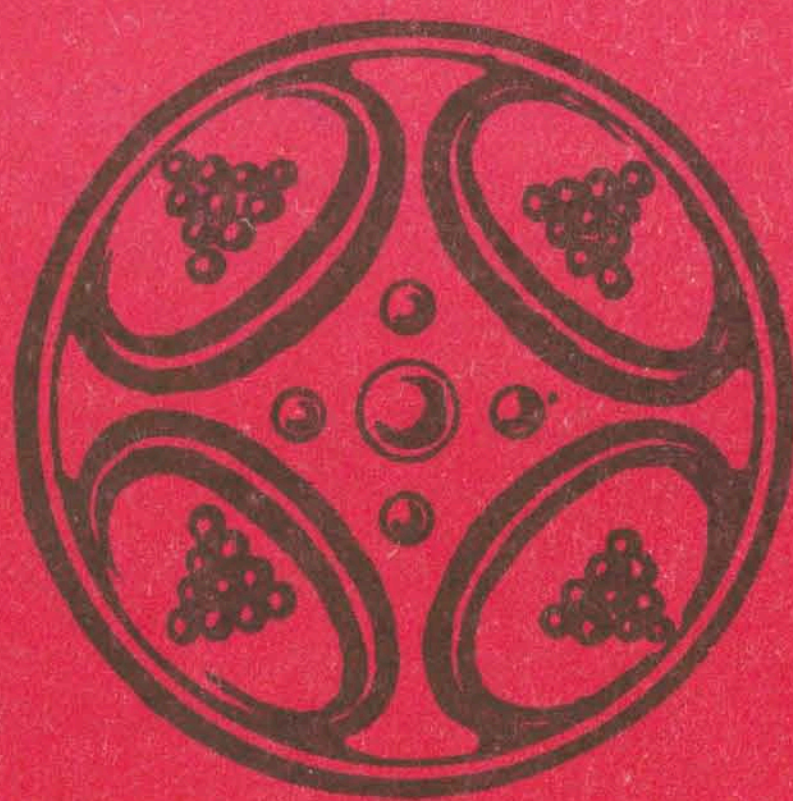
Paying the Debt. Part II. In memory of the collaborators of the Institute of Ethnography, Soldiers of the Great Patriotic War

The article is the second part of the three-part article entitled «Paying the Debt». Life and work of the ethnographers and employees of the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences, who fought and died at the fronts of the Great Patriotic War are described.

A. M. Reshetov

ISSN 0869-5415

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1995

№ 4

• НАУКА •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 4

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ 1926 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ · АВГУСТ
1995

С 1926 по 1929 г. журнал выходил под названием «Этнография»
С 1931 по 1991 г. — «Советская этнография»

Редакционная коллегия:

Ю. В. Арутюнян, В. Н. Басилов, И. В. Власова (главный редактор),
Н. А. Дубова, А. А. Зубов, В. В. Карлов, А. М. Решетов, В. А. Тишков,
Д. А. Функ, Г. В. Цулая, С. В. Чешко (заместитель главного редактора),
Е. А. Шервуд

Отв. секретарь О. Д. Комарова

Заведующая редакцией *Е. А. Эшлиман*

Обложка художника *Е. В. Орловой*

Адрес редакции:

117334 Москва, Ленинский пр., д. 32а
тел. 938-18-67, 938-56-50, факс 938-06-00

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения
редколлегии и редакции

*В 1995 году журналу оказана финансовая поддержка Российским фондом
фундаментальных исследований (грант № 95-06-95013)*

К 50-летию ПОБЕДЫ: СОБЫТИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, МНЕНИЯ

© 1995 г., ЭО, № 4

А. М. Решетов

ОТДАНИЕ ДОЛГА. ЧАСТЬ II. ПАМЯТИ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР, ПОГИБШИХ В БОЯХ ЗА РОДИНУ *

С началом войны шли в армию мужчины призывного возраста. Уходили на фронт и добровольцы. Среди тех и других были сотрудники Института этнографии.

Николай Борисович Шнакенбург родился 4 февраля 1907 г. в г. Переславле Залесском Ярославской губернии в русской дворянской семье⁴². Его отец военный, мать домохозяйка. В 1924 г. он окончил среднюю школу, затем два года жил и работал в Туле. Здесь Николай учился сапожному мастерству и работал в качестве подмастерья, а также служил препаратором в ветеринарной лаборатории. В августе 1926 г. он поступил на этнографическое отделение географического факультета ЛГУ, где занимался под руководством выдающегося сибиреведа проф. В. Г. Богораза. В мае 1929 г. Н. Б. Шнакенбург был командирован на Камчатку. С августа 1929 г. по июль 1930 г. он работает учителем школы 1-й ступени в с. Тили Олюторского р-на Камчатской обл., с августа 1930 г. по июнь 1931 г. учительствует на мысе Шмидта на Чукотке.

С июня 1931 по август 1933 г. Николай Борисович в качестве научного работника, краеведа культбазы Комитета содействия народам Севера, находился в районе залива Лаврентия, что на Чукотке. В 1931—1933 гг. он участвовал в работе бригады по советизации кочевников тундры, руководил учебной частью курсов по подготовке молодых чукчей к учебе в партшколе, часто выступал в качестве переводчика, способствовал введению письменности среди чукчей. По возвращении в Ленинград, а добирался Шнакенбург долго — с августа 1933 г. по январь 1934 г., он вновь становится студентом. Комитет содействия, поддерживая восстановление его в правах студента, весьма похвально отзывается о его работе в экспедиции. К тому времени этнография была представлена Ленинградским историко-философско-лингвистическим институтом. Шнакенбург заканчивает этот институт в июле 1936 г. и с октября того же года по март 1937 г. работает младшим научным сотрудником Музея Арктики, принимает участие в организации Отдела хозяйства народов Севера. С апреля по декабрь 1937 г. он сотрудник-переводчик Корякской экспедиции Арктического института, которая работала у кэрэков в Олюторском р-не Камчатской обл. В ноябре 1937 г. газета «Тихоокеанская звезда» публикует его научную статью «Китобойный промысел на Чукотке». После возвращения в Ленинград Николай Борисович с 1 апреля 1938 г. зачислен научно-техническим сотрудником в Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР. С 1 ноября 1938 г. он в порядке совместительства преподает историю СССР в старших классах средней художественной школы при Академии художеств.

* Начало статьи см. «Этнографическое обозрение», № 3.

1 октября 1939 г. Шнакенбурга освобождают от занимаемой должности младшего научного сотрудника Кабинета Сибири Института этнографии в связи с поступлением в аспирантуру АН СССР, где под руководством Г. Н. Прокофьева ему к 1 октября 1942 г. предстояло подготовить квалификационную работу по теме «История и этнография народов Камчатки». В своем заявлении в аспирантуру от 14 августа 1939 г. он писал: «Полагал бы работать в области истории народов Севера как полноправной истории народов СССР... В этой разработке истории чукоч, эскимосов и коряков важнейшее место должно быть отведено и этнографии этих народов. Вот почему я и прошу комиссию принять меня в аспирантуру Института этнографии Академии Наук СССР»⁴³. С июля 1940 г. Шнакенбург много времени проводит в Архиве народного хозяйства, где изучает дела, связанные с историей Камчатки, взаимоотношениями народов Чукотского полуострова. В аспирантуре он работает с большим увлечением, о чем свидетельствуют отзывы его научных кураторов. Так, 14 июля 1940 г. А. И. Андреев написал: «Николай Борисович Шнакенбург в течение 1939—1940 учебного года прослушал весьма внимательно мой курс „Источниковедение Сибири XVII—XX вв.“, заслуживает оценки „отлично“»⁴⁴. 27 июня 1940 г. аспирант успешно сдал кандидатский минимум по диалектическому и историческому материализму. А 1 июля того же года Г. Н. Прокофьев дал такой отзыв: «Считаю Н. Б. Шнакенбурга усидчиво, серьезно относящимся к своей учебе аспирантом»⁴⁵. До сентября 1940 г. молодой исследователь, помимо всего прочего, исполнял обязанности секретаря тома «Народы Сибири». Им была написана статья «Эскимосы» объемом около 5 а. л. На заседании Кабинета Сибири было принято решение расширить статью с тем, чтобы впоследствии выпустить ее отдельным изданием. Совместно с С. Н. Стебницким Шнакенбург готовил для сибирского тома статью «Коряки». Для однотомника «Народы СССР» им были написаны две небольшие статьи «Чукчи» и «Коряки». Институт истории в тот период подготавливал к выпуску первый том «Истории Сибири». Шнакенбург предоставил собранные им материалы для написания главы «Север Сибири в I тысячелетии». Он внимательно просмотрел подготовленный В. Г. Богоразом к печати «Луораветланско-русский словарь» и передал для включения в него около 70 записанных им слов. Исследователем был подготовлен и ряд рукописей, например «К истории первобытного обмена у чукоч» (4—5 а. л.), «Запреты-табу пищи у приморских чукоч» и др. Количество опубликованных Шнакенбургом работ невелико⁴⁶. Очевидно, исследователь хранил свой научный архив дома, и после ухода его в армию он был утрачен. В архиве МАЭ нет фонда Н. Б. Шнакенбурга. После получения известия о гибели Николая Борисовича среди сотрудников Института распространился слух о том, что в ходе боев под Ленинградом он якобы был захвачен немцами в плен. Фашисты, приняв его за немца, предложили сотрудничество, но он решительно отказался, после чего был расстрелян⁴⁷. В мемуарах Л. И. Лаврова о боях на Ораниенбаумском плацдарме есть сообщение о гибели Н. Б. Шнакенбурга близ д. Настолово без указания каких-либо подробностей⁴⁸. Напомню только, что Л. И. Лавров хорошо знал Николая Борисовича по совместной работе в Институте этнографии.

Гибель Шнакенбурга произошла, вероятно, в конце сентября — начале октября 1941 г. То, что долго не было известий о его судьбе, подтверждается письмом с фронта Г. Д. Вербова своему коллеге М. А. Сергееву от 29 апреля 1942 г.: «Из Вашей открытки я извлек печальное известие о судьбе Н. Б. Шнакенбурга. Что с ним? Убит? До сего времени я знал лишь, что от него нет вестей»⁴⁹. Официально в Институт тогда не поступало никаких сообщений. Поэтому приказом по Институту за № 67 от 24 июня 1942 г. Н. Б. Шнакенбург был отчислен из штата сотрудников только с 1 апреля 1942 г. «как находящийся в рядах Красной Армии». Было достоверно известно, что он участвовал в сражениях на Ораниенбаумском плацдарме в качестве рядового в составе 6-й роты 2-го батальона Василеостровской добровольческой дивизии⁵⁰.

По сведениям, полученным 11 января 1995 г. в Василеостровском райвоенкомате Санкт-Петербурга, рядовой Шнакенбург Н. Б. пропал без вести на фронте в

октябре 1941 г. Вполне вероятно, что устная версия о его гибели не лишена оснований.

5 июля 1941 г. ушел добровольцем в Красную Армию и младший научный сотрудник Института *Давид Натанович Лев*⁵¹. Он родился 2 мая 1905 г. в Могилеве в еврейской мещанской семье, а в 1925 г. начал трудовую жизнь: работал в стройконторе, в 1925—1927 гг. был санитаром во 2-й психиатрической больнице, в 1927—1930 гг. — санитаром Невропсихиатрической экспертизы заключенных им. В. И. Ленина. Одновременно в 1926—1929 гг. Лев обучался в Институте истории искусств. Он надеялся получить специальность искусствоведа, однако в 1929 г. ушел с третьего курса и поступил на археологическую кафедру отделения истории материальной культуры Ленинградского историко-лингвистического института. В сентябре 1931 г. Лев получает диплом археолога дофеодальной формации. Его научным руководителем был П. П. Ефименко. С 1 января 1932 г. он по договору работает научным сотрудником 2-го разряда МАЭ. С образованием Института антропологии и этнографии АН СССР 15 февраля 1935 г. Лев — штатный сотрудник 2-го разряда, а ровно через год — 1-го разряда. Начиная с 1931 г. он выезжает в археологические экспедиции в различные районы страны, работает под руководством А. А. Миллера и В. А. Городцова. Особо его интересует история горного дела. В 1935 г. В. А. Городцов и С. Н. Быковский предлагают присвоить Д. Н. Льву степень кандидата наук по археологии и истории доклассового общества без защиты. С 28 января 1938 г. он исполняет обязанности заведующего, а с 23 апреля 1939 г. назначается заведующим отделом археологии МАЭ. В 1940—1941 г. Д. Н. Лев сдал кандидатские минимумы по археологии, диалектическому и историческому материализму и немецкому языку.

Вскоре после начала войны он записывается добровольцем в Красную Армию, но по состоянию здоровья ему отказывают в службе в армии. В январе 1942 г. Д. Н. Лев получил положительные отзывы профессоров В. В. Мавродина и В. И. Равдоникаса на свою диссертацию «Производство железа в Прибайкалье в VII—X вв. н. э.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Однако защитить диссертацию в блокадном Ленинграде он не успел. 11 июля 1942 г. Лев был эвакуирован из Ленинграда. В Самарканде он устроился на работу в университет, где защитил в 1945 г. кандидатскую диссертацию, посвященную вопросам древнего горного дела, и стал доцентом. Его работы послевоенного периода посвящены археологии Средней Азии. В 1958—1968 гг. Лев вел регулярные раскопки Самаркандской стоянки⁵². Он умер в Самарканде 10 октября 1969 г.

Федор Борисович Шапиро родился в 1892 г. в г. Вильно в еврейской мещанской семье⁵³. Как он сам писал, у него «домашнее образование, низшее». Служил рядовым в царской армии, а в 1917—1924 гг. — в Красной Армии в разных частях, в частности был музыкантом. С 1924 г. он на хозяйственной работе (с 10 октября 1932 г. по 19 марта 1934 г. — завхоз МАЭ, затем Института антропологии и этнографии). По его словам, «ввиду несработанности с помощником директора по административно-хозяйственной части уволился». Проработав 5 лет в других учреждениях, в том числе в ИИМК, Шапиро в сентябре 1939 г. вернулся в Институт этнографии, на этот раз на должность помощника директора по административно-хозяйственной части. С образованием Литовской ССР ему, естественно, захотелось повидать своих литовских родственников. Директор Института этнографии акад. В. В. Струве обратился к академику-секретарю Отделения истории и философии АН СССР А. М. Деборину с просьбой дать «разрешение на командирование в гг. Каунас и Вильнюс Литовской ССР помощника директора по административно-хозяйственной части Ф. Б. Шапиро с целью ознакомления с состоянием этнографических музеев этих городов, а также для установления связи с научными сотрудниками, готовящими статьи для сборника „Народы СССР“». Нельзя не заметить, что едва ли кандидатура Шапиро Ф. Б. подходила для выполнения этой ответственной и деликатной научной миссии.

Имя Ф. Б. Шапиро значится в приказе за № 110 от 4 июля 1941 г. по Институту

этнографии: «В связи с уходом пом. дир. по адм.-хоз. части Ф. Б. Шапиро добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г.» Очевидно, это решение о вступлении добровольцем в действующую армию было принято Ф. Б. Шапиро в порыве патриотизма и объясняется стремлением приблизить час скорой победы. Свое решение Шапиро не согласовал с руководством института. Иначе нельзя понять, почему уже 5 июля 1941 г. директор института проф. И. Н. Винников обратился в мобилизационную комиссию Василеостровского района «с просьбой об освобождении от службы в Добровольческой Армии помощника директора по административно-хозяйственной части Института этнографии АН СССР т. Шапиро Федора Борисовича». 12 июля 1941 г. аналогичная просьба была выражена в письмах директора командиру 2-го пулеметного батальона 2-го полка Василеостровской дивизии и заместителю командира того же батальона по политчасти. 14 июля 1941 г. И. Н. Винников получил отказ «в освобождении добровольца Шапиро Ф. Б. из рядов Добровольческой дивизии». Тогда он обратился к военному комиссару Ленинграда, однако и от него пришел решительный отказ. После эвакуации И. Н. Винникова в вышестоящие инстанции продолжает обращаться и. о. директора института С. М. Абрамзон. 19 ноября 1941 г. он направил письмо с просьбой об освобождении от службы Шапиро в Отдел укомплектования штаба Ленинградского фронта.

В конце концов целеустремленные действия руководства института увенчались успехом, и 11 декабря 1941 г. Ф. Б. Шапиро приступил к исполнению своих гражданских обязанностей. Правда, позднее Шапиро писал в анкете так: «В декабре был демобилизован по болезни». Вскоре С. М. Абрамзон издал приказ об эвакуации Ф. Б. Шапиро из Ленинграда с 8 февраля 1942 г. с сохранением содержания по 15 марта 1942 г. В дальнейшем формулировка приказа была уточнена: «Ф. Б. Шапиро командировается в распоряжение Президиума АН СССР в г. Казань по делам, связанным с эвакуацией сотрудников Института из Ленинграда, осуществляемой в порядке постановления Правительства СССР». Срок командировки — по 1 апреля 1942 г. Из Казани Шапиро направился в Ташкент, где находилась группа сотрудников института, он по-прежнему выполнял обязанности помощника директора и по совместительству получил должность начальника Ташкентского административно-хозяйственного управления (начальника управления уполномоченного Президиума АН СССР по Узбекистану). За добросовестное выполнение своих обязанностей Ф. Б. Шапиро был награжден медалью «За трудовую доблесть».

С 1 мая 1945 г. приказом заместителя директора Института Н. Н. Степанова он был переведен на должность заведующего производственными мастерскими. 17 мая 1945 г. Шапиро вернулся из эвакуации в Ленинград, а с начала 2 августа того же года перешел на работу в ленинградский Дом ученых в качестве заместителя директора. Был награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». 10 февраля 1950 г. Шапиро перевели на должность директора академической гостиницы, но на этой должности он проработал недолго. Очевидно, сказались пережитые трудности и болезни. 12 июля 1951 г. Ф. Б. Шапиро скончался в Ленинграде.

В связи с уходом добровольцем в Красную Армию заведующего отделом Сибири *Георгия Николаевича Прокофьева* ему был выдан двухнедельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г., но пробыл в армии он недолго: по состоянию здоровья его вернули в институт. Г. Н. Прокофьев скончался в блокадном Ленинграде 29 января 1942 г.⁵⁴

Александр Николаевич Нечаев родился 7 (20) апреля 1902 г. в д. Екимово Пудожского уезда Архангельской губернии в семье зажиточного крестьянина⁵⁵. Летом семья занималась преимущественно хлебопашеством, а зимой, вплоть до 1915 г., разносной грибной торговлей в Петербурге. В 1920 г. Александр закончил школу и работал. Затем он учился на Высших курсах искусствоведения при Государственном институте истории искусств, а в 1927 г. перевелся в

Ленинградский историко-лингвистический институт, который не закончил, уйдя в 1932 г. с последнего курса.

С сентября 1930 по июнь 1934 г. Нечаев — преподаватель-ассистент Ленинградской высшей школы профдвижения. В 1932 г. фольклорная секция АН СССР утвердила его членом экспедиции по изучению фольклора Карельского Беломорья. С июня 1934 по май 1938 г. он занимает должность старшего сотрудника и руководителя этнографо-лингвистической секции Карельского научно-исследовательского института культуры в Петрозаводске.

В мае 1938 г. Нечаев становится членом Союза советских писателей в Ленинграде и работает лектором по литературе и фольклору в Ленинградском городском лектории. В 1938 г. Александру Николаевичу присуждается премия 1-й категории за «Сказки Карельского Беломорья» на конкурсе научных работ, организованном АН СССР и ЦК ВЛКСМ. Его записи сказителей М. М. Коргуева и Ф. Л. Свиньина вызвали также похвалы ведущих ученых-фольклористов. Проф. М. К. Азадовский, например, писал: «Открытие А. Н. Нечаевым М. М. Коргуева и Ф. Л. Свиньина начинает новую эру в истории изучения русской сказки в Карелии и принадлежит к крупнейшим явлениям русского сказковедения в целом». 26 февраля 1940 г. эта работа была защищена в ученом совете Ленинградского педагогического института им. Герцена на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Оппоненты Н. П. Андреев и В. А. Десницкий положительно оценили диссертацию молодого ученого. В сентябре 1940 г. А. Н. Нечаев подал заявление с просьбой предоставить ему работу в Институте этнографии АН СССР, которое поддержал заведующий Кабинетом Европы института, чл.-кор. АН СССР Д. К. Зеленин: «Кабинет Европы очень просит зачислить в число сотрудников Кабинета тов. Нечаева, который является специалистом по фольклору и этнографии Карельского периода». С 1 января 1941 г. его назначают секретарем Кабинета.

5 июля 1941 г. А. Н. Нечаев ушел добровольцем на фронт, тем не менее он продолжал числиться на работе до 1 апреля 1942 г., когда его все-таки отчислили как находящегося в рядах Красной Армии. В 1941—1942 гг. Нечаев состоял военным корреспондентом в Кировской дивизии народного ополчения. После демобилизации он обосновался в Москве. В то время там задумывалось составление свода русских сказок. Инициаторами выступили такие известные писатели, как П. П. Бажов, М. М. Пришвин, А. П. Платонов, а для общего руководства пригласили М. А. Шолохова. Среди практических исполнителей и был А. Н. Нечаев. В 50-е годы он занялся пересказами для детей младшего и среднего школьного возраста сказок и былин, которые широко публиковались в различных издательствах страны⁵⁶. Умер А. Н. Нечаев в Москве 24 декабря 1986 г.

Создается впечатление, что институтские приказы порой лишь фиксировали происшедшие события. Прочитав приказ за № 121 от 5 июля 1941 г. по Институту этнографии: «§ 1. В связи с уходом младшего научного сотрудника Н. Н. Волкова добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г. § 2. Отчислить из аспирантуры М. К. Кудрявцева с 1 июля 1941 г. в связи с мобилизацией в Красную Армию. § 3. И. о. Ученого секретаря Н. И. Насекин вернулся досрочно из отпуска и приступил к работе с 5 июля с. г. § 4. В связи с уходом младшего научного сотрудника Л. И. Лаврова добровольцем в Красную Армию с 5 июля с. г. выдать ему 2-недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г.»⁵⁷.

Николай Николаевич Волков родился в июле 1904 г. в д. Симанково Сретенской волости Галичского уезда Костромской губернии в бедной крестьянской семье⁵⁸. Вспоминая свое детство, он писал в автобиографии: «Отец горчайший пьяница, он утопился пьяный в 1913 г. Детей осталось 5 человек, старшему — 10 лет. В детстве я живал пастухом, ходил на отхожие промыслы в качестве ученика стекольщиков и печников, некоторое время ездил за хлебом в Сибирь, собирая куски хлеба»⁵⁹. И даже в таких неблагоприятных условиях мальчик много читал, беря книги у священника и дьякона. В 1920 г. Николай уехал в

Кострому и там окончил партшколу. В феврале 1921 г. он вступил в РКП(б), а в 1921—1922 гг. учился в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, после чего 4 года занимался пропагандистско-клубной работой в Костроме, Киеве, Севастополе. В 1926—1930 гг. Волков служил на Балтийском флоте и одновременно с 1927 г. сдавал экстерном экзамены на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ, которое закончил в 1931 г.

В 1930—1931 гг. он обучался в аспирантуре. Тогда же под руководством Н. М. Маторина им готовились работы по скопцам. В 1931—1935 гг. Волков работал в органах НКВД, но по болезни был освобожден от службы там и вновь занялся с 1935 г. научной деятельностью в Институте анатропологии и этнографии. Предметом его изучения стали западнофинские народности. Во второй половине 30-х годов он проводил планомерные полевые этнографические исследования у вепсов, ижоры, эвремейцев, савакотов, карелов, саамов, в 1939 г. — у крымских татар. По всем этим народам он писал статьи для справочных изданий по этнографии народов СССР, готовившихся в те годы в институте. В 1940 г. Н. Н. Волков консультировал работников ГМЭ по реэкспозиции карело-финского отдела музея. В те же годы он усиленно трудился над подготовкой диссертации «Саамы в СССР».

Волков пережил большое потрясение: в апреле 1937 г. его исключили из ВКП(б) «за притупление бдительности и непринятие мер к врагам народа». Его попытки добиться восстановления в партии не увенчались успехом, что было для того времени плохим предзнаменованием. В апреле того же 1937 г. он был уволен из института и до февраля следующего года работал стекольщиком. Ему стоило огромных усилий восстановиться в институте.

Война нарушила многие планы Н. Н. Волкова. С 15 июня 1941 г. он находился в командировке (за свой счет, но с сохранением зарплаты) у вепсов Винницкого р-на Ленинградской обл. С началом войны исследователь вынужден был вернуться в город. 15 июля 1941 г. Николай Николаевич ушел на фронт добровольцем, воевал, но вскоре попал в плен, где находился с 10 сентября 1941 г. по 31 мая 1945 г. В 1946 г. об этих событиях в автобиографии он напишет следующее: «Под Гатчиной я был ранен в ногу, и, будучи уже в окружении, взят в плен немцами. В плену около 2 месяцев находился сначала в Пскове, затем в Риге в госпиталях. Затем перевели в Митавский госпиталь, и еще с костылями выписан в Митавский лагерь. В Митавском лагере я проработал в качестве стекольщика и резчика по дереву до июля 1944 г. В 1944 г. бежал, но снова был пойман, жестоко избит и отправлен на штрафные работы в Эстонию (Парнау). Вскоре всех нас эвакуировали в Германию, где я и был освобожден вместе с другими возле города Грайсфальд. По освобождении был вновь зачислен в ряды Красной Армии и демобилизовался на основе решения сессии Верховного Совета»⁶⁰.

30 сентября 1945 г. Волков был зачислен в отдел Европы Института этнографии на должность младшего научного сотрудника. В апреле следующего года он сдал кандидатский экзамен по этнографии комиссии в составе Н. Н. Степанова, Д. К. Зеленина и Д. А. Ольдерогге, а 7 января 1947 г. на заседании ученого совета Института этнографии в Москве успешно защитил кандидатскую диссертацию «Саамы в СССР». Официальные оппоненты доктора исторических наук, профессора Л. П. Потапов и А. И. Андреев, приславшие отзывы члены-корреспонденты АН СССР В. И. Равдоникас и Д. В. Бубрих высоко оценили исследование Н. Н. Волкова. Ученый возобновил экспедиционную деятельность, ездил к изучаемым им народам в Карело-Финскую ССР и Ленинградскую область, готовил новые работы⁶¹.

7 ноября 1947 г. в семье Н. Н. Волкова шла подготовка к празднику, которому не суждено было состояться. В этот день он был арестован по обвинению в антисоветской деятельности, которую якобы проводил в лагере, а также среди знакомых в Ленинграде в 1946—1947 гг. С 7 января 1948 г. Волкова уволили из института по ст. 47, пункт «Д» КЗОТ. Особым совещанием при МГБ СССР он летом 1948 г. был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

Н. Н. Волков отбывал срок в Вятлаге, на ст. Фосфоритная Пермской железной дороги. Умер он 7 марта 1953 г. в пос. Лесное Кировской обл. Реабилитирован в соответствии с заключением прокурора Ленинграда 31 августа 1989 г.

Неопубликованные работы Н. Н. Волкова хранятся в архиве МАЭ, образуя самостоятельный фонд № 13.

Михаил Константинович Кудрявцев родился 12 января 1911 г. (30 декабря 1910 г.) в Оренбурге в семье служащего⁶². После окончания в 1928 г. девятилетней школы он год работал маляром, счетоводом, после чего поступил в Ленинграде в топографический техникум. Закончив его в 1932 г., Кудрявцев получил распределение в трест «Дальстрой». Последующие 2 года как топограф он проработал в Якутии. В 1934 г. им принимается решение вернуться в город на Неве и стать студентом исторического факультета. Очевидно, такой поступок определялся двумя факторами: всегдашней любовью к истории и открытием исторических факультетов в 1934 г. В своем отзыве о студенте М. К. Кудрявцеве заведующий кафедрой новой истории исторического факультета ЛГУ М. С. Иванов отмечал: «Отличительным качеством Кудрявцева является его чрезвычайная добросовестность и трудолюбие, а также интерес к научной работе по истории Индии». В 1936—1938 гг. молодой историк параллельно со специализацией по истории изучал язык урду. В июне 1939 г. по окончании университета он был рекомендован в аспирантуру Института этнографии. С 1 сентября того же года Кудрявцев — аспирант ведущего этнографического центра страны, его научным руководителем утвержден один из крупнейших востоковедов, энциклопедист проф. Н. В. Кюнер. Под руководством научного сотрудника Института востоковедения АН СССР В. Е. Краснодембского он стал помимо урду изучать индийские языки хинди и маратхи.

За время учебы в аспирантуре Кудрявцев сдал экзамены по диалектическому и историческому материализму, французскому и английскому языкам, общей этнографии. Последний аспирантский экзамен он сдавал представительной комиссии в составе директора института проф. И. Н. Винникова (председатель), чл.-кор. АН СССР проф. Д. К. Зеленина, старшего научного сотрудника Д. А. Ольдерогге, и. о. ученого секретаря А. М. Кукулевича. Это происходило 27 июня 1941 г., на пятый день войны. Вывод комиссии был единодушный: «Кудрявцев обнаружил хорошее знание литературы, как общей, так и специальной. Общая оценка — отлично». Но этот успешно сданный экзамен по специальности, как оказалось, не открывал манящих перспектив скорейшей защиты диссертации. Война невольно подвела итог аспирантской подготовке М. К. Кудрявцева.

После мобилизации 1 июля 1941 г. он попал на Ленинградский фронт, где сначала был топографом, а с февраля 1942 г. — старшим топографом, командиром взвода, заместителем командира батареи, начальником штаба дивизиона на Волховском фронте. В декабре 1942 — августе 1944 г. он начальник топографической службы сперва на Волховском, а затем на 2-м Украинском фронте. В августе 1944 — сентябре 1945 г. Кудрявцев занимает должность начальника топографической службы корпуса последовательно на 2-м и на 1-м Украинском фронтах. С боями от знаменитых Синявинских болот под Ленинградом он прошел дорогами войны по территории нашей страны, побывал и за рубежом — в Румынии, Польше, Германии, Чехословакии. Михаил Константинович удостоен ордена Красной Звезды, медалей «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Как признавали позднее его друзья-однополчане, благодаря высоким профессиональным знаниям М. К. Кудрявцева воинские подразделения, которыми он командовал, успешно решали боевые задачи, выходя из труднейших, казалось бы, безвыходных ситуаций. Командование также высоко ценило Кудрявцева, вследствие чего ему сразу после окончания войны не удалось демобилизоваться: с сентября по декабрь 1945 г. по приказу командования он работал старшим преподавателем топографии на курсах усовершенствования офицеров во Львове.

Приказом по Ленинградской части Института этнографии АН СССР вер-

нувшийся из армии М. К. Кудрявцев был восстановлен в аспирантуре. Его научным руководителем теперь стал один из ведущих этнографов страны Д. А. Ольдерогге. После окончания аспирантуры в 1948 г. Кудрявцев занимает должность младшего научного сотрудника.

В первые послевоенные годы основные усилия сотрудников МАЭ были направлены на восстановление постоянно действующих музейных экспозиций. Перед М. К. Кудрявцевым была поставлена задача воссоздания экспозиции «Народы Южной Азии». И он с честью справился с ней. Экспозиция была открыта в 1949 г. О значительности проделанной Кудрявцевым работы свидетельствует тот факт, что за исключением небольших изменений она и поныне является одной из самых лучших в музее. Михаил Константинович стал одним из признанных музееведов в институте.

8 апреля 1952 г. на заседании ученого совета Института этнографии в Москве им была успешно защищена кандидатская диссертация «Происхождение мусульманского населения Северной Индии». Громадный труд вложил он как автор и один из фактических организаторов в создание фундаментального обобщающего исследования «Народы Южной Азии», вышедшего в 1963 г. в Москве в серии «Народы мира. Этнографические очерки». 22 февраля 1966 г. решением ученого совета Ленинградской части института он переводится на должность старшего научного сотрудника по специальности «Этнография Индии».

М. К. Кудрявцева как крупнейшего этнографа-индолога хорошо знали в Ленинграде: на восточном факультете ЛГУ он периодически читал спецкурсы по истории и этнографии Индии, состоял членом Специализированного совета по защите докторских диссертаций. Во Всесоюзном географическом обществе он активно работал в составе Восточной комиссии и печатался в ее издании «Страны и народы Востока». Вместе с Х. Я. Люстерник Кудрявцев длительное время руководил работой городского индологического семинара. Активный характер носили его связи с Институтом востоковедения АН СССР. Трижды — в 1957, 1964 и 1966 г. — побывал он в научных командировках в Индии, где завязал и в дальнейшем поддерживал плодотворные связи с индийскими учеными и научными центрами.

1 февраля 1972 г. в Москве в Институте этнографии АН СССР состоялась защита Кудрявцевым докторской диссертации на тему «Община и каста в Хиндустане». Он является автором двух солидных монографий и большого количества статей по различным проблемам этнографической индологии, хотя, несомненно, ведущей темой в его научном творчестве оставалось исследование проблем кастовой организации индийского общества, соотношения касты и общины, касты и этноса⁶³. Многие работы Кудрявцева на эти темы вызвали оживленный обмен мнениями между специалистами. Его взгляды по дискутировавшимся проблемам наиболее полно отражены в работе «Индийская кастовая община как социальная система», вышедшей в 1973 г.

М. К., как ласково за глаза называли его коллеги и друзья, умел дружить. До конца своих дней он поддерживал дружеские связи с топографами, с которыми судьба свела его в Якутии, с сокурсниками по университету и аспирантуре. Тесная дружба связывала Кудрявцева с африканистами Д. А. Ольдерогге и С. Р. Смирновым, кавказоведом Л. Б. Панек, синологами Г. А. Гловацким и Г. Г. Стратановичем и многими другими учеными и людьми, далекими от науки. Он увлекался охотой, и поэтому среди его друзей были охотники. Вместе с тем наибольшее внимание он уделял друзьям-однополчанам. Память о войне, о боевых товарищах прошла через всю его послевоенную жизнь. Трудно забыть рассказы М. К. Кудрявцева о сражениях на Синявинских болотах, о поездках туда в послевоенные годы и организации захоронения останков погибших воинов. Священны были для него встречи с сослуживцами в Ровно, куда он ездил почти каждый год, пока позволяло здоровье. В январе 1991 г. друзья и коллеги тепло отметили 80-летие Кудрявцева. Однополчане прислали ему магнитофонную пленку с сердечными

приветствиями. 4 марта 1992 г. М. К. Кудрявцева не стало. Прах его был захоронен на Шуваловском кладбище в Санкт-Петербурге.

Леонид Иванович Лавров родился 4 мая 1909 г. в ст-це Медведковской Кавказского отдела Кубанской обл.⁶⁴ Его предки вели происхождение от запорожских казаков, поселенных в 1792—1793 гг. после разгрома Запорожской сечи на Правобережье Кубани. Отец Лаврова был священником, мать домохозяйкой. Вскоре после рождения сына семья Лавровых переехала в ст-цу Пашковскую. Там Леня пошел в школу, но окончил ее в 1926 г. уже в Краснодаре. Мальчик рано увлекся краеведением, о чем свидетельствует его выступление в 1923 г. перед одноклассниками с докладом о прошлом родной станицы. Как позднее вспоминал Л. И. Лавров, в основу его сообщения были положены письменные материалы, извлеченные из местной рукописной «Летописи», хранившейся в Пашковской церкви, а также устные рассказы старожилов. После окончания школы Леонид поступает в Кубанский педагогический институт.

В 1928 г. он принимает решение переехать в Ленинград и поступить на этнографическое отделение географического факультета ЛГУ, которое в 1930 г. в связи с реорганизацией университета и выделением из него ряда отраслевых институтов оказалось включенным в состав Ленинградского историко-лингвистического института. Как этнограф Лавров собирает материал по быту народов Северного Кавказа, в том числе родной станицы, увлекается изучением народных верований. В 1930 г. он проходит практику в этнографическом отделе Русского музея, совершает поездку в Черноморскую Шапсугию. По материалам этой поездки он в 1936 г. опубликует свою первую научную работу. Публикация задержалась по весьма драматическим, чуть не ставшим трагическими обстоятельствам. В 1930 г. Л. И. Лаврова обвинили в сокрытии непролетарского происхождения, не обратив внимания на то, что сын станичного священника начиная с 1926 г. работал в качестве чернорабочего на Металлическом заводе, в Геологическом комитете, Главхлопкотресте и даже в джаз-капелле.

Ему пришлось покинуть институт. С 3 ноября 1930 г. по 30 октября 1931 г. он работал в Ленинграде преподавателем. 31 октября ушел в армию, где был курсантом 19-го Манычского кавалерийского полка 4-й Кавказской дивизии, а с 1933 г. был назначен на должность преподавателя военной географии в 1-й школе пограничной охраны в Петергофе, позднее — в Слуцке. Находясь на действительной воинской службе по 5 апреля 1936 г., Лавров в 1934 г. экстерном сдает экзамены и таким образом заканчивает Ленинградский историко-филологический институт (ЛИФЛИ). 12 мая 1935 г. он успешно защищает дипломную работу «Старые верования черкесов и религиозный синкретизм». Ему присваивается квалификация научного работника 2-го разряда по истории доклассового общества и преподавателя вуза, техникумов, рабфаков и старших классов средней школы. В 1936 г. по ходатайству Института этнографии Лавров был демобилизован и 5 апреля зачислен на работу в этот институт на должность научного сотрудника 1-го разряда.

В творческой судьбе Л. И. Лаврова большую роль в тот период сыграл выдающийся кавказовед А. Н. Генко, который с февраля 1936 г. стал работать в Институте этнографии АН СССР, где он организовал и возглавил Кабинет Кавказа. Его ближайшими коллегами стали Л. Б. Панек и Л. И. Лавров. Трагическая гибель репрессированного Н. М. Маторина, руководителя тематики по изучению народных верований и религиозного синкретизма, заставила Л. И. Лаврова отойти от этой тематики. Под влиянием А. Н. Генко он занялся изучением языков и этнографии народов Северного Кавказа. Именно в 1936 г. Лавров публикует свою первую научную работу, начинает читать спецкурс по этнографии в ЛИФЛИ.

13 апреля 1938 г. был арестован его наставник А. Н. Генко. Представляется, что под влиянием этого и других обстоятельств Л. И. Лавров в оставшиеся до начала войны годы сконцентрировался на изучении истории и этнографии абазин. Это подтверждается и его публикациями, печатавшимися в 1940—1941 гг. в газете «Красная Черкесия». В центральных научных журналах он не решается опублико-

ваться. В эти годы им были подготовлены к печати «История абазинского народа», «Карачаевцы в период XIV—XVIII вв.», «История Балкарии до 1917 г.», из которых только незначительная часть первого труда увидела свет. Руководство Института привлекает его как специалиста к работе над статьями по народам Северного Кавказа для готовившегося в те годы справочника «Народы СССР».

С освобождением А. Н. Генко в январе 1940 г. активизировалась работа Лаврова над диссертацией. 3 апреля 1940 г. он сдавал кандидатский экзамен по истории Северного Кавказа комиссии в составе акад. В. С. Струве (председатель), профессоров А. Н. Генко и Е. Г. Кагарова и ученого секретаря Н. И. Насекина. Решение комиссии было единодушным: «Л. И. Лавров показал весьма детально знание источников (как письменных, так и вещественных) и литературы предмета, что дает ему возможность самостоятельного решения вопросов истории Северного Кавказа, а также хорошее знание не только прошлого, но и настоящего народов Кавказа. Комиссия оценивает его знания как отличные»⁶⁵.

После вступления в ряды народного ополчения добровольца Л. И. Лаврова назначают командиром взвода 277-го артиллерийско-пулеметного батальона 2-го стрелкового полка 80-й стрелковой дивизии. В октябре 1941 г. он получил свое первое ранение. В конце 1941 — начале 1942 г. Л. И. Лавров заместитель командира минометной роты 219-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии. 24 января 1942 г. он был ранен вторично. Все это время Лавров воевал на различных участках Ленинградского фронта, в том числе на знаменитом ожесточенными боями Ораниенбаумском плацдарме, о чем позднее ярко написал в своих военных мемуарах⁶⁶. Командование направляет Лаврова на преподавательскую работу: в 1942—1943 гг. он преподаватель военной топографии Великоустюгского пехотного училища, в 1943—1945 гг. — старший преподаватель военной истории того же училища, в 1945—1946 гг. — старший преподаватель Петрозаводского пехотного училища. Как участник войны Л. И. Лавров был награжден орденом Красной Звезды (4 мая 1945 г.) и медалями «За оборону Ленинграда» (23 апреля 1943 г.) и «За победу на Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (6 ноября 1945 г.).

Можно предполагать, что, занимаясь в 1942—1946 гг. преподавательской деятельностью в военных училищах, Л. И. Лавров находил время и для подготовки своей кандидатской диссертации. Известно, что 21 ноября 1945 г. он сдал кандидатский минимум по диалектическому и историческому материализму в Карело-Финском государственном университете в Петрозаводске, а 3 июля 1946 г., приехав в Ленинград, сдал кандидатский минимум по немецкому языку на кафедре западноевропейских языков АН СССР. 2 августа 1946 г. Лавров в звании капитана увольняется в запас. Приказом за № 182 от 30 августа 1946 г. его зачислят на должность младшего научного сотрудника⁶⁷.

29 ноября 1946 г. под председательством старшего научного сотрудника Е. Э. Бломквист состоялось заседание группы Европы и Кавказа ленинградской части Института этнографии. Обсуждалась работа Л. И. Лаврова «История абазинского народа». В принятом группой постановлении отмечалось: «Считать обсуждаемую работу Л. И. Лаврова весьма ценной и интересной, вносящей яркий вклад в кавказоведение и вполне достойной для представления ее от группы Европы и Кавказа как диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук»⁶⁸. 13 декабря 1946 г. защита успешно прошла в Ленинграде в Институте востоковедения АН СССР. Оппонентами выступали проф. И. П. Петрушевский и Л. Б. Панек, высоко оценившие исследование Л. И. Лаврова. Нельзя не упомянуть, что в заседании ученого совета принимали участие академики В. В. Струве, А. П. Баранников, С. А. Козин, И. Ю. Крачковский, члены-корреспонденты АН СССР С. Е. Малов, А. А. Фрейман, П. В. Ернштедт, Н. В. Пигулевская, чл.-кор. АН УзбССР А. К. Боровков, т. е. цвет отечественного востоковедения.

В послевоенные годы Л. И. Лавров много работает, часто выезжает в этнографические экспедиции, регулярно принимает участие в научных конференциях

и симпозиумах и т. д. С 1951 г. он старший научный сотрудник. В центре его внимания этническая история и культура народов Северного Кавказа и Дагестана, а также абхазов. Лавров занимается вопросами кавказского земледелия, специфики рабовладения на Кавказе. Он выступает пионером рассмотрения вольных обществ, предпринимает успешные попытки реконструкции местного фольклора, синкретических верований как целостной системы, приступает к изучению истории советского периода отечественного кавказоведения и т. д. Активное участие принимал Л. И. Лавров и в издании таких коллективных обобщающих работ, как «Народы Дагестана» (1955 г.), первого и второго томов «Народы Кавказа» (1960 г.). Важное место в научном наследии ученого занимают его исследования по эпиграфике. В 1967 г. он успешно защитил в Институте этнографии докторскую диссертацию «Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XIX вв. как историко-этнографический источник»⁶⁹.

Л. И. Лавров — один из ведущих организаторов отечественного кавказоведения. С июля 1957 по август 1961 г. он заведовал, живя в Ленинграде, сектором Кавказа Института этнографии в Москве, в дальнейшем руководил группой Кавказа, Средней Азии и Казахстана ленинградской части института. В 60-е годы по его инициативе был создан и плодотворно работал при Кабинете Кавказа ленинградского отделения Института востоковедения городской семинар кавказоведов. С 1976 г. он стал проводить в ленинградской части Института этнографии Среднеазиатские (теперь Лавровские) чтения, объединившие научные силы кавказоведов страны. Его ученики ныне плодотворно работают в научных учреждениях Петербурга, Москвы, на Северном Кавказе и в Закавказье.

В последние годы жизни Л. И. Лавров немало сил отдавал военно-патриотической работе. Он был членом президиума Совета ветеранов Ораниенбаумского плацдарма и членом бюро Совета ветеранов Ленинградской армии народного ополчения. Не изгладятся из памяти его военные воспоминания — рассказы о боевых друзьях, о фронтовом братстве. Тот, кто слышал пение Л. И. Лаврова, не забудет исполнение им украинских и русских народных песен, а также песен фронтовых лет... У него было много самых разнообразных планов, но скоропостижная смерть 7 апреля 1982 г. не дала возможности им осуществиться. При жизни в дни юбилейных торжеств по случаю Дня Победы Л. И. Лавров неизменно получал поздравления от руководства Ломоносовского района и Совета ветеранов Ораниенбаумского плацдарма. 12 июля 1971 г. Ленинградский областной совет депутатов трудящихся наградил его почетной грамотой за военно-патриотическую работу. Но в захоронении капитана Лаврова на кладбище защитников Ломоносовского (Ораниенбаумского) плацдарма родственникам покойного было отказано. После кремации урна с прахом Л. И. Лаврова была захоронена на его родине в станице Пашковской. Эту миссию выполнила его супруга этнограф Наталия Николаевна Гревенс (1914—1993).

Приказом за № 122 от 7 июля 1941 г. по Институту в связи с мобилизацией в ряды РККА с 7 июля был уволен электромонтер *Юлий Николаевич Смиркович*⁷⁰. Он родился 28 апреля 1904 г. в Лодзи в русской семье, родители работали на ткацких фабриках. В Ленинграде он с 1924 г. Работал электромонтером с 1932 г. — в Торгсине, а после его ликвидации в 1934 г. — в ГАИМКе. С 19 апреля 1939 г. Смиркович — научно-технический сотрудник гальванопластической лаборатории отдела фольклора Института русской литературы. 8 сентября 1939 г. его призвали для переподготовки в РККА. После демобилизации из армии он работал электромонтером в Институте этнографии с 1 июня 1940 г. до 7 июля 1941 г., т. е. до призыва в действующую армию. Сведениями о дальнейшей судьбе Ю. Н. Смирковича я не располагаю.

Приказом по Институту этнографии за № 125 от 10 июля 1941 г. был отчислен из штата сотрудников аспирант *Сергей Руфович Смирнов*, ушедший на фронт добровольцем⁷¹. Он родился 15(28) октября 1909 г. в д. Бутурлиновка Бобровского уезда Воронежской губернии в семье земского врача. Мальчик рано лишился родителей и с 1918 г. воспитывался у тетки, тоже врача, в Торжке. Здесь он

закончил семилетку и поступил в педагогический техникум, но после окончания второго курса в 1928 г. уехал в Казахстан работать в сельской школе. Потом Смирнов по году учительствовал в сибирском крае и на Дальнем Востоке и в течение 3 лет — на Крайнем Севере. В 1924 г. он вступил в комсомол, однако через 6 лет выбыл из его рядов. Однажды Смирнов не снялся с учета при перемене места работы и по прошествии некоторого времени не смог восстановиться. В 1934 г. он поступил в открытый в Ленинградском историко-филологическо-лингвистическом институте (ЛИФЛИ) африканский сектор. С 1936 г. Смирнов занимается африканскими языками, читает лекции от областного совета Союза воинствующих безбожников.

В 1937 г. литературный и лингвистический факультеты ЛИФЛИ были преобразованы в филологический факультет, который включили в состав ЛГУ. Именно этот факультет и закончил в 1939 г. С. Р. Смирнов. Молодой дипломированный африканист с 1 сентября 1939 г. был зачислен в аспирантуру Института этнографии, его научным руководителем был утвержден Д. А. Ольдерогге, тогда кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. В первый год пребывания в аспирантуре Смирнов усиленно занимался языками, штудировал литературу по теме; ему предстояло подготовить диссертацию по этнографии южных банту. Для подготовляемого в те годы Институтом издания «Очерки по первобытнообщинному строю» Смирнову было поручено написать статью по этнографии одного из племен Конго. Он готовился к сдаче кандидатского экзамена по этнографии Африки.

Война прервала его научные занятия в аспирантуре; в июле он ушел в РККА добровольцем и участвовал в боях под Ленинградом. Приказом за № 218 от 24 ноября 1941 г. Смирнов был восстановлен в аспирантуре в связи с демобилизацией его из рядов Красной Армии. 22 ноября 1941 г. он приступил к исполнению своих обязанностей. В некрологах по случаю кончины С. Р. Смирнова в 1969 г. напишут, что он был отозван из армии для продолжения занятий в аспирантуре. Едва ли кто-нибудь из командования, принимая решение о демобилизации молодого ученого, задумывался над судьбами отечественной африканистики. Скорее всего это решение было связано с болезнью С. Р. Смирнова. В блокадном Ленинграде ему помогло выжить то, что он с 18 октября 1941 г. по 9 февраля 1942 г. работал вольнонаемным санитаром в одном из эвакогоспиталей Народного комиссариата обороны, где имелась возможность подкормиться чуть лучше, чем просто в положении аспиранта АН СССР.

9 февраля 1942 г. он был эвакуирован и откомандирован в Казань в распоряжение Управления кадров Президиума АН СССР для дальнейшей подготовки и использования по избранной им специальности. Потом был Ташкент, откуда Смирнов вернулся уже не в Ленинград, а в Москву. В январе 1946 г. он получил работу в Институте этнографии, где в декабре того же года защитил кандидатскую диссертацию «Восстание махдистов в Судане». Здесь же в 1968 г. состоялась его защита в качестве докторской диссертации монографии «История Судана (1821—1956 гг.)». В этом капитальном труде убедительно была раскрыта роль освободительного движения в укреплении национального самосознания. С. Р. Смирнов принимал деятельное участие в подготовке тома «Народы Африки» — первого из 18-томной фундаментальной серии «Народы мира». Его работы издавались также на немецком и английском языках. В 1959 г. он перешел в только что созданный Институт Африки, где возглавил сектор истории. Через 10 лет, 25 мая 1969 г., С. Р. Смирнова не стало. Остались его ученики, научные идеи, публикации⁷².

Из приказа № 129 от 15 июля 1941 г. по институту: «§ 2. В связи с уходом младшего научного сотрудника Кукулевича А. М. добровольцем в Красную Армию с 12 июля с. г. выдать ему 2-недельный аванс в счет зарплаты за июль 1941 г.»⁷³. Из приказа № 130 от 19 июля 1941 г. по институту: «§ 1. Уволить младшего научного сотрудника Кукулевича А. М. с 12 июля 1941 г. в связи с зачислением его в командный состав Добровольческой дивизии, согласно его просьбы»⁷⁴.

Анатолий Михайлович Кукулевич родился 28 февраля (13 марта) 1913 г. в

Санкт-Петербурге в семье служащего⁷⁵. В октябре 1930 г. он поступил после окончания средней школы в Ленинградский институт прикладной зоологии и фитопатологии. 1 мая 1935 г. Кукулевич, став дипломированным энтомологом, начал свою трудовую деятельность по специальности и закончил ее 1 сентября 1935 г. в должности карантинного инспектора областного здравуправления. Дело в том, что еще 1 сентября 1934 г. он поступил в экстернат Ленинградского историко-филолософско-лингвистического института, а в 1935 г., оставив работу, был зачислен в действительные студенты. Уже с третьего курса Кукулевич вел исследовательскую работу в области изучения литературы и фольклора, в частности готовил статью на тему «Современная волшебная сказка и эпос». Сам автор отзывался о своей деятельности так: «Работа ведется мною в плане стадийного изучения русского фольклора»⁷⁶. Он активно участвует в научной жизни, выступая с докладами по различной тематике.

В 1938 г. на студенческой научной сессии, посвященной акад. А. Н. Веселовскому, он прочитал доклад «Композиция „Илиады“ и „Одиссеи“ в свете композиции волшебных сказок (о так называемом „законе хронологической несовместимости“», а на заседании кафедры классической филологии — доклад «К вопросу о толковании некоторых терминов в „Поэтике Аристотеля“». 1 июля 1939 г. Кукулевич с отличием закончил филологический факультет ЛГУ по специальности литературовед-русист. По окончании университета А. М. Кукулевич был выдвинут кафедрой фольклора филологического факультета ЛГУ и профессорами И. И. Толстым, Г. М. Гуковским, М. К. Азадовским и В. Я. Проппом в аспирантуру. Он сдал на отлично все вступительные экзамены и был зачислен для продолжения учебы в аспирантуру ЛГУ с 1 сентября 1939 г. Однако вскоре его неожиданно призвали для прохождения воинской службы в РККА. С 27 февраля по 3 октября 1940 г. он рядовой 101-го Краснознаменного гаубичного артполка, откуда был уволен и снят с военного учета по состоянию здоровья.

9 октября 1940 г. в Ленинграде Кукулевич подает заявление директору Института русской литературы с просьбой зачислить его в аспирантуру. В связи с этим заведующий отделом фольклора этого института проф. М. К. Азадовский дал положительный отзыв о научной работе А. М. Кукулевича. Он, в частности, писал: «В его лице сочетаются и прекрасно подготовленный фольклорист, и историк литературы»⁷⁷. Для дополнительного заработка — у него была семья — он устроился лектором во Дворце пионеров. 11 марта 1941 г. его зачисляют в штат Института этнографии на должность младшего научного сотрудника с возложением на него обязанностей ответственного секретаря редакционно-издательской части института. Привлекали Кукулевича и к выполнению других поручений, в частности, одно время он исполнял обязанности ученого секретаря института. Вне института Кукулевич вел интенсивную преподавательскую деятельность. С 1 февраля 1941 г. он преподаватель русского фольклора на заочном секторе ЛГУ: читает 80-часовой курс и должен 1 раз в месяц (в первую пятницу) присутствовать на заседании кафедры фольклора ЛГУ. С 18 по 25 мая 1941 г. Кукулевич выезжал в Вологду для чтения лекций по фольклору в Вологодском педагогическом институте.

Несмотря на занятость научно-организационной и лекционно-преподавательской работой, он продолжает публиковаться в различных изданиях по разнообразной фольклорной и литературоведческой тематике⁷⁸. Неопубликованных работ его в архиве МАЭ нет, хотя сам он отмечал, что у него имеется пять печатных и рукописных работ. Можно предположить, что последние в самый канун войны были направлены им в редакции различных журналов. Судьба их неизвестна.

Хотя А. М. Кукулевич и был снят с военного учета, он добровольцем пошел в Красную Армию и сражался под Ленинградом⁷⁹. 27 января 1942 г. интендант 3-го ранга Кукулевич погиб в бою. Он похоронен в братской могиле на юго-западной окраине г. Колпино Ленинградской обл.⁸⁰

Согласно приказу по институту за № 142 от 8 августа 1941 г. с 9 августа уволен заведующий хозяйством Н. Е. Панов в связи с уходом в РККА по мобилизации.

Николай Ефимович Панов родился 6 декабря 1895 г. в д. Санники Торбельской волости Смоленской губернии в крестьянской семье⁸¹. Закончив пять классов сельской школы, он вынужден был уйти из семьи: в 1910 г. Николай уже трудился чернорабочим в Москве. В 1915—1917 гг. Панов служил в старой армии. В 1917—1920 и 1923—1926 гг. он работал на Юго-Западной железной дороге (перерыв был вызван призывом на службу в Красную Армию). В 1926—1937 гг. Н. Е. Панов — на хозяйственной работе в г. Виннице, в том числе в органах НКВД. В 1938 г. он переехал в Ленинград и работал в различных учреждениях города. С 26 мая 1941 г. его принимают в штат Института этнографии на должность заведующего хозяйством. С 9 августа 1941 г. Н. Е. Панов в связи с уходом в ряды РККА по мобилизации был уволен. Сведениями о дальнейшей судьбе я не располагаю.

23 августа 1941 г. старший научный сотрудник В. В. Гинзбург был уволен из института по сокращению штатов и сосредоточился на работе в Военно-медицинской академии. *Вульф Вениаминович Гинзбург* родился 4 марта 1904 г. в Курске в семье мелкого конторского служащего⁸². В 1921 г. он поступил в Киевский медицинский институт, но в 1923 г. был переведен в Ленинградский государственный институт медицинских знаний, который и закончил в июне 1926 г., получив квалификацию врача. Одновременно в 1924—1926 гг. Гинзбург работал воспитателем в детском доме в Ленинграде. Осенью 1926 г. его призвали на год в РККА. Последующие 4 года он на сверхсрочной службе в качестве врача при лазарете 22-го полка НКВД. Параллельно с 1929 г. В. В. Гинзбург начал преподавательскую деятельность на кафедре нормальной анатомии 1-го Ленинградского медицинского института сначала в качестве сверхштатного, а с 1931 г. — штатного ассистента. После демобилизации он поступил в аспирантуру АН СССР, где занимался под руководством Б. Н. Вишневого. В 1932 и 1933 гг. Гинзбург вел антропологические исследования в Таджикистане. В эти годы в полной мере проявились его разносторонние интересы как антрополога, анатома и даже этнографа.

25 июля 1935 г. Президиум АН СССР за работу «Материалы по антропологии таджиков» утвердил В. В. Гинзбурга в ученой степени кандидата антропологии. В 1937 г. она была издана в качестве монографии под названием «Горные таджики». В 1936/1937 учебном году он вел самостоятельный курс анатомии человека на биологическом факультете Педагогического института им. А. С. Бубнова. С 1937 г. Гинзбург начал работать на кафедре нормальной анатомии Военно-медицинской академии в качестве штатного преподавателя. 24 января 1938 г. Президиум АН СССР утвердил его в ученом звании старшего научного сотрудника. С 16 февраля 1938 г. он старший научный сотрудник, заведующий отделом антропологии МАЭ при Институте этнографии. Успешно продолжалась экспедиционная деятельность Гинзбурга: за период с 1932 по 1939 г. он принял участие или руководил шестью медико-антропологическими экспедициями в Таджикистан, Туркмению и Карелию. В 1938—1941 гг. им прочитан курс антропологии на кафедре этнографии филологического факультета ЛГУ. 23 ноября 1939 г. ВАК утвердил его в должности и звании доцента. В 1939—1941 гг. под руководством Гинзбурга в МАЭ проводится реэкспозиция отдела «Происхождение человека и развитие первобытного общества».

23 августа 1941 г. он был уволен из Института этнографии в связи с частичным сокращением объема работ и сосредоточился на преподавательской работе в Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова (в кадры Красной Армии его перевели еще в марте 1939 г.). С академией он был эвакуирован 14 ноября 1941 г. в Самарканд. В период пребывания здесь в 1942—1944 гг. В. В. Гинзбург много занимался научной и преподавательской деятельностью, практически работал в госпитале как патологоанатом, используя полученный материал как для обучения слушателей академии, так и в целях повышения квалификации врачей. С 1 октября 1944 г. он был зачислен по совместительству на должность старшего научного сотрудника заведующего отделом антропологии МАЭ. 11 декабря 1944 г. в ученом совете Военно-медицинской академии В. В. Гинзбург успешно защитил диссер-

тацию «Пути оттока лимфы из мышц нижней конечности» на соискание ученой степени доктора медицинских наук. 26 мая 1945 г. ВАК утвердил его в искомой ученой степени.

С 11 февраля 1951 г. по 1 апреля 1958 г. В. В. Гинзбург не работал в Институте этнографии в связи с запрещением работы по совместительству. С 1 апреля 1958 г. он возвращается в институт, где по совместительству работает на должности старшего научного сотрудника. В январе 1959 г. его назначают руководителем ленинградской группы сектора антропологии и руководителем антропологической и археологической части МАЭ. 4 сентября 1959 г. полковник медицинской службы В. В. Гинзбург был уволен в запас и полностью сосредоточился на работе в Институте этнографии. Имя ученого-антрополога В. В. Гинзбурга связано прежде всего с изучением коренных проблем антропологии древнего и современного населения Средней Азии и Казахстана, а также Кубы. Значителен его вклад в область анатомии. Признанием заслуг Гинзбурга в этой области было утверждение его в 1949 г. в звании профессора по кафедре нормальной анатомии и избрание членом президиума Всесоюзного общества анатомов, гистологов и эмбриологов. Он автор свыше 150 научных работ⁸³.

В. В. Гинзбург был удостоен ряда правительственных наград: орденов Красной Звезды (1950 г.) и Красного Знамени (1954 г.) и медалей «За победу над Германией в 1941—1945 гг.» (1945 г.) и «За оборону Ленинграда» (1946 г.). В 1940 г. вступает в партию. Умер В. В. Гинзбург 21 февраля 1969 г. в г. Ленинграде и похоронен на мостках Военно-медицинской академии Богословского кладбища.

Из приказа за № 181 от 22 сентября 1941 г. по Институту этнографии: «§ 1. И. о. ученого секретаря института Насекин Н. И. зачислен в Красную Армию с 16 сентября 1941 г. с сохранением должности и получаемого оклада. § 2. Младший научный сотрудник Кондауров А. Н. зачислен в Красную Армию с 21 сентября 1941 г. с сохранением должности и получаемого оклада»⁸⁴.

Николай Ильич Насекин родился 4 апреля 1898 г. в Москве в рабочей семье⁸⁵. После окончания Торговой школы Московского биржевого комитета в 1914 г. он работал и одновременно учился на юридическом факультете университета им. Шанявского. В январе 1917 г. его призывают на военную службу. В октябре 1919 г. Насекин вступил в ряды РКП(б) и стал заниматься политработой. В рядах РККА он пребывал до августа 1938 г. В 1931—1934 гг. Н. И. Насекин обучался в Ленинграде на экономическом факультете Института красной профессуры, одновременно преподавал политэкономия в Военно-политической академии. В августе 1938 г. после увольнения из армии в запас по состоянию здоровья он получил путевку на работу в Институт этнографии. С 10 ноября 1938 г. он помощник, а с 15 января 1939 г.—исполняющий обязанности ученого секретаря института.

Война застала Н. И. Насекина в отпуске. Прервав его, он вернулся в Ленинград. С 22 июля 1941 г. в составе группы сотрудников Института Николай Ильич находился на выполнении трудовой повинности согласно наряду Василеостровского райсовета. События в те дни в Ленинграде разворачивались быстро, резко изменяя судьбы людей. После работы на оборонительных сооружениях по приказу дирекции Насекин с 15 сентября 1941 г. был переведен на казарменное положение, а уже буквально со следующего дня он был призван в ряды действующей армии. Однако институт отчислил его с сохранением должности и получаемого оклада. Очевидно, надеялись на скорое возвращение. Только приказом по институту от 21 мая 1942 г. ученый секретарь Н. И. Насекин с 1 апреля того же года был отчислен из штата как находящийся в рядах Красной Армии.

Александр Николаевич Кондауров был призван в Красную Армию с 21 сентября 1941 г., но вскоре возвращен в институт: по состоянию здоровья он не мог служить в войсках. А. Н. Кондауров умер в блокадном Ленинграде 17 февраля 1942 г.⁸⁶

В связи с призывом в ряды РККА приказом № 184 от 26 сентября 1941 г. был уволен старший кочегар А. Шакуров. *Ади Шакуров* родился в 1902 г. в д. Череево Анастасовского уезда Казанской губернии в крестьянской семье⁸⁷ ~~в семье~~ пять

классов татарской школы, он то уезжал на работу в Москву и Ташкент, то возвращался крестьянствовать в родную деревню. В 1932 г. Шакуров переехал в Ленинград к брату, работал землекопом, грузчиком, с 9 декабря 1937 г. он кочегар, а с 1 августа следующего года — старший кочегар Института этнографии. Здесь же работала его жена Г. Шакурова. К моменту поступления на работу в институт его трудовой стаж насчитывал 13 лет и 3 года службы в РККА. С сентября 1939 г. по июль 1940 г. он опять в рядах РККА. Василеостровский райвоенкомат Санкт-Петербурга подтверждает только сам факт его последнего призыва 26 сентября 1941 г. Сведений о дальнейшей судьбе Шакурова нет, хотя его имя значится на институтской доске памяти среди погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Приказом № 227 от 10 декабря 1941 г. был отчислен научно-технический сотрудник А. Ф. Симонов ввиду его мобилизации в РККА. *Александр Федорович Симонов* родился в 1899 г. в Ярославской губернии в бедной крестьянской семье, которая смогла дать ему лишь начальное образование в сельской школе⁸⁸. Известно только, что в Институт этнографии его зачислили 13 февраля 1940 г. на должность столяра, а с 1 мая 1941 г. он был переведен в научно-технические сотрудники. С начала войны Симонова отправляют на оборонные и трудовые работы. После ухода его на службу в Красную Армию 11 декабря 1941 г. данными о его судьбе я не располагаю. Согласно сведениям, полученным 25 января 1995 г. в Куйбышевском райвоенкомате Санкт-Петербурга и Куйбышевском отделении «Книги памяти», А. Ф. Симонов 4 марта 1944 г. пропал без вести.

Последним в действующую армию в 1941 г. был призван дворник К. Н. Шакуров (приказ № 229 от 16 декабря 1941 г.). *Кабир Назирович Шакуров* родился в 1898 г. в д. Череево Анастасовского уезда Казанской губернии в татарской семье⁸⁹. В 1925 г. он приехал в Ленинград и устроился землекопом на Мурманской железной дороге. С 18 августа 1926 г. Шакуров — дворник при главном здании Академии наук. Более спокойной ему показалась та же должность при Институте этнографии, куда он перевелся с 1 марта 1934 г. Приказом № 229 от 16 декабря 1941 г. он был уволен с 17 декабря в связи с его призывом в ряды Красной Армии. Сражался под Ленинградом, в боях с врагами был тяжело ранен. 18 января 1942 г. К. Н. Шакуров умер в госпитале от полученных ранений⁹⁰.

Вскоре после начала войны вступил в народное ополчение студент ЛГУ и по совместительству экскурсовод МАЭ *Анатолий Иванович Собченко*⁹¹. Он родился 28 июля (10 августа) 1912 г. в Санкт-Петербурге в семье наборщика. В 1918 г. вместе с семьей Анатолий оказался в Омске, где окончил в 1926 г. шесть классов, но вынужден был бросить учебу. В 1927 г. он поступил в школу ФЗУ, по окончании которой в 1930 г. получил квалификацию столяра. В том же году Собченко начал свой рабочий путь на строительстве на ст. Вавилово, на Урале, а спустя 3 года уехал оттуда в Ленинград, где в 1933 г. устроился по своей специальности на авторемонтный завод и одновременно продолжил учебу в вечерней школе. С октября 1936 по июль 1937 г. он на физкультурной работе в добровольном спортивном обществе «Буревестник». Отслужив год в армии, в сентябре 1938 г. Собченко поступает на рабфак Института советской торговли, а в октябре 1939 г. — на индо-тибетское отделение филологического факультета ЛГУ. Учебу в университете он успешно совмещает с работой экскурсоводом в МАЭ по отделах Индии, Китая и Японии.

После вступления в народное ополчение А. И. Собченко вскоре направляют на фронт, в 1-й стрелковый полк, но в районе совхоза «Муравейный» он попадает в окружение, из которого ему удается вырваться. Попав второй раз в окружение в районе ст. Мошенское Новгородской обл., он был ранен в ногу, в живот и в руку. 29 августа 1941 г. раненый Собченко оказался в плену у немцев, где находился до 10 апреля 1945 г. Его помещают в различные концлагеря: Луга, Режица, Двинск, Ховельхоф, Хеммер, Эссен. Несколько раз Анатолий Иванович пытался бежать, но неудачно: каждый раз его возвращали и наказывали. Наконец, четвертая попытка в марте 1945 г. увенчалась успехом: побег был совершен во время

эвакуации. Собченко скрывался в Эссене до прихода американцев. Летом 1945 г. он был репатрирован в Штеттин в советскую оккупационную зону. Здесь он снова стал солдатом Красной Армии.

В октябре 1945 г. А. И. Собченко демобилизовался, вернулся в Ленинград и восстановился на индо-тибетском отделении воссозданного восточного факультета ЛГУ. Заведующий кафедрой индийской филологии акад. А. П. Баранников так отзывался о своем ученике: «Специальный интерес Собченко проявил к индийской этнографии. Он много работал в этой области. Его дипломная работа посвящена индийскому театру и рассматривает преимущественно народные формы индийского театрального искусства». После окончания в 1949 г. университета он начинает работать в отделе Индии Института этнографии, участвует в создании экспозиций отделов Индии и Индонезии. Молодого специалиста привлекают для написания статьи о гуджаратцах для тома «Народы Южной Азии» из серии «Народы мира».

Вскоре ему отказывают в работе по индийской этнографии и его соглашается взять в руководимый им отдел Африки Д. А. Ольдерогге. Пришлось полностью переквалифицироваться: из индолога Собченко предстояло стать африканистом. Он с честью и достоинством прошел этот тернистый путь. С 27 сентября 1951 г. Собченко — младший научный сотрудник, в 1957—1961 гг. — ученый секретарь ленинградской части Института этнографии, 12 марта 1963 г. им защищена в Москве в Институте этнографии диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Этнический состав Конго». С 9 марта 1966 г. он старший научный сотрудник отдела Африки, много и успешно работает над изучением музейных коллекций по Африке, хранящихся в МАЭ, а также подготавливает ряд работ, посвященных исследованию этнического состава молодых африканских государств. А. И. Собченко автор около 70 научных работ⁹². Он активно сотрудничал в создании справочных изданий: для БСЭ им написано около 50 и для энциклопедического словаря «Африка» — свыше 30 статей. С 1954 г. на кафедре африканистики восточного факультета ЛГУ Собченко читал курс лекций по истории материальной культуры, а также отдельные этнографические спецкурсы на историческом и философском факультетах, факультете психологии. В мае — июне 1967 г. им был прочитан курс «Основы этнографии» на гуманитарном факультете Новосибирского университета, за что получена благодарность декана факультета акад. А. П. Окладникова. А. И. Собченко был активным членом общества «Знание», по заданию которого часто выступал с лекциями о международном положении, о ситуации в Африке.

16 марта 1973 г. А. И. Собченко по состоянию здоровья вышел на пенсию. Умер 14 декабря 1983 г., и прах его покоится в колумбарии Ленинградского крематория.

Других здоровых и подлежащих по возрасту призыву в армию мужчин среди сотрудников Института этнографии АН СССР уже не было.

В 1942 г. была мобилизована для работы в строительной колонне старший рабочий *Галина Александровна Каморина*⁹³. Она родилась в 1912 г. в Ярославской губернии. Ее биография до 1940 г. известна плохо. С 4 октября 1940 г. по 26 июля 1941 г. она работала в артели «Объединенный швейник», но была уволена в связи с сокращением штатов. Привлекалась к строительству оборонительных сооружений в окрестностях города. С 18 марта 1942 г. Галина Александровна была зачислена на должность вахтера в Институте этнографии, а с 16 апреля переведена в рабочие и отправлена на трудовые работы на ст. Пери. С 22 октября 1942 г. приказом по институту за № 108 она была освобождена от исполнения обязанностей старшего рабочего в связи с мобилизацией и зачислением ее в строительную колонну Василеостровского райвоенкомата Ленинграда. Явиться для прохождения службы Каморина должна была на ст. Пери. Известно, что она однажды приходила в институт и просила, чтобы дирекция ходатайствовала о ее возвращении на прежнюю работу. 28 декабря 1943 г. институт просил майора Беляева (полевая почта 33 522 «А») в связи с подготовкой к восстановлению деятельности института и музея при нем откомандировать обратно в распоряжение

института научно-технического сотрудника Каморину Г. А., но ответа не последовало. Василеостровский военкомат не располагает сведениями о судьбе Г. А. Камориной.

В июле 1941 г. Василеостровский районный комитет Красного Креста выдал дружиннице Е. К. Ивановой удостоверение о том, что она с 5 по 18 июля 1941 г. находилась в добровольной дивизии Василеостровского района г. Ленинграда. *Елена Константиновна Иванова* родилась в августе 1915 г. в Новосибирске в семье служащего⁹⁴. В 1930 г. она поступила в Новосибирский педагогический техникум на библиотечное отделение, которое и закончила в 1933 г. Еще в 1932 г. Иванова вступила в комсомол. В 1935 г. она уехала в Ленинград и поступила там на первый курс филологического факультета ЛГУ. Во время учебы в университете ей пришлось пережить тяжелое испытание и после мучительных переживаний принять требуемое решение. Кому-то стало известно, что она переписывается с матерью, живущей в Германии. Дело в том, что еще в 1925 г. умер ее отец, и мать вскоре вышла замуж за бывшего немецкого военнопленного, работавшего переводчиком в краевой немецкой газете «Landmann». В 1930 г. она уехала с мужем на его родину, где устроилась работать швеей. В 1937 г. за переписку с матерью Елену исключили из комсомола. Сложившиеся обстоятельства заставили ее отказаться от дальнейшей переписки с матерью. В 1939 г. она была восстановлена в рядах ВЛКСМ.

Все экзамены Иванова сдавала только на отлично, в ее зачетной ведомости значится только одна оценка «хорошо» — по военной подготовке. 29 июня 1940 г. она получила диплом с отличием по специальности «индийские языки и литературы». Решением Государственной экзаменационной комиссии ей была присвоена квалификация «филолог-индолог». Заведующий кафедрой акад. А. П. Баранников, рекомендуя ее в аспирантуру, писал: «За весь период университетской учебы Е. К. Иванова выделялась из всего состава группы индологов своей дисциплинированностью и большими способностями, и широтой научных интересов, и большими способностями к научной работе... Из нее при наличии надлежащих условий может выработаться ценный научный работник».

С 1938 г. Е. К. Иванова водила экскурсии по МАЭ, приобщаясь таким образом к этнографии. Любовь в этой науке привела ее в Институт этнографии, где она с 1 сентября 1940 г. была зачислена в аспирантуру по специальности «этнография Индии», научным руководителем ее стал акад. А. П. Баранников. У него же Иванова продолжала заниматься санскритом, у В. М. Бескровного — хиндустани, в 1940/1941 учебном году на кафедре этнографии ЛГУ прослушала курс общей этнографии у проф. И. Н. Винникова. Е. К. Иванова целеустремленно и много работала, что позволило ей за период с 1 сентября 1940 г. по 31 августа 1941 г. сдать все экзамены по кандидатскому минимуму на отлично. С началом войны она работала на оборонных работах, была сандружинницей. В связи с эвакуацией научного руководителя она попросила дирекцию института отчислить ее из аспирантуры. Дальнейшая ее судьба после 31 августа 1941 г. неизвестна. Нет о ней сведений и в Василеостровском райвоенкомате.

Итак, 9 мая 1945 г. победоносно завершилась самая кровопролитная в мировой истории война на Западе. Некоторым воинам суждено было еще принять участие в кратковременной войне на Востоке — она закончилась 2 сентября 1945 г. Убитые остались на полях сражений. Не всегда известно, кто, где и когда сложил голову. Мы не знаем, сохранились ли их имена на табличках братских могил. Пропавшие без вести за последние 50 лет не дали о себе знать. И теперь ясно, что и в дальнейшем они не объявятся. Живые вернулись в родной институт и музей, продолжили свой труд на поприще науки, и каждый из них в меру возможностей проявил себя.

После Победы поредевшие ряды сотрудников ленинградской части Института этнографии в разные годы пополнили бывшие воины Великой Отечественной войны. Это научные сотрудники В. П. Якимов, Ю. В. Кнорозов, К. Д. Лаушкин, В. Р. Кабо, Л. М. Сабурова, О. С. Томановская, Э. Е. Фрадкин, Р. А. Ксенофонтова,

Л. Л. Викторова, К. В. Чистов, О. Л. Вильчевский, Н. В. Новиков, административно-технические сотрудники В. Д. Карпихин, А. В. Маторин, И. В. Скресанов, М. Г. Слесарев, А. П. Смирнов, М. М. Крюкова, Н. М. Федоров, М. П. Гробовский и др. Немало бывших фронтовиков, выживших в крошечном аду войны, пришли и в организованную по решению Президиума АН СССР от 21 декабря 1942 г. московскую группу, затем — отделение института. Среди них: С. П. Толстов, С. И. Брук, В. И. Кочнев, В. И. Козлов, Я. Р. Винников, Б. А. Калоев, Г. И. Анохин, Б. В. Андрианов, Ю. В. Бромлей... Все они отдавали свои силы на разгром фашизма, нацизма в годы войны, а в мирные дни стали самоотверженно трудиться, не заботясь о выгоде, работали честно, на совесть, поддерживая всю оставшуюся жизнь воинское братство. Может быть, не очень задумывались над причинами трудностей послевоенной жизни. А трудностей им и в этот период пришлось пережить, преодолеть немало.

Со времени окончания Великой Отечественной войны прошло уже полвека. Историками немало написано об этом историческом событии. Не мне судить об этой литературе, но нельзя не отметить, что почти вся она создавалась, что называется, на потребу дня. Выпячивались сначала одни личности и события, затем другие. Порой создается впечатление, что главным для политиков и историков является определение роли той или иной исторической личности, благодаря которой была выиграна война. Назывались имена И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, Г. К. Жукова...

Хочется верить, что военная история тоже станет наукой, будут освоены и объективно оценены архивные документы и материалы, а также писавшиеся в разное время мемуары... Подлинная история этой воистину великой всенародной войны должна быть в конце концов написана.

Всю тяжесть войны вынесли на своих плечах простые советские люди, воевавшие на фронтах и трудившиеся в тылу. Они сообща добывали Победу. Одну на всех: за ценой не стояли.

Сейчас повсеместно создаются «Книги памяти», в которых будут названы имена погибших и пропавших без вести. В Санкт-Петербурге издан первый том этой большой и очень нужной книги... Никто не забыт. Ничто не забыто...

Эта статья — дань памяти воинам, сотрудникам Института этнографии АН СССР⁹⁵.

Примечания

⁴² О Н. Б. Шнакенбурге см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 376, 422, 426. Л. 106. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 40. Оп. 1. (1942). Д. 32. Л. 16.

⁴³ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 376. Л. 23.

⁴⁴ Там же. Л. 14.

⁴⁵ Там же. Л. 12.

⁴⁶ Шнакенбург Н. Б. Пути сообщения Чукотского полуострова // *Arctica*. Кн. 3. Л., 1935. С. 163—197; его же. Нымыланы-кэрэки // *Сов. Север*. 1939. № 3. С. 96—116; Меновщиков Г. А. (с использованием материалов Н. Б. Шнакенбурга). Эскимосы // *Народы Сибири*. М., Л., 1956. С. 934—949; Антропова В. В. Коряки // *Народы Сибири*. С. 950—977 (в основу описания дореволюционного быта положена статья С. Н. Стебницкого и Н. Б. Шнакенбурга).

⁴⁷ Эту версию приводит и В. Н. Вологодина. См.: *Вологодина В. Н. Из истории Кунсткамеры: музейные работники в годы войны и блокады* // *Кунсткамера. Этнографические тетради*. Вып. 4. СПб., 1994. С. 182.

⁴⁸ Лавров Л. И. Из записок ополченца // *Ораниенбаумский плацдарм*. Л., 1971. С. 63.

⁴⁹ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Ф. 1109. Д. 675. Л. 5.

⁵⁰ В личном деле Н. Б. Шнакенбурга мною обнаружено письмо такого содержания: «15 июля 1941 г. Командиру 2-го батальона В. О. добровольческой дивизии.

По распоряжению директора института при сем препровождается на Ваше рассмотрение письмо добровольца 6-й роты вверенного Вам батальона Н. Б. Шнакенбурга. И. о. ученого секретаря (Н. И. Насекин)». См. ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 476. Л. 1. Трудно точно предположить, что содержалось в письме Н. Б. Шнакенбурга своим коллегам в институт, но возникает вопрос, о чем сигнализировал директор института И. Н. Винников командирам своего бывшего сотрудника.

⁵¹ О Д. Н. Льве см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 40. Оп. 1 (1942). Д. 32. Л. 17. Оп. 5. Д. 138,

308, 426. Л. 53; *Борисковский П. И., Окладников А. П. Д. Н. Лев (некролог)*//Сов. археология. 1970. № 3. С. 298—299.

⁵² *Лев Д. Н.* К вопросу о происхождении древнейших кремневых шахт//Сов. этнография. 1934. № 1—2. С. 123—127; *его же.* К истории горного дела//Тр. Ин-та этнографии. Т. 1. Вып. 2. Л., 1934; *его же.* Новые археологические памятники Камчатки//Сов. этнография. 1935. № 4—5. С. 217—224; *его же.* Отдел археологии. Подробный путеводитель. Л., 1936; *его же.* К истории первобытного обмена//Тр. Ин-та этнографии. Т. 4. Л., 1936. С. 475—504; *его же.* Новые пещерные стоянки эпохи палеолита в Узбекистане//Сов. этнография. 1949. № 1. С. 200—202.

⁵³ *О Ф. Б. Шапиро* см.: ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2896; Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 21. Л. 4, 5, 56; 44. Л. 40; Ф. 349. Оп. 3. Д. 551; Архив ИИМК. Ф. 312. Оп. 3. Д. 352, 421.

⁵⁴ *О Г. Н. Прокофьеве* см.: *Решетов А. М.* Отдание долга//Этнограф. обозрение. 1995. № 2. С. 46—48.

⁵⁵ *О А. Н. Нечаеве* см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 40; Оп. 5. Д. 321; 426. Л. 61; *Мезинов Л.* Три дороги Александра Нечаева (к 75-летию со дня рождения)//Детская литература. 1977. № 3. С. 25—26; *Голубева Г. В. А. Н. Нечаев*//Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. М., 1978. стб. 559; *А. Н. Нечаеву — 80 лет*//Литературная газета. 12 марта 1982. С. 6.

⁵⁶ *Нечаев А. Н.* Сказки Карельского Беломорья. Т. 1. Л., 1939; *его же* (совм. с Н. Рыбаковой). О некоторых проблемах фольклористики (по поводу статьи В. С. Бахтина)//Сов. этнография. 1953. № 3. С. 134—141; Русские народные сказки (в пересказах А. Нечаева). М., 1953; Русские народные сказки (сост., подготовка текста и предисловие А. Нечаева и Н. Рыбаковой). М., 1959; Иван Меньшой — разум большой. Рассказал А. Нечаев. М., 1959; Былины (изложение, обработка и вступит. статья А. Н. Нечаева). Киев, 1978; Русские народные сказки. Пересказал А. Нечаев. Киев, 1982. Чудесные люди: былины и сказки (в пересказе и обработке А. Нечаева). М., 1983. Былины: русские эпические песни-сказания (пересказ и предисловие А. Нечаева). Саратов, 1994.

⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 40.

⁵⁸ *О Н. Н. Волкове* см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 249. Справки Управления Министерства безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 12 июля 1991 г., от 8 октября 1991 г., от 23 июня 1993 г. (хранятся в архиве автора); Записи бесед с сестрой Н. Н. Волкова Серафимой Николаевной Волковой от 14 ноября 1994 г. и 15 января 1995 г., с его приемной дочерью Галиной Георгиевной Абрамовой от 14 ноября 1994 г. и 16 января 1995 г. (хранятся в архиве автора); *Решетов А. М.* Репрессированная этнография: люди и судьбы//Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 5—6. СПб., 1994. С. 353—355.

⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 249. Л. 32.

⁶⁰ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 249. Л. 127.

⁶¹ Список работ Н. Н. Волкова невелик. См.: *Волков Н. Н.* Секты скопцов. Л., 1930; изд. 2-е. Л., 1931; *его же.* (рец.) Золотарев А., Левин М. Саами (лопары) (Сов. краеведение. 1936. № 5. С. 62—67)//Сов. этнография. 1936. № 3. С. 136—137; *его же.* Скопчество и стерилизация. (Исторический очерк). М.; Л., 1937; *его же.* Конференция по изучению финно-угорской филологии (Секция истории и этнографии)//Сов. этнография. 1947. № 2. С. 219—221.

⁶² *О М. К. Кудрявцеве* см.: Архив МАЭ. Личное дело. Ф. 35; ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1945). Д. 21. Л. 23, 33; *Успенская Е. Н.* Юбилей Михаила Константиновича Кудрявцева//Восток. 1991. № 3. С. 205; *Решетов А. М.* Михаил Константинович Кудрявцев (1911—1992)//Этнограф. обозрение. 1992. № 6. С. 152—155.

⁶³ *Кудрявцев М. К.* Новая экспозиция по культуре и быту народов Индии//Сов. этнография. 1950. № 3. С. 186—191; *его же.* Неприкасаемые//Там же. 1951. № 2. С. 140—159; *его же.* Основные этнические группы Западного Пакистана//Там же. 1952. № 2. С. 98—113; *его же.* Фрагмент дворца из города Насик (Индия)//Сб. МАЭ. Т. 14. М.; Л., 1953. С. 140—146; *его же.* Индия в XV веке//Афанасий Никитин. Хождение за три моря. М., 1958. С. 143—160; *его же.* Индия. Краткий путеводитель по экспозиции. М.; Л., 1964; *его же.* Община и каста в Хиндустане (из жизни индийской деревни). М., 1971; *его же.* О положении племен в Индии (в связи с научным семинаром в Симле)//Страны и народы Востока. Вып. 19. М., 1977. С. 206—215; *его же.* Кастовая община (специфика сельской общины в Индии)//Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII в. включительно). Ч. 1. Минск, 1978. С. 137—144; *его же.* Кастовая система в Индии. М., 1992; Список основных работ М. К. Кудрявцева//Сов. этнография. 1984. № 4. С. 166—167; Восток. 1991. № 3. С. 206. В Архиве МАЭ имеется фонд М. К. Кудрявцева (Ф. 35).

⁶⁴ *О Л. И. Лаврове* см.: Архив МАЭ. Личное дело. Ф. Л. И. Лаврова (Ф. 25); ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Оп. 1 (1945). Д. 21. Л. 4; Архив СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 353; *Гарданов В. К.* Леонид Иванович Лавров (некролог)//Сов. этнография. 1983. № 1. С. 169—172; Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992.

⁶⁵ Архив СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 353. Л. 11.

⁶⁶ *Лавров Л. И.* Из записок ополченца//Ораниенбаумский плацдарм. Л., 1971. С. 53—66.

⁶⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1945). Д. 21. Л. 4.

⁶⁸ Архив СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 353. Л. 33.

⁶⁹ *Лавров Л. И.* Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г. (этнографо-исторические заметки)//Сов. этнография. 1936. № 4—5. С. 123—134; *его же.* Из поездки в Балкарию//Сов. этнография. 1939. № 2. С. 175—181; *его же.* Формы жилища у народов Северо-Западного Кавказа до XVIII в.//Сов. этнография. 1951. № 4. С. 42—56; *его же.* Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в.//Материалы по истории земледелия СССР. Т. 1. М., 1952. С. 179—225; *его же.* Советская культура и быт лаков//Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952.

С. 39—52; *его же*. Рутульцы // Сов. этнография. 1953. № 4. С. 30—40; *его же*. Абазины (историко-этнографический очерк) // Кавказский этнограф. сб. 1955. Вып. 1. С. 5—47; *его же*. Адыги в раннем средневековье // Сб. статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. № 4. С. 19—64; *его же*. Абазины // Народы Карачаево-Черкесии (историко-этнографические очерки) // Ставрополь, 1957. С. 81—118; *его же*. Археологические разведки в верховьях р. Самур // Матер. по археологии Адыгеи. Майкоп, 1959. № 1. С. 175—181; *его же*. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Тр. Ин-та этнографии (новая серия). Т. 1. М., 1959. С. 193—236; *его же*. Рутульцы в прошлом и настоящем // Кавказский этнограф. сб. 1962. Вып. 3. С. 110—157; *его же*. Изменения в культуре и быте адыгейцев за годы Советской власти // Сов. этнография. 1962. № 4. С. 16—22; *его же*. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X—XVIII вв. М., 1966; Ч. 2. Надписи XVIII—XX вв. М., 1968; *его же*. Этнографический очерк убыхов // Уч. зап. Адыгейского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории. Майкоп, 1968. № 8. С. 5—24; *его же*. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнограф. сб. 1969. Вып. 4. С. 55—119; *его же*. Памяти А. Н. Генко // Там же. 1972. Вып. 5. С. 218—222; *его же*. Советский опыт языкового строительства и некоторые итоги структурного развития языков // Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 284—290; *его же*. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 6—8; *его же*. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978; *его же*. К истории северокавказского фольклора (до XIX в.) // Сов. этнография. 1979. № 1. С. 29—41; *его же*. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 3. Надписи в X—XX вв. Новые находки. М., 1980; *его же*. Кавказский отдел МАЭ и Кавказский сектор Института этнографии АН СССР // Сб. МАЭ. 1980. Т. 35. С. 22—26; *его же*. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924—1978 гг.). Л., 1982. Список научных работ Л. И. Лаврова см.: Сов. этнография. 1979. № 3. С. 187—189; Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Август, 1979. Л., 1979. С. 16—23.

⁷⁰ О Ю. Н. Смирковиче см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 41. Оп. 5. Д. 353; 389; 426. Л. 89.

⁷¹ О С. Р. Смирнове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 42, 73. Оп. 1 (1942). Д. 28. Л. 24. Оп. 1 (1945). Д. 23. Л. 7. Оп. 5. Д. 354; Сергей Руфович Смирнов (1909—1969) // Народы Азии и Африки. 1969. № 4. С. 245—246; Сергей Руфович Смирнов. Некролог. Список основных трудов // Сов. этнография. 1969. № 5. С. 187—189; Милибанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 515—516.

⁷² Смирнов С. Р. Английская политика косвенного управления в юго-восточной Нигерии // Сов. этнография. 1950. № 3. С. 137—153; *его же*. Восстание махдистов в Судане // Тр. Ин-та этнографии. Т. 6. М., 1950; *его же*. Египет. Восточный Судан // Народы Африки. М., 1954. С. 178—258; *его же*. Образование и пути развития северосуданской народности // Африканский этнограф. сб. 1. Тр. Ин-та этнографии. Т. 34. М., 1956. С. 7—68; *его же*. Поездка в Республику Судан // Сов. этнография. 1958. № 6. С. 112—120; *его же*. Роль государства махдистов в становлении северосуданской нации. М., 1960; *его же*. Сущность косвенного управления (на примере Судана). М., 1963; *его же*. История Судана (1821—1965). М., 1968.

⁷³ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 43.

⁷⁴ Там же. Л. 44.

⁷⁵ О А. М. Кукулевиче см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 302; 401; 426; Л. 51. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 44. Ф. 150. Оп. 2. Д. 715.

⁷⁶ Там же. Ф. 142. Оп. 5. Д. 302. Л. 23.

⁷⁷ Там же. Ф. 150. Оп. 2. Д. 715. Л. 7—8.

⁷⁸ Кукулевич А. М. (совм. с Л. М. Лотман). Источники баллады Пушкина «Жених» // Студенческие зап. филологического факультета ЛГУ. Спец. номер статей и материалов студенческого научно-исследовательского фольклорного кружка. Л., 1937. С. 90—111; *его же*. «Илиада» в переводе Н. И. Гнедича // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Вып. 2. Л., 1939. С. 5—704; *его же*. Русская идиллия Н. И. Гнедича о Рыбакип // Там же. Вып. 3. Л., 1939. С. 284—320; *его же*. (совм. с Л. М. Лотман). Из творческой истории баллады Пушкина о «Женихе» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 6. М.; Л., 1941. С. 72—91; *его же*. (совм. с Г. П. Макогоненко). (Рец.) Маяковский. 1930—1940 гг. Ст. и матер. Л., 1940 // Лит. обозрение. 1941. № 1. С. 40—42; *его же*. Гнедич // История русской литературы. Т. 56. Литература первой половины XIX в. Ч. 1. М.; Л., 1941. С. 424—435; *его же*. Майков // Там же. Т. 4. Литература XVIII в. Ч. 2. М.; Л., 1947. С. 201—226.

⁷⁹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 44.

⁸⁰ Сведения получены в Василеостровском райвоенкомате Санкт-Петербурга. См. также: Книга памяти. Ленинград. 1941—1945. Т. 1. Василеостровский район. А—Л. СПб., 1994. С. 466.

⁸¹ О Н. Е. Панове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 5. Д. 331; 426. Л. 70.

⁸² О В. В. Гинзбурге см.: Архив МАЭ. Личные дела; Гохман И. И. Вульф Вениаминович Гинзбург (К 60-летию со дня рождения). Список основных печатных работ В. В. Гинзбурга // Вопросы антропологии. Вып. 18. М., 1964. С. 157—162.

⁸³ Гинзбург В. В. О размерах наружных паховых отверстий в зависимости их от конституциональных особенностей индивида // Тр. IV Всесоюз. съезда зоологов, анатомов и гистологов в Киеве. 6—12 мая 1930 г. Киев; Харьков, 1931. С. 227—228; *его же*. Физическое развитие горных таджиков // Проблемы Таджикистана. Сб. ст. Т. 2. Душанбе, 1934. С. 212—219; *его же*. Кишлаки восточных районов Таджикистана и жилище горных таджиков // Сов. этнография. 1936. № 3. С. 59—77; *его же*. Горные таджики. Матер. по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза. Л., 1937; *его же*. Краниологическое собрание Музея антропологии и этнографии АН СССР // Сб. МАЭ. Т. 12. М.; Л., 1949. С. 402—416; *его же*. Древние и современные антропологические типы Средней Азии // Происхождение человека и древнее

расселение человечества. Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. Т. 16. М., 1951. С. 371—393; *его же*. Анатомическая коллекция Рюйша в собраниях Петровской Кунсткамеры//Сб. МАЭ. Т. 14. М.; Л., 1953; С. 263—305; *его же*. Древнее население восточных центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным//Антрополог. сб. Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. Т. 33. М., 1956. С. 238—298; *его же*. (совм. с Б. В. Фирштейн). Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана//Сб. МАЭ. Т. 18. М.; Л., 1958. С. 390—427; *его же*. Лимфатическая система нижних конечностей человека. Л., 1959; *его же*. Краниологические материалы из Северного Казахстана и вопрос о происхождении ранних тюркских кочевников. М., 1960; *его же*. Элементы антропологии для медиков. Л., 1963; *его же*. Антропологическая характеристика древних аборигенов Кубы//Сб. МАЭ. Т. 24. Л., 1967. С. 180—278; *его же*. Антропология в Академии наук//Тр. Ин-та этнографии. Т. 94. М., 1968. С. 188—215; *его же*. К антропологии туркмен//Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 34—50.

⁸⁴ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 63.

⁸⁵ О Н. И. Насекине см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 320. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 61, 63. Оп. 1 (1942). Д. 32. Л. 13.

⁸⁶ О А. Н. Кондаурове см. Решетов А. М. Отдание долга//Этнограф. обозрение. 1995. № 2.

⁸⁷ О А. Шакурове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 372; 420; 426. Л. 102.

⁸⁸ О А. Ф. Симонове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 74. Оп. 5. Д. 350, 417; 426. Л. 86.

⁸⁹ О К. Н. Шакурове см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Д. 44. Л. 76. Оп. 5. Д. 177, 421; 426. Л. 103.

⁹⁰ Сведения получены в Василеостровском райвоенкомате Санкт-Петербурга 11 января 1995 г.

⁹¹ О А. И. Собченко см.: Архив МАЭ. Личное дело; Милибанд С. Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 519.

⁹² Собченко А. И. Передача сообщений на барабанах у народов Западной Африки (использование традиционных средств связи в современной политической жизни Африки)//Сов. этнография. 1952. № 1. С. 120—134; *его же*. Этнографическая коллекция В. В. Юнкера по народам Африки в собраниях Музея антропологии и этнографии//Сб. МАЭ. Т. 15. М.; Л., 1953. С. 411—447; *его же*. Коллекция В. В. Юнкера по пигмеям в собраниях Музея антропологии и этнографии//Там же. Т. 16. М.; Л., 1955. С. 308—321; *его же*. Катхакали — театр Южной Индии//Вокруг света. 1955. № 5. С. 32—34; *его же*. Ткацкий станок из Камеруна//Сб. МАЭ. Т. 17. М.; Л., 1957. С. 362—372; *его же*. Население Анголы//Сов. этнография. 1961. № 5. С. 124—133; *его же*. Этнический состав Конго//Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 72. Африканский этнограф. сб. IV. История, этнография, языкознание. М.; Л., 1962. С. 89—167.

⁹³ О Г. А. Камориной см. ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Д. 34. Л. 25; Оп. 1 (1943). Д. 26. Л. 79. Оп. 5. Д. 287; 426. Л. 38.

⁹⁴ О Е. К. Ивановой см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 282; 426. Л. 36.

⁹⁵ Пользуясь случаем, искренне благодарю научного сотрудника Санкт-Петербургского филиала Архива РАН Н. С. Прохоренко, заведующую Архивом МАЭ РАН И. В. Жуковскую, работницу Василеостровского райвоенкомата Р. Б. Кобыльницкую, работников Дзержинского военкомата — Э. Н. Васильеву и А. С. Веселкова, а также М. Л. Шкарову из Куйбышевского военкомата за большую помощь, оказанную при подготовке этой статьи.

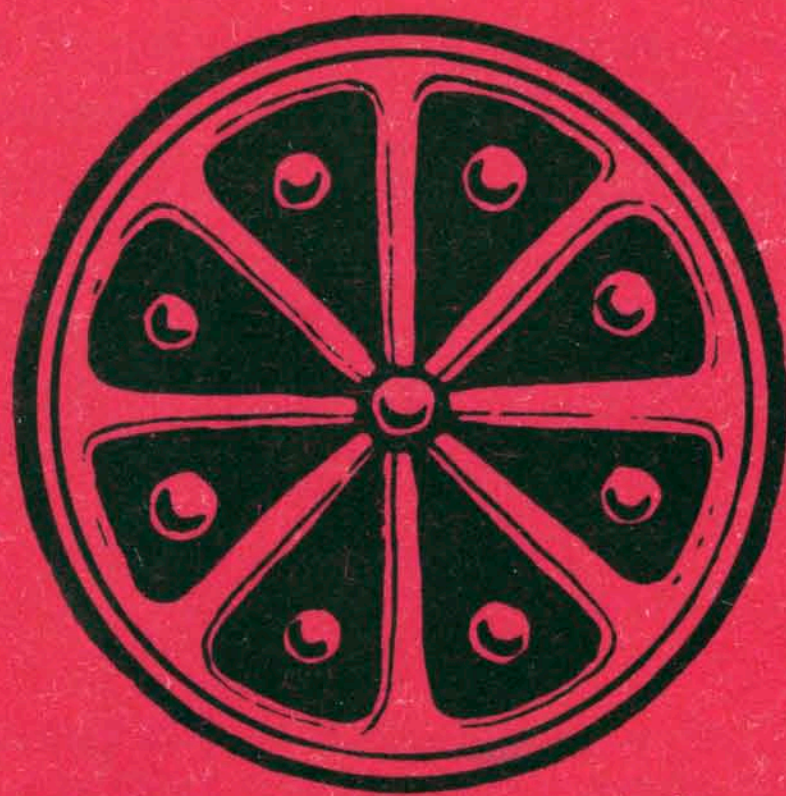
Paying the dept. Part II. In memory of the workers of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences who had fallen for their country

The present article is the continuation of the second part of the three-part article «Paying the Debt». Life and work of the Institute's workers who fought at the fronts of the Great patriotic war and died in the name of victory, is described.

A. M. Reshetov

ISSN 0869-5415

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

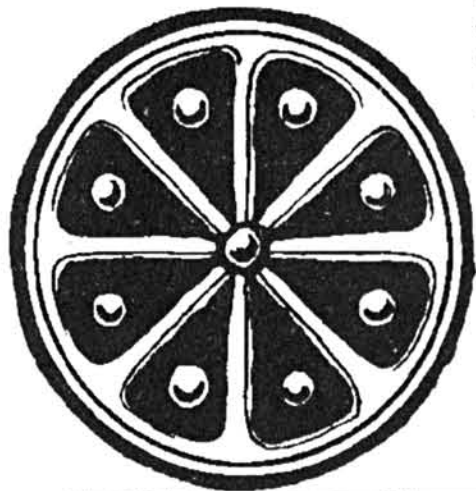
1995

№ 6

• НАУКА •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 6

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ 1926 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ · ДЕКАБРЬ

1995

С 1926 по 1929 г. журнал выходил под названием «Этнография»
С 1931 по 1991 г. — «Советская этнография»

Редакционная коллегия:

Ю. В. Арутюнян, В. Н. Басилов, И. В. Власова (главный редактор)
Н. А. Дубова, А. А. Зубов, В. В. Карлов, А. М. Решетов, В. А. Тишков
Г. В. Цулая, С. В. Чешко (зам. гл. редактора), Д. А. Функ, Е. А. Шервуд

Отв. секретарь Л. Т. Соловьева

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

Адрес редакции:

117334 Москва, Ленинский пр., д. 32а
тел. 938-18-67, 938-56-50, факс. 938-06-00

Публикуемые материалы не обязательно отражают
точку зрения редколлегии и редакции

*В 1995 году журналу оказана финансовая поддержка
Российским фондом фундаментальных исследований
по проекту № 95-06-95013*

К 50-летию ПОБЕДЫ: СОБЫТИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, МНЕНИЯ

© 1995 г., ЭО, № 6

А. М. Решетов

ОТДАНИЕ ДОЛГА. ЧАСТЬ III, ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ АН СССР ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (некоторые вопросы истории)

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах
И мужество нас не покинет.

А. Ахматова

1941 год начался в Институте этнографии АН СССР с важных кадровых изменений. 2 января в приказе за № 2 сообщалось о постановлении Президиума АН СССР от 24 декабря 1940 г.: «§ 1.1. В связи с назначением академика Струве Василия Васильевича директором Института востоковедения АН СССР, освободить его от должности директора Института этнографии АН СССР. 2. Назначить проф. Винникова Исаака Натановича директором Института этнографии Академии наук СССР с последующим представлением общему собранию АН СССР»¹. В тот же день был издан еще один приказ, за № 3: «На основании постановления Президиума АН СССР от 24 декабря 1940 г. сего числа принял должность Директора Института этнографии АН СССР и приступил к исполнению обязанностей директора Института. Директор Института проф. И. Н. Винников»².

Исаак Натанович Винников (1897—1973)— крупная фигура среди этнографов довоенного периода³. К сожалению, его роль в развитии отечественной этнографии как педагога, исследователя, организатора науки до сих пор не стала предметом специального изучения и не оценена по заслугам. Ученик Л. Я. Штернберга и И. Ю. Крачковского, он после окончания в 1925 г. ЛГУ был оставлен там для преподавательской деятельности на этнографическом отделении. С 1929 г. началась его активная творческая жизнь в Музее антропологии и этнографии, а с февраля 1933 г. в Институте антропологии и этнографии АН СССР. Здесь он зарекомендовал себя как организатор науки, являясь ученым секретарем и заведующим отделом, а также как крупный исследователь социального строя, систем родства, издатель трудов Г. Л. Моргана на русском языке. С восстановлением в ЛГУ этнографического образования он одновременно возглавлял на филологическом факультете кафедру этнографии. В 1941 г. на основе собранных полевых этнографических материалов Винников защитил диссертацию «Арабы в СССР (этнография, фольклор и язык)» и был удостоен ученой степени доктора филологических наук. Именно поэтому назначение этнографа И. Н. Винникова на должность директора Института этнографии АН СССР после языковеда акад. И. И. Мещанинова и востоковеда акад. В. В. Струве можно рассматривать как факт положительный.

Институт этнографии с Музеем антропологии и этнографии в его составе являлся в довоенный период ведущим этнографическим центром в системе Академии наук и в стране в целом. В нем работали такие известные этнографы, как член-корр. АН СССР Д. К. Зеленин, профессора А. Н. Генко, Е. Г. Кагаров, Н. В. Кюннер, а также С. А. Штернберг, С. М. Абрамзон, Е. Э. Бломквист, Г. М. Васильевич, Г. Д. Вербов, Н. Н. Волков, К. В. Вяткина, С. В. Иванов, Н. А. Кисляков, А. Н. Кондауров, Н. П. Никульшин, Л. Б. Панек, А. А. Попов, Г. Н. Прокофьев, А. Л. Троицкая, Н. Б. Шнакенбург и др. При Институте тогда же работала редакция сборника «Советская этнография», которую возглавлял И. Н. Винников.

Первая половина 1941 г. проходила в Институте под знаком реорганизации. Вместо существовавшей ранее параллельной структуры Кабинетов в Институте и Отделов в Музее создавалась новая, единая структура. Приказ за № 24 от 17 февраля гласил: «§ 1. В целях более тесной увязки научно-исследовательской музейной работы, в целях максимально эффективного использования научных работников Института для разрешения стоящих перед ним актуальных задач, а также для внесения большей стройности в структуру Института и укрепления отдельных его звеньев, провести следующие мероприятия:

1. Объединить Кабинет Сибири с Отделом Сибири и вновь образовавшуюся единицу именовать „Отдел Сибири“.

2. Объединить Кабинет Средней Азии с Отделом Передней и Средней Азии и вновь образовавшуюся единицу именовать „Отдел Передней и Средней Азии“.

3. Объединить Кабинет Европы с Отделом Европы и вновь образовавшуюся единицу именовать „Отделом Европы“.

4. Объединить Кабинет Восточной и Южной Азии с отделами Дальнего Востока, Индии, Индонезии и вновь образовавшуюся единицу именовать „Отдел Восточной и Южной Азии“.

§ 2. Назначить заведующим Отделом Сибири Г. Н. Прокофьева. Назначить заместителем заведующего Отделом Сибири старшего научного сотрудника Г. Д. Вербова.

§ 3. Возложить временно исполнение обязанностей заведующего Отделом Передней и Средней Азии на старшего научного сотрудника Н. А. Кислякова. Назначить заместителем заведующего отделом Передней и Средней Азии младшего научного сотрудника В. В. Екимову.

§ 4. Назначить заведующим Отделом Европы члена-корр. АН СССР. проф. Д. К. Зеленина.

§ 5. Назначить заведующим Отделом Восточной и Южной Азии проф. Н. В. Кюннера. Назначить заместителем заведующего Отделом Восточной и Южной Азии старшего научного сотрудника К. В. Вяткину»⁴.

В марте реорганизация продолжилась. В приказе за № 33 от 4 марта говорилось: «§ 1. Объединить Отдел Африки с Отделом Австралии и Океании и вновь образовавшуюся единицу именовать „Отделом Австралии, Океании и Африки“. § 2. Заведование Отделом Австралии, Океании и Африки принимаю на себя»⁵.

Последним был реорганизован Отдел Америки (приказ за № 38 от 11 марта): «§ 1. Влить Отдел Центральной и Южной Америки в состав Отдела Северной Америки и последний именовать „Отдел Америки“... § 3. Вр. и. о. заведующего Отделом Америки принять дела и научные материалы бывшего Отдела Центральной и Южной Америки»⁶.

В дальнейшем, еще в мирное время, производились некоторые кадровые перемещения и небольшие структурные изменения. Этой работе дирекция, как видно, придавала большое значение. И это естественно, ибо затрагивались коренные проблемы взаимоотношений Музея и Института, музейной деятельности и научно-исследовательской работы. Прежняя система, таким образом, была разрушена, а новую так быстро в первую половину года отработать по-настоящему не удалось.

Ведь имелось немало и других дел, также достаточно важных. Институт этно-

графии просил Президиум АН СССР о финансировании в 1941—1942 гг. дезинфекционной камеры⁷. Уже давно остро стоял вопрос о фондах для хранения коллекций Музея. Новая дирекция поставила вопрос о передаче для этнографических фондов помещения бывшего Геологического музея (Биржевой проезд, 6)⁸. Рассматривался и вопрос создания «Общества музееведов»⁹.

В Институте существовала традиция отмечать годовщины трудовой деятельности сотрудников в Институте. В приказе за № 1 от 2 января 1941 г. сообщалось о постановлении Президиума АН СССР от 24 декабря 1940 г. премировать проф. Н. В. Кюнера в связи с 40-летием его научной деятельности¹⁰. В приказе за № 5 от 8 января 1941 г. директор Института объявлял благодарность заведующему Кабинетом Европы и Библиотекой члену-корр. Д. К. Зеленину за большую и плодотворную работу в области этнографического изучения народов СССР и активное участие во всех начинаниях Института. В тот же день с таким же юбилеем поздравляли и проф. Е. Г. Кагарова¹¹.

11 марта в связи с 10-летием работы в Институте препаратора А. А. Лукашиной дирекция отметила ее «высокосознательное отношение к своим обязанностям, исключительную заботу о сохранении музейных коллекций и постоянное стремление к повышению своей производственной квалификации»¹². В связи с исполнявшимся 26 апреля 40-летием непрерывной работы в Музее научно-техническому сотруднику Отдела археологии Н. Р. Косниковскому была объявлена благодарность. Торжественно коллектив Института отметил 18 июня 20-летие трудовой деятельности машинистки Александры Николаевны Калдыкиной, всеобщей любимицы. Дирекция объявила ей благодарность и выдала премию в размере месячного оклада¹³.

Наступило лето — пора экспедиций. 17 июня в Тюмень, Тобольск и в Ханты-Мансийский национальный округ Омской области для сбора материалов по этнографии хантов и закупки этнографических коллекций выехала Н. Ф. Прыткова. 18 июня к вепсам Винницкого района Ленинградской области отправился Н. Н. Волков. До сентября в длительную командировку — в Ташкент, Маргилан и другие города — отбыла А. Л. Троицкая. В командировку в Москву 14 июня поехал антрополог Е. В. Жиров, а этнограф Н. А. Кисляков собирался 23 июня отбыть в Сталинабад. Заведующий Отделом учета и хранения И. Я. Треногов и исполняющий обязанности ученого секретаря Н. И. Насекин получили положенные отпуска. 19 июня вернулся из командировки по закавказским республикам заместитель директора Института С. М. Абрамзон, куда он выезжал для ознакомления с работой этнографических учреждений Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР и по делам Института¹⁴.

Казалось, Институт жил обычной жизнью, решая повседневные и перспективные задачи как любое академическое учреждение страны. Но возникали и непредвиденные ситуации, также характеризовавшие то время. Так, с 9 апреля в связи с призывом на длительные военные сборы был уволен кочегар М. В. Евстратов¹⁵. Еще раньше ушел в армию научный сотрудник А. В. Мачинский¹⁶. Приказ за № 74 от 6 мая обязывал сотрудников Института сдать нормы ПВХО, т. е. противовоздушной и химической обороны. Прием норм и консультации для сдающих нормы возлагался на химинструкторов Е. В. Жирова, В. В. Федорова и И. Я. Треногова.

Приказ за № 87 от 4 июня обязывал всех сотрудников в период с 9 по 14 июня ежедневно являться на работу с противогазами. Заместителю начальника объекта местной противовоздушной обороны (МПВО) Ф. Б. Шапиро предписывалось провести с сотрудниками занятия. Очевидно, поступило какое-то указание сверху, поэтому «начальник объекта» директор Института проф. И. Н. Винников предложил Шапиро продлить занятия по МПВО с 17 по 20 июня включительно (приказ № 96 от 17 июня 1941 г.)¹⁷. Однако в Музее с коллективом никаких учебных мероприятий, судя по документам, не проводилось. Очевидно, разного рода учения по МПВО и ПВХО проводились без осознания сотрудниками надвига-

шейся реальной угрозы, хотя Институт, по решению властей, и был объявлен военным объектом...

22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР объявил в Ленинграде и Ленинградской области военное положение. Уже на следующий день после начала войны в связи с мобилизацией в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию были уволены из Института дворник П. Д. Рыжак, научно-технический сотрудник Г. А. Гловацкий, младший научный сотрудник А. А. Савинич¹⁸.

Велик был патриотический порыв ученых, как и всех ленинградцев, отдать все силы на разгром врага¹⁹. Добровольцами записались на фронт молодые сотрудники и аспиранты Института этнографии Н. П. Никульшин, Г. Д. Вербов, Н. Б. Шнакенбург, Н. Н. Волков, Д. Н. Лев, Г. Н. Прокофьев, А. Н. Нечаев, Л. И. Лавров и др. Среди них находились и те, кто по состоянию здоровья имел освобождение от воинской обязанности.

В 1941 г. ушли в армию по мобилизации или добровольцами все военнообязанные сотрудники²⁰. При знакомстве с приказами по Институту этнографии АН СССР создается впечатление, что и дирекция и уходившие на фронт сотрудники верили: война будет непродолжительной. Фронтовиков сразу не отчисляли из штата. Это было сделано много позже. И тем не менее в Институте предпринимались необходимые меры по сохранению здания и коллекций. Приказом директора 23 июня с 18 часов в Институте устанавливалось круглосуточное дежурство. В тот же день в целях сохранения музейных ценностей создавалась бригада (начальник С. М. Абрамзон, его заместитель Р. И. Каплан) из трех звеньев (начальник А. А. Попов, С. В. Иванов, Д. А. Ольдерогге), а также санитарное (начальник Б. Ф. Фирштейн) и пожарно-санитарное (начальник Н. Е. Панов) звенья²¹.

С 25 июня до особого распоряжения был закрыт Музей для одиночных посетителей. Сотрудникам Института категорически запрещалось принимать кого бы то ни было без соответствующим образом оформленного пропуска. Причем, и в этом случае вход в Институт допускался только в рабочее время — с 9 часов 30 минут до 18 часов²². В связи с уходом в армию И. Я. Треногова заведующим Отделом учета и хранения с 26 июня назначался А. А. Попов. Приказом от 30 июня в Музее было организовано специальное хранилище, ответственным за которое назначался Р. И. Каплан²³. В Музее приступили к свертыванию экспозиций и подготовке коллекций к эвакуации.

В июле 1941 г. все академические учреждения Ленинграда спешно готовили к эвакуации ценное оборудование и музейные коллекции. Враг рвался к городу и это создавало большие трудности²⁴. Прежде всего следовало подготовить тару. Для эвакуации музейных коллекций, научных рукописных материалов и редких книг специально было изготовлено 320 и отремонтировано 25 имевшихся в наличии ящиков. Всего было подготовлено 314 ящиков, в том числе 289 с музейными экспонатами (около 20 тыс. предметов), и 25 ящиков с наиболее ценными книгами библиотеки²⁵. Однако из-за стремительного захвата немцами станции Мга и блокады Ленинграда (с 8 сентября) оказалось невозможным вывезти подготовленные к отправке бесценные грузы.

Справедливости ради надо признать, что в таком положении оказалось большинство учреждений АН СССР и музеев города²⁶. По договоренности с Государственным Эрмитажем 125 ящиков с наиболее уникальными предметами в конце сентября — начале октября 1941 г. были сданы на хранение в его подвалы. От имени Института передачу ящиков осуществляли заместитель директора С. А. Абрамзон и заведующий специальным хранилищем Р. И. Каплан. От Эрмитажа приемку производили заместитель директора М. Э. Матье и старший инспектор по учету и хранению Н. Г. Шпринцин²⁷.

Все другие ящики и наиболее крупные предметы были размещены в залах первого этажа старой части здания Института, под его прочными сводами. Некоторые вещи оставались сложенными внизу в экспозиционных шкафах. Часть экспонатов, в том числе заспиртованные коллекции Петровской Кунсткамеры

(около 2000 банок) разместили в специально отведенных подвальных помещениях здания МАЭ²⁸. Итоги этой большой и кропотливой работы были подведены на общем собрании научных сотрудников Института 24 октября. Определены были и перспективы на ближайший период²⁹.

Само время, сложившаяся обстановка и руководство города ставили перед коллективом все новые и новые задачи. Большую опасность для исторического здания Кунсткамеры представляло размещение на его башне огневой зенитно-пулеметной точки, откуда первое время велось наблюдение за продвижением противника. Окна угловых кабинетов первого этажа были заложены кирпичом, а незакрытые щели служили амбразурами. Напротив здания на Университетской набережной были устроены дзоты. Вход в Таможенный переулок преграждало проволочное заграждение³⁰. К счастью, огневая точка на башне здания просуществовала недолго.

30 июня по приказу директора появился институтский штаб МПВО в составе С. М. Абрамзона (начальник штаба), Ф. Б. Шапиро и А. Н. Кондаурова. В Кабинетах Института были поставлены бочки с водой, сложены лопаты, щипцы и ломы³¹, а 65 окон подверглись затемнению. В различные звенья общеинститутской команды МПВО было включено 26 сотрудников; в их обязанность входило круглосуточное дежурство в две смены. Для организации телефонной связи штаба с объектами в Институте и в фондах сотрудники уложили телефонный кабель. Они провели очистку чердака, стропил, обрешетки, сделали частичное покрытие двух обрешеток огнестойким раствором. На чердак площадью в 450 кв. м была поднята тысяча ведер песка, который уложили ровным слоем. На чердак же дополнительно подняли еще 300 ведер песка для тушения зажигательных авиабомб³². И хотя это делалось ценой невероятных усилий, все сотрудники понимали настоятельную необходимость и полезность проводимых мероприятий.

Угроза зданию была вполне реальной. Сотрудникам удалось потушить несколько бомб на крышах зданий Института и фондов, что нашло отражение в приказах дирекции. Вот один из документов того периода: «Во время воздушного налета в ночь с 10 на 11 сентября с. г. одна зажигательная бомба упала на крышу здания Института в районе поста № 3. Попадание бомбы было своевременно обнаружено начальником поста, главным бухгалтером Института Л. И. Судаковым, который быстро потушил бомбу и тем предотвратил возникновение пожара. За энергию, смелость, а также высокую бдительность, проявленные Л. И. Судаковым во время воздушного налета фашистских стервятников, объявляю ему благодарность».

К сожалению, у людей не всегда хватало сил справиться с вражеским огнем. Так, в ночь на 18 октября 1941 г. сгорело перекрытие башни здания Института. И в тяжелых условиях блокады дирекция обратилась в Отдел охраны памятников с просьбой сделать временное перекрытие, которое в целом сохраняло бы контуры исторического здания Петровской Кунсткамеры³³.

С 8 июля 1941 г. все сотрудники приступили к обязательному обучению методам противовоздушной и противохимической обороны. Ответственным за подготовку сотрудников к противовоздушной обороне был назначен инструктор ПВХО археолог В. В. Федоров. Позднее обязанности начальника противохимической защиты объекта возлагались на антрополога Е. В. Жирова. С 8 июля всем сотрудникам вменялось в обязанность постоянно иметь при себе противогазы³⁴.

Вскоре после начала войны коллектив Института, как и все горожане, участвовал в окопных работах под Новгородом, Шимском, на Карельском перешейке, у деревни Девяткино и в других местах³⁵. С 3 сентября ответственным за выполнение оборонных работ назначался антрополог А. Н. Юзефович. Работало одновременно несколько групп: с 14 по 26 июля 16 человек, с 17 по 30 июля 7 человек, с 22 июля по 8 августа — 5, с 23 по 30 июля — 13, с 28 июля по 13 августа — 10, с 11 по 19 августа — 12 человек и т. д.³⁶

Г. Д. Вербов из Красного Села писал в Институт: «Я со своей стороны стараюсь оправдать свое новое звание и работаю изрядно»³⁷. Б. В. Фирштейн докладывала:

«Группа благодарит дирекцию за проявленную заботу о ней. Продукты оказались кстати, а также деньги. Сегодня впервые получили хлеб и сахар. Срок возвращения в Ленинград не определен. Передавайте родным привет»³⁸. В Ручьях работала женская группа под руководством А. Н. Юзефовича³⁹. Рыли щели для укрытия во время бомбежек на Большом проспекте Васильевского острова, у здания Фондовой биржи, на о-ве Голодай...⁴⁰.

Все это тяжелым бременем ложилось на плечи оставшегося преимущественно женского коллектива Института, что побудило директора Института Винникова, несмотря на тяжелые обстоятельства военного времени, 30 августа обратиться к председателю исполкома Василеостровского райсовета Ленинграда Кускову с письмом. «В штате Института,— сообщал Винников,— числится 66 сотрудников, из которых 4 человека — добровольцы, 5 человек переведены на казарменное положение в отряд народного ополчения, 2 человека находятся в командировках, 23 человека по возрасту и состоянию здоровья (имеют соответствующим образом оформленные справки) не подлежат привлечению к трудовой повинности. 1 человек мобилизован по линии районного штаба МПВО, 3 человека входят в круглосуточную охрану (вахтеры) и 3 человека — дворники, несущие также круглосуточные дежурства. Таким образом, для несения дежурств на пожарных постах остается всего 25 человек. Между тем Институт имеет 2 здания..., что требует единовременного дежурства на пожарных постах не менее 30 человек...

Исходя из вышеизложенного, Институт этнографии обращается к Вам с просьбой полностью освободить сотрудников Института от участия в трудовой повинности, учитывая также, что за последние две недели Институт сократил свой штат на 40%»⁴¹.

Несмотря на просьбу директора, сотрудники Института привлекались на трудовые работы практически до середины декабря 1941 г.⁴² На оборонных стройках в общей сложности было выработано около 1200 человекоднев, т. е. в среднем на каждого сотрудника приходилось 15 человекоднев. Если же считать только трудоспособных, то на каждого приходилось 30 человекоднев⁴³.

Как видно, оставшиеся сотрудники, без учета ушедших на фронт, приняли на себя всю тяжесть разнообразных работ по сохранению музейных коллекций и здания, по участию в оборонном строительстве. Причем этот коллектив действовал в значительно меньшем, чем раньше, составе в связи с тем, что в июле—августе 1941 г., согласно постановлению Штатной комиссии СНК СССР, было произведено сокращение штатов. Если в довоенное время Институт насчитывал 108 человек, то на 1 сентября 1941 г. только 56 человек, без учета состоявших в штате 5 добровольцев. Коллектив научных сотрудников включал в себя 30 человек. Таким образом, основные кадры Института были полностью сохранены⁴⁴. Большая часть сотрудников оказалась уволенной в связи с частичным сокращением объема работ по Институту, некоторые подали заявления об уходе по собственному желанию, в том числе по причине намечавшейся личной эвакуации из города. Из-за невозможности возвращения из экспедиции к месту работы пришлось отчислить из штата Института А. Л. Троицкую и Н. Ф. Прыткова⁴⁵.

Институт этнографии АН СССР по согласованию с вышестоящими академическими и административными органами готовил и несколько раз представлял списки сотрудников, подлежащих эвакуации. Одним из первых был представлен список в 20 человек, включавший среди прочих С. А. Штернберг, Н. П. Дыренкову, А. Б. Пиотровского, Г. Н. Прокофьева, Н. А. Липскую, Н. Н. Тихоницкую⁴⁶. Другой список состоял уже из 64 фамилий⁴⁷.

Из блокадного Ленинграда вылететь можно было только по постановлению правительственных органов. Это постановление распространялось на ведущих ученых и директоров институтов. 19 ноября 1941 г. директор Института этнографии проф. И. Н. Винников подписал приказ, который гласил: «§ 1. По постановлению Правительства, сего числа выезжаю из Ленинграда в распоряжение Президиума Академии наук СССР. § 2. На время моего отсутствия исполнение обязанностей директора Института возлагаю на заместителя директора С. М.

Абрамзона»⁴⁸. Из ведущих ученых Института в Самарканд был эвакуирован член-корр. АН СССР, проф. Д. К. Зеленин, в Алма-Ату — проф. Н. В. Кюнер. 23 декабря 1941 г., сообщая в Комиссию по ленинградским учреждениям АН СССР об отъезде И. Н. Винникова, Д. К. Зеленина и Н. В. Кюнера, дирекция Института ставила вопрос о скорейшей эвакуации С. А. Штернберг, А. Б. Пиотровского, Г. Н. Прокофьева, Д. А. Ольдерогге, С. В. Иванова и Г. И. Петрова⁴⁹.

С началом войны быт сотрудников коренным образом изменился. В подвалах здания Института были оборудованы два бомбоубежища: одно для граждан, которые в случае воздушной тревоги выходили из трамваев у Республиканского (ныне Дворцового) моста, второе для всех сотрудников Института. В бомбоубежищах установили 10 печей-временок⁵⁰. Приказом от 2 сентября 1941 г. были переведены с 4 сентября на казарменное положение сотрудники А. Н. Кондауров, Г. Г. Стратанович, С. В. Иванов, А. А. Попов, В. В. Федоров, В. Н. Насекин, Е. А. Максимова. Переведенные на казарменное положение должны были каждый день неотлучно находиться в здании Института. Примечание к приказу гласило, что отлучка из здания «допускается только с разрешения директора или его заместителя».

Коменданту здания В. В. Федорову предлагалось к 4 сентября оборудовать помещение для лиц, переведенных на казарменное положение и организовать хозяйственное обслуживание специальной комнаты⁵¹. С 15 сентября на казарменное положение при Институте были переведены также Е. В. Жиров, Г. И. Петров, Д. Н. Лев, А. Шакурова. Все они питались в расположенной рядом академической столовой, к которой имели прикрепление все сотрудники Института.

Перевод части сотрудников на казарменное положение позволил дирекции более рационально использовать их в работах по сохранению музейных ценностей и самого здания. Как показывает книга приказов, бытовые трудности у тех, кто жил дома, стали усугубляться со второй половины сентября. Тогда же резко возросло число заболевших. Многие сотрудники, иногда с семьями, начали селиться в подвальных помещениях здания Института. Сообща было легче заниматься отоплением «коллективного жилища». Так, зимой 1941—1942 г. в Новой Деревне разобрали пустующий двухэтажный деревянный дом и на санках перевезли «топливо» в Институт⁵². Люди старались помочь друг другу: приносили больным обед из столовой, кипятки и т. д.

В это время предпринимались меры по улучшению питания сотрудников, а именно получение мест в академической зале столовой, где не надо было стоять в очереди, принятию сотрудников в члены Дома Ученых, где имелись условия для более усиленного питания, оформлению продуктовых карточек 1-й категории и т. д.⁵³. Тем не менее сотрудникам Института становилось все труднее переносить житейские тяготы, холод и голод. Первой умерла 28 октября 1941 г., тюрколог Н. П. Дыренкова. Суровая блокадная зима 1941—1942 г. унесла жизни многих сотрудников...⁵⁴.

Несмотря на тяготы и лишения, коллектив Института этнографии, как и все ленинградцы, принимал посильное участие в борьбе с врагом. Это была прежде всего моральная поддержка воинов — бывших сотрудников Института, с которыми многие более или менее регулярно переписывались, вселяя в них оптимизм, веру в скорую победу. Приходивших с фронта коллег тепло встречали и помогали чем могли.

Учитывая недостаток подробных карт пригородов Ленинграда, Л. Б. Панек передала на фронт карту для дачников, изданную в 1902 г., а С. А. Штернберг — подозрную трубу, которой пользовался в экспедициях Л. Я. Штернберг⁵⁵. Сотрудники Института передавали в фонд обороны семейные реликвии, золотые и серебряные вещи, а также деньги⁵⁶.

Ученые Ленинграда, в том числе сотрудники Института этнографии АН СССР, с самых первых дней войны были движимы одной мыслью: все для фронта, все для победы! В начале июля 1941 г. ленинградские ученые академики А. А. Байков, В. В. Струве, А. А. Ухтомский, А. Е. Фаворский, профессора Д. И. Дейнека, В. М.

Жирмунский, С. С. Кузнецов, Я. С. Эдельштейн и другие обратились к коллегам с призывом увязывать свою научную деятельность с потребностями фронта и тогдашнего времени. «Мы призываем вас, ученые Ленинграда,— говорилось в обращении,— разрабатывать сейчас только те темы, которые необходимы делу обороны страны, которые принесут быструю, реальную пользу фронту, разрабатывать их денно и нощно, не щадя сил и времени, с тем истинным энтузиазмом, на который способны советские ученые»⁵⁷.

По заданию Политического управления Красной Армии сотрудники ряда институтов АН СССР приступили к составлению историко-географо-этнографических справочников о народах мира. Был оперативно пересмотрен и научный план Института этнографии, о чем послан доклад в Президиум Академии и академику-секретарю Отделения истории и философии АН СССР акад. А. М. Деборину. «В план Института на 1941 г.,— говорилось в докладе,— включен ряд заданий, имеющих оборонное или особо актуальное значение. В частности, отделы работают над подготовкой к печати серии небольших по объему книг (до 2-х печатных листов каждая), посвященных этнографии зарубежных, главным образом граничащих с СССР стран: Польши, Чехословакии, Югославии, Румынии, Финляндии, Швеции, Норвегии, Турции и т. д.»⁵⁸.

Отдел антропологии запланировал выпуск ряда изданий, посвященных разоблачению расовой «теории» германского фашизма. Уже вскоре была завершена работа Г. И. Петрова, направленная против этой «теории». О чехах и словаках писал К. А. Пушкаревич, о народах Югославии, поляках, финнах-суоми Д. К. Зеленин, о народах Закарпатской Украины Н. Н. Тихоницкая, о венграх и греках Е. Г. Кагаров, об афганцах Н. А. Кисляков и А. Н. Кондауров, о народах Индо-Китая Н. В. Кюнер и т. д.⁵⁹.

7 сентября 1941 г. по ленинградскому радио было оглашено письмо академиков С. А. Зернова, И. И. Мещанинова, Л. А. Орбели, П. И. Степанова, членов-корреспондентов АН СССР В. Ф. Шишмарева и С. Е. Малова, профессоров С. Г. Бархударова и К. А. Пушкаревича. В нем говорилось: «Мы живем в городе, над которым нависла непосредственная опасность вторжения врага. Фашистские варвары обстреливают Ленинград из артиллерийских орудий, бомбят мирные жилища, больницы, общественные учреждения крупнейшего научного и культурного центра. Но ни бомбы, ни снаряды врага не остановят, не сломят нашу волю к победе и борьбе. Ленинградские ученые продолжают спокойно и уверенно работать»⁶⁰.

Когда сегодня знакомишься с архивными материалами о деятельности Института этнографии АН СССР во второй половине 1941 г.— первой половине 1942 г., поражаешься несгибаемой стойкости людей, их самоотверженности и вере в правое дело. Голодные, изможденные, они фанатично, но сознательно трудились во имя будущего, во имя Науки. К концу 1941 г. была закончена монография «Белорусы и украинцы воссоединенных областей», продолжалась работа над томом «Народы Сибири и Дальнего Востока» и готовился к печати том «Народы Средней Азии и Казахстана» (из серии «Народы СССР»). Вышел в свет 2-й том «Путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая». Велась подготовка к изданию избранных сочинений И. Я. Баховена и Л. Я. Штернберга.

С. А. Штернберг, Е. Э. Бломквист и М. В. Степанова целеустремленно готовили план музейной экспозиции и академической научной сессии, чтобы в 1942 г. отметить 450-летие открытия Америки. Н. В. Кюнер редактировал и дополнял переводы китайских текстов для работы «Китайские известия о народах Амура». Составлялись проспекты статей для «Истории первобытной культуры». 17 ноября 1941 г. в дирекции состоялось совещание с обсуждением глав С. В. Иванова о происхождении искусства и письма и Д. А. Ольдерогге о происхождении и ранних формах животноводства. Под руководством А. Н. Генко заканчивалась работа над двухтомником «Народы Кавказа» («Народы Северного Кавказа» и «Народы Закавказья»). Завершали свои монографии о селькупском фольклоре (20 а. л.) и телеутском фольклоре (10 а. л.) Г. Н. Прокофьев и Н. П. Дыренкова, о таджиках

(20а. л.) Н. А. Кисляков и А. Н. Кондауров, по этногенезу славян А. Н. Юзефович и по этногенезу народов Севера и Европейской части СССР Е. В. Жиров. Продолжались исследования Н. А. Липской о социальном строе нанайцев, Н. П. Никульшина о социальном строе эвенков, Г. Д. Вербова о ненцах, С. А. Штернберг о русских исследователях Северо-Западной Америки и их открытиях и т. д.⁶¹

Полным ходом шла подготовка к защите диссертаций сотрудниками Института. Планировалась защита докторской диссертации «Самодийские языки и проблема происхождения современных ненцев, энцев и нганасан» Г. Н. Прокофьевым, кандидатских диссертаций «Роль труда в антропогенезе» А. Н. Юзефовичем, «Генезис среднеазиатской вышивки ираки» В. В. Екимовой. 20 ноября 1941 г. на имя ректора ЛГУ подала заявление Н. Н. Тихоницкая с просьбой разрешить ей защиту кандидатской диссертации на тему «Коллективные земледельческие работы в сельской общине восточных славян». 16 декабря 1941 г. на заседании Ученого совета филологического факультета ЛГУ успешно защитил диссертацию о таджиках на соискание ученой степени кандидата филологических наук (по этнографии) А. Н. Кондауров, которому оставалось жить ровно два месяца... А. Н. Кондауров в холодной комнате своей квартиры, голодный, усталый, при свете коптилки продолжал работать до последнего дня своей жизни⁶². Готовили свои диссертации Д. А. Ольдерогге, К. В. Вяткина, М. Д. Торэн и др.

Несмотря на то что музейные экспозиции были демонтированы, а наиболее ценные из них упакованы в ящики, музейная работа не прекращалась и занимала по-прежнему важное место в деятельности сотрудников. Продолжались изучение музейных предметов в фондах, регистрация поступивших в музей этнографических и археологических коллекций. Так, в Отделе Передней и Средней Азии было завершено описание уникальной коллекции по персидскому шиитскому празднику мухаррам, в Отделе Сибири — большой этнографической коллекции по народам Амура. В Отделе археологии было зарегистрировано 3045 номеров Супоневской палеолитической коллекции, завершено написание путеводителя по новой археологической коллекции вводного раздела «Происхождение человека» (3 а. л.)⁶³. Проводилось наблюдение за сложенными в шкафах и в Кабинетах музейными экспонатами фондов. 25 декабря 1941 г. в Отделе Сибири обнаружили, что стекло футляра, в котором хранился мумифицированный труп тунгусского ребенка было разбито. Были приняты срочные меры к спасению этого уникального экспоната⁶⁴.

Сотрудники библиотеки Н. П. Шастина, М. А. Магнус, М. Л. Бутник-Северская приводили в порядок книжные фонды, обслуживали сотрудников.

Зима 1941—1942 г. — самый тяжелый период в ленинградской 900-дневной блокаде. Именно в это время коллектив Института этнографии понес наибольшие потери, включая погибших на фронтах и умерших в блокадном Ленинграде⁶⁵. Каждый раз, просматривая списки так рано ушедших из жизни в годы жестокой войны коллег, я невольно думал, что история советской этнографии, антропологии, археологии могла бы быть совсем иной. Скольких ярких, самобытных умов лишились наши наука и страна...

Сегодня кажется невероятным, что люди в это трудное время могли творить. В Институте продолжалась работа над томами серии «Народы СССР», коллективной монографией «История первобытной культуры». А. А. Попов трудился над книгой «Нганасаны», Н. Н. Степанов изучал общественный строй и межплеменные отношения тунгусов в XVII в., Д. К. Зеленин исследовал отражение племенной и национальной культуры в фольклоре народов СССР, М. А. Сергеев писал вступительную статью к тому «Народы Сибири и Дальнего Востока». В научно-популярной серии готовились работы «Племена и народности Голландской Индии» Л. Э. Каруновской, «Племена и народности Австралии и Океании» Ю. М. Лихтенберг, «Народы и племена Бирмы» Г. Г. Стратановича⁶⁶.

1 апреля 1942 г. состоялось первое заседание объединенного Ученого совета, созданного по постановлению Комиссии по делам ленинградских учреждений АН СССР. Председательствовал на нем акад. И. Ю. Крачковский⁶⁷. 27 мая

Ученый совет заслушал доклад Д. А. Ольдерогге «Экзогамия и эпигамия». Его обсуждение продолжилось 3 и 10 июня⁶⁸. В связи с исполнявшейся в 1942 г. 450-летней годовщиной открытия Америки при объединенном Ученом совете был образован подготовительный комитет. Его секретарем стала Е. Э. Бломквист. К юбилею Институт готовил публикацию и научное описание уникальных и особо ценных коллекций по Западной Америке, собранных русскими путешественниками в конце XVIII — начале XIX в.⁶⁹

Ряд сотрудников выступил с научными докладами в ИИМК: 12 июня Д. А. Ольдерогге рассказал о наскальных изображениях Северной Африки. 26 июня Д. Н. Лев сделал сообщение об Ильской стоянке⁷⁰. В 1942 г. в Свердловске под грифом Института была напечатана монография К. А. Пушкаревича «Чехи. Историко-этнографический очерк». В «Известиях ВГО» в 1943 г. вышли публикации статей Н. Н. Степанова, Г. Д. Вербова и др.⁷¹

Восполняя понесенные в ходе войны и блокады потери, Институт привлек к работе известных ученых. На должность заведующего Отделом антропологии был принят С. И. Руденко. На него возлагалась и обязанность наблюдать за общим направлением и ходом работ Отдела археологии. С 1 марта заведующим Отделом Сибири стал М. А. Сергеев. На должность и. о. старшего научного сотрудника был принят Н. Н. Степанов, Е. М. Пещерева заняла должность младшего научного сотрудника. С 1 мая были назначены заведующей Отделом Америки Е. Э. Бломквист, и. о. заведующей Отделом Восточной и Южной Азии К. В. Вяткина⁷². В штат вновь приняли Н. Ф. Прыткова и А. Л. Троицкую. Несомненно, эти кадровые и научно-организационные назначения способствовали оживлению научно-исследовательской и музейной деятельности в Институте.

Музейной работе в блокадный период уделялось исключительное внимание. Вопросы сохранности музейных коллекций регулярно рассматривались на совещаниях сотрудников в дирекции. Такие заседания, в частности, состоялись 24 апреля и 9 июля 1942 г.⁷³. По приказу дирекции от 5 мая 1942 г. в целях дальнейшего обеспечения сохранности этнографических коллекций создавалась комиссия в составе Е. Э. Бломквист (председатель), В. В. Федорова и М. Д. Торэн (последней поручалось в пятидневный срок ознакомиться с состоянием и условиями хранения коллекционных фондов, подготовить план необходимых мероприятий по приведению фондов в порядок. Для ознакомления с состоянием фототеки и условиями хранения фонда негативов, а также разработки проекта мероприятий по упорядочению условий его хранения была создана комиссия в составе Д. А. Ольдерогге (председатель), Г. Г. Стратановича и А. А. Белоуса⁷⁴.

О скрупулезном отношении ко всем видам музейной деятельности свидетельствует, например, докладная записка К. В. Вяткиной: «Настоящим сообщаю, что по Отделу Восточной и Южной Азии просмотренные коллекции (выставочные залы), описи и иллюстрированные материалы находятся в удовлетворительном состоянии, за исключением отдельных фотооригиналов, которые отклеились от паспорта. Из повреждений по Отделу следует указать на пробитый осколком снаряда шкаф в выставочной части экспозиции Индии, где повреждена фотография „Искусственное орошение“...»⁷⁵.

Сотрудники проводили выборочный просмотр ящиков в подвалах и сундуков в фондах с особо ценными и уникальными коллекциями в целях их просушки и дезинфекции. Особо тщательно просматривались коллекции, отобранные для возможной эвакуации. Приводилась в порядок документация к коллекциям архивных научных материалов Отделов, осуществлялись разборка безномерного фонда, выявление испортившихся от сырости и плохой промывки негативов и иллюстративного материала и т. д. Была организована работа по сбору и первичной разборке фондов погибших на фронте и умерших в блокаду сотрудников. Готовились юбилейные выставки, посвященные 450-летию открытия Америки и 25-й годовщине Великой Октябрьской революции⁷⁶.

Кроме того, велась и определенная общественная работа: сбор книг для подшефной воинской части⁷⁷. В апреле 1942 г. все, кто имел еще силы, приняли

участие в уборке города, очистке его от снега. Мне вспоминается рассказ А. Н. Калдыкиной, как она вместе с М. Д. Торэн тяжелым ломом скалывала лед возле здания Института ⁷⁸. Согласитесь, работа не из легких для ослабевших от недоедания женщин.

Важным событием в жизни Института в 1942 г. были подготовка и эвакуация из Ленинграда большой группы научных сотрудников. Ее осуществлению способствовал и директор Института этнографии проф. Винников, который согласовывал этот вопрос в Президиуме АН СССР ⁷⁹. О некоторых деталях подготовки эвакуации можно узнать из сохранившегося письма И. Н. Винникова С. М. Абрамзону из Борового в Ленинград. Приведу его текст:

«7.VII.1942. Дорогой Саул Матвеевич, наконец сегодня я получил впервые за все время от Вас подробное письмо от 7.VI.1942 г. Меня до слез тронуло Ваше отношение к нашему общему делу. Ваше мужество, прямо скажу — Ваш героизм. Вы действительно оказались на высоте положения, как и следовало ожидать. Я надеюсь, что Ваши заслуги перед Институтом будут должным образом оценены в свое время.

В моих многочисленных письмах к Вам я неоднократно высказывал свое мнение по поводу эвакуации научных сотрудников Института. Будучи в Свердловске в начале мая с. г., я этот вопрос обсуждал с Л. А. Орбели ⁸⁰. Он предложил мне написать подробную докладную записку, что я и сделал и ему лично вручил. 2 июня получил телеграмму от вице-президента и академика-секретаря В. П. Волгина ⁸¹ следующего содержания: „Прошу срочно выслать докладную записку состояния перспективах Института этнографии“. 4 июня я эту докладную записку выслал. Ответа от В. П. Волгина я до сих пор не имею; о принятых им мерах мне также ничего не известно.

Мои предложения сводились к следующему: а) немедленно эвакуировать в Ташкент максимальное количество научных сотрудников; список сотрудников, эвакуация которых желательна в первую очередь, я приложил; б) в случае согласия Президиума с моими предложениями, немедленно отправляю Ф. Б. Шапиро ⁸² в Ташкент для подыскания помещений и обеспечения необходимых бытовых условий; с) как только сотрудники прибудут в Ташкент, я выеду туда же на работу.

Я продолжаю до сих пор стоять на той точке зрения, что необходимо при первой возможности эвакуировать из Ленинграда всех сотрудников, представляющих в той или иной степени научную ценность. Наш Институт понес большой урон и вряд ли целесообразно подвергать опасности и риску оставшихся сотрудников. Сотрудники физически ослабели, предстоящие осень и зима могут окончательно подорвать их здоровье. Я исхожу прежде всего из этих соображений. Конечно, я вполне представляю себе условия жизни и работы в Ташкенте. Знаю, что вряд ли удастся создать там сразу нормальные условия для работы, однако, полагаю, что сотрудники будут сохранены и кое-какая работа налажена. Я беседовал с Кара-Ниязовым ⁸³, со Струве ⁸⁴, Грековым ⁸⁵, Толстовым, и все они меня заверили, что помогут устроиться нашим сотрудникам. Повторяю, в Ташкенте будут известные трудности, но зато жизнь сотрудников будет вне опасности.

Мне кажется, что условия эвакуации теперь наиболее благоприятные, прежде всего — тепло. Продумайте, Саул Матвеевич, еще раз этот вопрос и примите благоразумное решение. Может быть, учитывая слабое состояние здоровья многих сотрудников, будет целесообразно остановиться на время где-нибудь в дороге (в Ярославской или Вологодской обл.), подкрепиться, а затем уже выехать прямо в Ташкент. Так многие делали и вполне успешно.

Никаких коллекций не советовал бы брать с собою. Зато считал бы совершенно необходимым забрать с собою все подготовленные к печати рукописи (том „Народы Европы“, том „Народы Сибири“, рукопись Тихоницкой, рукопись Попова, справочники „Народы СССР“, двухтомник „Таджики“ (монограф.) и все другие рукописи, представляющие интерес), а также все книги, которые будут необходимы для работы над вопросами, которые перечислены в Вашем плане. Ваш

план очень серьезный, и я его вполне одобряю. Я очень просил бы Вас поручить Д. А. Ольдерогге *прежде всего* следующие работы: а) этнографический очерк Африки и б) главы для истории первобытной культуры: происхождение и ранние формы земледелия, происхождение и ранние формы скотоводства. Этнографический очерк Африки попал в общий план Академии Наук и его необходимо составить в этом году. Точно также прошу поручить Бломквист и Степановой этнографический очерк Сев. Америки, который также попал в Общий план АН 1942 г. Юбилейный сборник, над которым работают Бломквист и Степанова, представляет общий интерес, и я очень просил бы выслать мне уже подготовленные части (перепечатанные на машинке) для редактирования. Мне в этом поможет здесь Л. С. Берг⁸⁶. С этим делом надо очень торопиться. Бломквист надлежит помнить, что ей придется принять активное участие в „Истории первобытной культуры“ и при выезде захватить необходимую литературу. Отдел Сибири в полном составе должен работать над окончательным редактированием тома „Народы Сибири“. Эта работа должна быть закончена в этом году.

Я нахожусь в регулярной переписке с эвакуированными сотрудниками. Н. В. Кюннеру я поручил составление этнографического очерка Индокитая. Он над этим работает. С. В. Иванов пишет свою главу, которая разрослась. В ближайшее время он обещал прислать мне ее для просмотра. С Зелениным пока не удалось столкнуться. Он предложил мне тему: «Словарь-справочник для преподавателей географии (по этнографии народов СССР)». Я эту тему не могу утвердить. С другой стороны, темы, предложенные мною, он отклонил. Я хотел, чтобы он написал этнографический очерк финнов, или какой-либо другой очерк, по его усмотрению. Не знаю, как быть с ним. Зарубин устроился в Пединституте в Сталинабаде⁸⁷ профессором. На мой запрос о теме научной работе он пока не ответил. Я предложил М. С. Андрееву⁸⁸ вступить в штат нашего Института и наметить план работы. Я от него ответа пока не имею. Вообще, он мне часто пишет. Хорошо, что Вы привлекли к работе Г. С. Виноградова⁸⁹. Я рекомендовал включить его в штат Института: он для нас очень ценный работник.

Что касается моей личной научной работы, то надо сказать следующее. Выполнить какую-нибудь работу, предусмотренную планом, мне очень трудно, не имея под руками ни одной книги по специальности. Я занялся составлением этнографического словаря. Предварительную работу я могу проделать и без книг. Я составил словник. Думаю над определением основных понятий этнографии. Все мои мысли заняты этим. Я придаю этой работе большое значение. Пока не будут определены и четко сформулированы основные понятия нашей науки, очень трудно будет вывести этнографию из того состояния, в котором она находится, и заставить всех признать ее полноценной и полноправной наукой. Конечно, без книг эта работа подвигается медленно. Однако, надеюсь, что кое-что мне удастся сделать. Кроме того, я продолжаю обрабатывать собранные мною материалы во время экспедиций.

Когда я был в Казани, я договорился принципиально о печатании тома „Народы Средней Азии“ отдельными выпусками. Однако я не мог взять на себя осуществление этой работы по следующим причинам: а) мой экземпляр не исправленный, б) меня смущает вопрос о транскрипции, с) я считал, что при новом наборе следовало бы внести в статьи некоторые изменения. Я поэтому заявил, что без Вас трудно будет печатать этот том.

Работы Петрова, Пушкаревича и Зеленина были мною переданы лично бывшему академику-секретарю А. М. Деборину⁹⁰. До сих пор не могу узнать судьбу этих работ. Я уже запрашивал В. П. Волгина, но ответа еще не имею.

Только что получил от Шапиро телеграмму следующего содержания: „Президиумом получена телеграмма 11 июля выезжают Казань Ленинградские учреждения Академии наук. Жду Вашего указания“. Хочется думать, что и Вы вывозите научных сотрудников. Это будет, как я уже говорил, очень благо разумно. Обидно будет, если упустите благоприятный случай.

Буду с нетерпением ждать Ваших дальнейших сообщений. Очень тронут

Вашим вниманием и теплым отношением к моей семье. Спасибо за заботу о моей квартире. Никогда не забуду того, что Вы для меня сделали. Привет сердечный всем сотрудникам Института. До скорого свидания. Искренне Ваш И. Винников. Привет от Марии Ефимовны⁹¹.

Я уже Вас просил при выезде захватить с собою научные материалы, сложенные в ящике в моем кабинете. Прошу Вас также забрать оба тома „Путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая“»⁹².

Хотя это письмо уже не застало адресата в Ленинграде, а потому вошло в архив Института, оно дает верное представление об основных направлениях подготовки сотрудников к эвакуации. 12 июля 1942 г. был подписан приказ по Институту этнографии АН СССР за № 72: «12 июня 1942 г. выезжаю в г. Казань вместе с эвакуированным Институтом»⁹³.

Таким образом, речь шла об эвакуации Института и фактическом перемещении его центра, который в дальнейшем уже не вернется в Ленинград. Одновременно с и. о. директора Института в Казань были эвакуированы старшие научные сотрудники Е. Э. Бломквист, Г. М. Василевич, Л. Э. Каруновская, Д. А. Ольдерогге, А. А. Попов, Н. Н. Степанов, младшие научные сотрудники Ю. М. Лихтенберг, Л. Б. Панек, Е. М. Пещерева, М. В. Степанова и научно-технический сотрудник Б. Г. Кудрявцев⁹⁴. Отдохнув в Елабуге, сотрудники отправились в Ташкент, куда прибыли 2 ноября 1942 г.⁹⁵. Таким образом, начала функционировать ташкентская группа Института — его центр в эвакуации.

(Окончание в следующем номере)

Примечания

¹ Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее — ПФА РАН). Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 44. Л. 1.

² Там же.

³ Об И. Н. Винникове подробнее см.: Милибанд С. В. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 113; Глушкина Г. М., Демидова Г. М. И. Н. Винников (К 70-летию со дня рождения) // Народы Азии и Африки, 1967. № 6. С. 155—159; Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. 1. Сб. в честь проф. И. Н. Винникова. Л., 1971; Памяти И. Н. Винникова // Народы Азии и Африки. 1974. № 5. С. 247.

⁴ ПФА РАН. Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 10 (обр. ст.)

⁶ Там же. Л. 11 (обр. ст.)

⁷ Там же. Ед. хр. 23. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 54.

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ Там же. Ед. хр. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же. Л. 12.

¹³ Там же. Л. 34.

¹⁴ Там же. Л. 27. 31—34.

¹⁵ Там же. Л. 16.

¹⁶ Решетов А. М. Отдание долга. Часть II. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР — воинов Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 3—5.

¹⁷ Там же. Л. 14, 23, 29, 32.

¹⁸ Подробнее об этом: Решетов А. М. Указ. раб. С. 6—8.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Кольцов А. В. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941—1943). М.; Л., 1962. С. 15—37.

²⁰ Об участии сотрудников Института этнографии АН СССР в Великой Отечественной войне подробнее см.: Решетов А. М. Отдание долга... // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 3—20; № 4. С. 3—24.

²¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941) Ед. хр. 44. Л. 36.

²² Там же. Л. 37.

²³ Там же. Л. 38—39.

²⁴ Кольцов А. В. Указ. раб. С. 26.

²⁵ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 33. Л. 6.

²⁶ Кольцов А. В. Указ. раб. С. 26.

²⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 37. Л. 17. 26 сентября 1941 г. Институт этнографии АН

СССР выдал архитектору Р. И. Каплану доверенность «произвести передачу уникальных и особо ценных музейных коллекций в Государственный Эрмитаж на временное хранение, а также подписать от имени Института приемно-сдаточные акты». Там же. Ед. хр. 21. Л. 20. Об Эрмитаже во время блокады см.: *Варшавский С., Рест Б.* Подвиг Эрмитажа. СПб., 1995. Жизнь Эрмитажа в период блокады дает возможность лучше понять проблемы МАЭ того же времени.

²⁸ Там же. Ед. хр. 33. Л. 6.

²⁹ Там же. Ед. хр. 24. Л. 68.

³⁰ Об этом см.: *Лавров Л. И.* Институт этнографии в дни блокады. Архив МАЭ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 6.

³¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 35.

³² Там же. Ед. хр. 33. Л. 4.

³³ Там же. Ед. хр. 21. Л. 26.

³⁴ Там же. Ед. хр. 44. Л. 41.

³⁵ *Лавров Л. И.* Указ. раб. Л. 4.

³⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 40. Л. 6—7.

³⁷ Там же. Ед. хр. 21. Л. 7.

³⁸ Там же. Л. 8.

³⁹ Там же. Л. 59.

⁴⁰ *Лавров Л. И.* Указ. раб. Л. 4.

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 21. Л. 14.

⁴² Там же. Ед. хр. 39.

⁴³ Там же. Ед. хр. 33. Л. 9.

⁴⁴ Там же. Л. 3. См. также Ед. хр. 44. Л. 51—60.

⁴⁵ Там же. Ед. хр. 44. Л. 59, 65.

⁴⁶ Там же. Ед. хр. 40. Л. 23—24.

⁴⁷ Там же. Ед. хр. 20. Л. 2—7.

⁴⁸ Там же. Ед. хр. 44. Л. 72. Не могу согласиться с негативной оценкой поведения И. Н. Винникова в период до его эвакуации из Ленинграда, данной В. Н. Волождиной. См. *Володина В. Н.* Из истории Кунсткамеры: музейные работники в годы войны и блокады // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1994. № 4. С. 163—164, 170, 173. Необъективный подход автора к личности директора приводит ее к курьезному утверждению: у всех водопровод замерз и вода не шла, а «почему-то в помещении, где жил директор музея, вода еще шла из крана» (с. 170).

⁴⁹ Там же. Ед. хр. 20. Л. 15.

⁵⁰ Там же. Ед. хр. 36. Л. 18.

⁵¹ Там же. Ед. хр. 44. Л. 59. Приказом по Институту от 15 декабря 1941 г. были отменены круглосуточные дежурства на пожарных постах; сотрудникам, находившимся на казарменном положении, было разрешено пользоваться выходными днями по особому расписанию // Там же. Л. 75.

⁵² *Лавров Л. И.* Указ. раб. С. 7.

⁵³ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 21. Л. 37, 58.

⁵⁴ Подробнее см.: *Решетов А. М.* Отдание долга... // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 40—62. «История должна донести до будущих поколений, быть может, самый потрясающий факт трагедии второй мировой войны: почти каждый второй житель осажденного в течение 872 дней и ночей города погиб от голода, обстрелов и бомбежек». См. *Соболев Г. Л.* Блокадный мартиролог: будет ли он закончен? // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 1994. Сер. 2. Вып. 3. (№ 16). С. 8.

⁵⁵ *Лавров Л. И.* Указ. раб. Л. 4.

⁵⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 21. Л. 17—18.

⁵⁷ Ленинградская правда. 5 июля 1941 г.

⁵⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 23. Л. 77.

⁵⁹ Там же. Л. 80.

⁶⁰ *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. М.; Л., 1966. С. 89—90.

⁶¹ Об этом см.: ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 2. Л. 4—24; Ед. хр. 23. Л. 69; Ед. хр. 33. Л. 8—9.

⁶² ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 2. Л. 25—28.

⁶³ Там же. Ед. хр. 33. Л. 9.

⁶⁴ Там же. Ед. хр. 20. Л. 18.

⁶⁵ Подробнее см.: *Решетов А. М.* Отдание долга... // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 40—61; № 3. С. 3—20; № 4. С. 3—22.

⁶⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 3. Л. 1—2; Разряд VI. Оп. 5. Ед. хр. 60. Л. 61—64.

⁶⁷ *Кольцов А. В.* Указ. раб. С. 96.

⁶⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1941). Ед. хр. 3. Л. 14, 18, 22.

⁶⁹ Там же. Л. 3. Ед. хр. 5. Л. 21.

⁷⁰ Там же. Ед. хр. 3. Л. 7, 16.

⁷¹ *Пушкаревич К. А.* Чехи. Историко-этнографический очерк. М.; Л., 1942; *Степанов Н. Н.* Первая экспедиция русских на Тихий океан // Изв. ВГО. Т. 75. Вып. 2. Л., 1943. С. 45—48; *Вербов Г. Д.* О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен // Там же. Т. 75. Вып. 5. Л., 1943. С. 16—23.

⁷² ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Ед. хр. 32. Л. 5, 6, 8, 11, 12, 14. Интересно попутно отметить, что 25 февраля 1942 г. в Ленинград из Башкирской АССР пришло письмо от этнографа Е. М. Шиллинга с просьбой «ходатайствовать в соответствующих органах о вызове меня в Ленинград» для работы в

Институте этнографии. Из-за отсутствия возможности вызова в блокадный город даже при наличии места ему был послан отказ: См.: Там же. Ед. хр. 8. Л. 18, 19.

⁷³ Там же. Ед. хр. 5. Л. 47; Ед. хр. 15. Л. 11—12.

⁷⁴ Там же. Ед. хр. 32. Л. 11.

⁷⁵ Там же. Ед. хр. 15. Л. 22.

⁷⁶ Там же. Ед. хр. 5. Л. 1—37.

⁷⁷ Там же. Ед. хр. 15. Л. 71.

⁷⁸ Эти воспоминания А. Н. Калдыкиной воспроизводит и В. Н. Вологодина. См.: *Вологодина В. Н.* Указ. раб. С. 174.

⁷⁹ И. Н. Винников после эвакуации из Ленинграда в Казани и Свердловске встречался с вице-президентами АН СССР академиками В. П. Волгиным и Л. А. Орбели, обсуждал с ними планы работы и положения сотрудников в блокадном Ленинграде. Для поправки здоровья после блокады был направлен в климато-кумысолечебный курорт Боровое Кокчетавской обл. Оттуда он поддерживал с Институтом и соответствующими инстанциями более или менее регулярную связь.

⁸⁰ *Орбели Леон Абгарович* (1882—1958) — русский советский физиолог, действ. чл. АН СССР (1935), АН Арм. ССР (1943) и Академии медиц. наук (1944). В 1942—1946 гг. вице-президент АН СССР.

⁸¹ *Волгин Вячеслав Петрович* (1879—1962) — русский советский историк, действ. чл. АН СССР (1930), в 1942—1953 гг. вице-президент АН СССР.

⁸² О *Шапиро Федоре Борисовиче* подробнее см. *Решетов А. М.* Указ. раб. // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 3—20.

⁸³ *Кара-Ниязов Ташмухамед Ниязович* (1897—1970) — советский узбекский ученый и общественный деятель. В 1931—1933 гг. ректор Среднеазиатского государственного университета. В 1943 г. был избран академиком и первым президентом Академии наук Узбекской ССР.

⁸⁴ *Струве Василий Васильевич* (1889—1965) — русский советский востоковед, действ. чл. АН СССР (1935), в 1937—1940 гг. — директор Института этнографии, в 1941—50 гг. — директор Института востоковедения АН СССР. В эвакуации находился в г. Ташкенте.

⁸⁵ *Греков Борис Дмитриевич* (1882—1953) — русский советский историк, действ. чл. АН СССР (1935), с 1937 г. директор Института истории АН СССР, в 1944—1946 гг. — директор ИИМК АН СССР, в 1946—1951 гг. — директор Института славяноведения АН СССР, в 1946—1953 гг. академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР.

⁸⁶ *Берг Лев Семенович* (1876—1950) — русский советский географ и биолог, действ. чл. АН СССР (1946). Президент ВГО (1940—1950).

⁸⁷ Сталинабад — ныне г. Душанбе, тогда столица Таджикской ССР. Здесь же в 1943—1945 гг. директором Республиканского Музея Таджикского филиала АН СССР работал С. В. Иванов.

⁸⁸ *Андреев Михаил Степанович* (1873—1948) — русский советский этнограф, лингвист. Член-корр. АН СССР (1929), академик АН Узб. ССР (1943). С 1947 г. работал в Сталинабаде.

⁸⁹ *Виноградов Георгий Семенович* (1887—1945) — советский этнограф, фольклорист. Во время войны предполагалось привлечь его к участию в работах Института этнографии АН СССР.

⁹⁰ *Деборин (Иоффе) Абрам Моисеевич* (1881—1963) — русский советский философ, действ. чл. АН СССР (1929), во время войны академик-секретарь бюро Отделения истории и философии АН СССР.

⁹¹ *Мария Ефимовна* — жена И. Н. Винникова.

⁹² ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Ед. хр. 25. Л. 3—6.

⁹³ Там же. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Ед. хр. 32. Л. 18.

⁹⁴ Там же. Л. 18. Особо хочу сказать о Б. Г. Кудрявцеве, бывшем ленинградском школьнике, увлекшемся дешифровкой письменности о-ва Пасхи. 7 июля 1942 г. он был зачислен в штат Института и включен в список эвакуируемых. Вместе с сотрудниками при поддержке Д. А. Ольдерогге он проделал путь до Ташкента. 12 декабря 1942 г. был освобожден от занимаемой в Институте должности ввиду его отъезда на учебу в педагогический институт г. Кзыл-Орда; в 1943 г. во время весеннего ледохода на реке он утонул. См.: Там же. Л. 17; Ед. хр. 7. Л. 7.

⁹⁵ Там же. Ед. хр. 25. Л. 15.

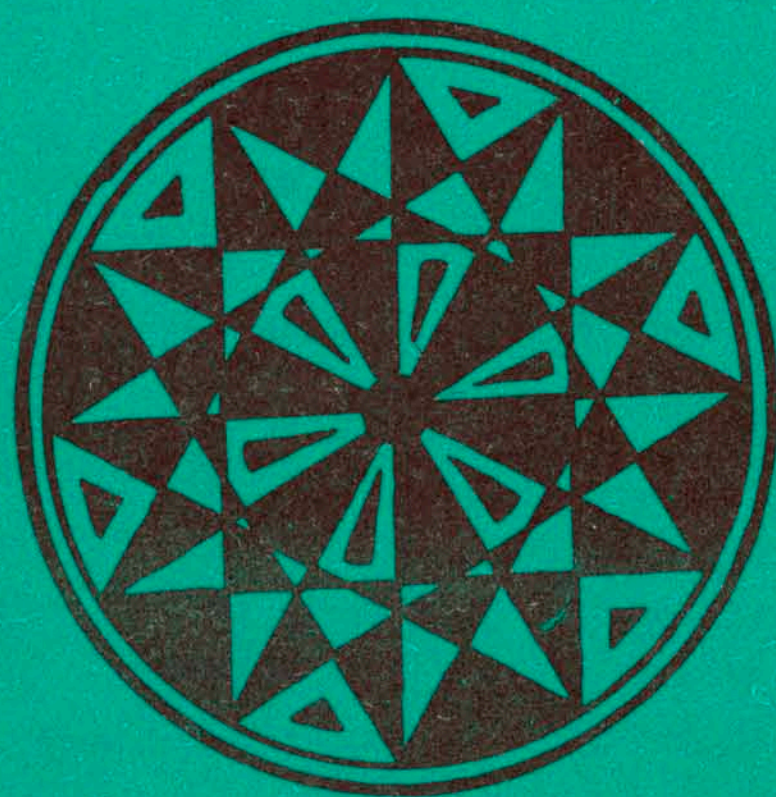
Paying the Debts. Part III. Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences During the Great Patriotic War

The present essay is the concluding part of the three-part article devoted to the Institute's activities during the 1941-1945 war. Here the Institute's work prior to the war, during the blockade and after its lifting is described. The article is based on archives materials.

A. M. Reshetov

ISSN 0869-5415

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

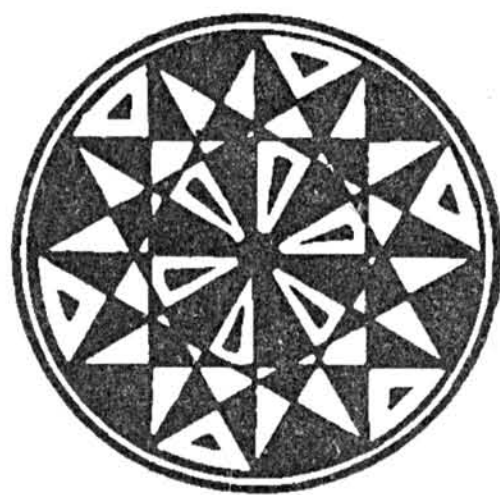
1996

№ 1

• НАУКА •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 1

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В ЯНВАРЕ 1926 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ
1996

С 1926 по 1929 г. журнал выходил под названием «Этнография»
С 1931 по 1991 г. — «Советская этнография»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю. В. Арутюнян, В. Н. Басилов, И. В. Власова (главный редактор),
Н. А. Дубова, А. А. Зубов, В. В. Карлов, А. М. Решетов, В. А. Тишков,
Д. А. Функ, Г. В. Цулая, С. В. Чешко (заместитель главного редактора),
Е. А. Шервуд

Отв. секретарь Л. Т. Соловьева

Заведующая редакцией *Е. А. Эшлиман*

Адрес редакции:

117334 Москва, Ленинский пр., д. 32а
тел. 938-18-67, 938-56-50, факс 938-06-00

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения
редколлегии и редакции

50-летие ПОБЕДЫ: СОБЫТИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, МНЕНИЯ

© 1996 г., ЭО, № 1

А. М. Решетов

ОТДАНИЕ ДОЛГА. ЧАСТЬ III.

Институт этнографии АН СССР во время
Великой Отечественной войны
(некоторые вопросы истории)*

В Ленинграде оставалась небольшая группа сотрудников — всего 21 человек, в том числе и. о. старшего научного сотрудника, уполномоченный по Институту Р. И. Каплан-Ингель, а также старший научный сотрудник, кандидат этнографии К. В. Вяткина, младшие научные сотрудники В. В. Антропова, М. Д. Торэн и В. В. Федоров, заведующая канцелярией А. Н. Калдыкина. Остальные составляли обслуживающий персонал. Руководитель группы архитектор Р. И. Каплан не поощрял занятий научной деятельностью, так как был некомпетентным в этнографии. Основное внимание он уделял музейной работе.

Уже 12 июля 1942 г. были заново распределены обязанности по наблюдению и охране коллекций и имущества Института между научными и научно-техническими сотрудниками по отделам и участкам. К. В. Вяткина отвечала за Отдел Восточной и Южной Азии (Япония, Китай, Монголия, Индия, Индонезия) и Отдел антропологии; М. Д. Торэн — Европа, Океания и Первый отдел (вводный, на 3-м этаже нового флигеля) и фонды; В. В. Антропова — Сибирь, Средняя и Передняя Азия, архив; С. И. Чухман — Америка, Африка; В. В. Федоров — археология, фонды; Х. А. Штейн придавался в помощь М. Д. Торэн и В. В. Федорову по охране, наблюдению за ценностями и обслуживанию фондов; А. А. Белоус — фотонегативы и фотолаборатория¹. В связи с эвакуацией части сотрудников был изменен и заново утвержден состав унитарной команды: химзвено из четырех человек (командир В. В. Федоров), санзвено также из четырех человек (командир А. А. Белоус) и пожарное звено из девяти человек (командир Е. А. Максимова)².

У оставшихся в Ленинграде возросла нагрузка, связанная с перепиской и ответами за запросы о сотрудниках Института. Одни запрашивали документы на родственников, погибших во время войны или блокады. Другие интересовались сражавшимися на фронтах. Третьих волновала судьба квартир эвакуированных из Ленинграда родственников и т. д. Особенно активной, естественно, была переписка с теми сотрудниками, которые эвакуировались в Ташкент. Хорошо зная о тяготах и лишениях блокадной жизни, уехавшие коллеги еще с дороги начали присылать в Институт посылки...

В самом конце 1942 г. Президиум АН СССР неожиданно принял решение о замене руководства Института этнографии АН СССР. Существует предположение, что непосредственным поводом для освобождения И. Н. Винникова от должности директора явилось некое «криминальное» письмо, отправленное им заместителю директора С. М. Абрамзону. Из-за отсутствия в Ленинграде Абрам-

* Начало III ч. статьи см. ЭО, 1995 г., № 6.

зона письмо директора по решению группы сотрудников Института было вскрыто и предано гласности.

После долгих поисков мне удалось обнаружить копию этого письма в архиве чл.-корр. АН СССР, проф. В. И. Равдоникаса. То, что эта копия аналогична подлиннику, подтверждает другая копия, снятая Д. А. Ольдерогге и хранящаяся в его домашнем архиве. Наличие независимых копий, снятых в те далекие времена, свидетельствует о большом интересе и резонансе, которое письмо Винникова вызвало в научных кругах. Именно поэтому, как мне представляется, необходимо привести этот документ полностью, особенно в связи с рассматриваемой нами темой.

«24.VII.1942 г. Дорогой Саул Матвеевич, я полагаю что Вы добрались благополучно до Казани. Очень жаль, что Вы не телеграфировали мне с дороги, в частности, о благополучном переезде через Озеро³. Я все волнуюсь. Не могу дождаться вести о Вас. Обыкновенные телеграммы, поданные в Казани, получают здесь на 6 или 7 день. Поэтому по срочным вопросам надо сноситься срочными телеграммами, которые, как правило, получают на второй день.

В целях укрепления академических учреждений и повышения их авторитета предполагается на ближайшей сессии Академии Наук, которая состоится ранней осенью, выбрать целый ряд новых академиков и членов-корреспондентов. Выдвижение кандидатов уже началось давно. Мне кажется, что наш Институт, как никогда раньше, нуждается в укреплении. Я в этом неоднократно убеждался. Особенно в настоящий момент, когда предстоит устраиваться на новом месте в очень тяжелых условиях⁴, авторитет руководства Института приобретает исключительное значение.

В интересах развития нашей науки и обеспечения условий для завоевания ею соответствующего места в ряду общественных наук, представляется совершенно необходимым укрепление руководства Института и повышение его авторитета. Учитывая главным образом это обстоятельство, академик В. М. Алексеев⁵ по собственной инициативе выдвинул меня в члены-корреспонденты. Он направил представление в Отделение языка и литературы и написал также академику-секретарю Отделения истории и философии В. П. Волгину. Я со своей стороны обдумываю план присуждения ученой степени Вам. Полагаю, что мне удастся это устроить. Это до известной степени вознаградит Вас за Вашу самоотверженную и героическую работу по сохранению Института, его материальных и людских ценностей. Мое отношение к Вашей работе подробно изложено в моем письме к Вам от 9 июля.

Если Вы согласны с моей точкой зрения, а мне кажется, что у нас существует полное единство в этом вопросе,— я попрошу Вас принять все зависящие от Вас меры к обеспечению успеха этого дела. В частности, Вам надлежало бы обратиться с объяснительной докладной запиской в ЦК ВКП(б) (Отдел кадров или Отдел науки), где будет согласовываться вопрос о выдвинутых кандидатах. Вам это нетрудно будет сделать, так как в 1938 г. Вы, как будто, что-то обо мне писали и говорили, когда Институт выдвигал меня в члены-корреспонденты. Если ЦК ВКП(б) не будет дано соответствующее указание В. П. Волгину, вряд ли моя кандидатура пройдет: слишком много выдвинуто кандидатов и слишком недоброжелательно относятся ко мне некоторые, к сожалению, влиятельные академики. Ваша докладная записка должна содержать следующие элементы:

а) Общая характеристика состояния Института этнографии и положение этнографии в нашей стране;

б) указание на ненормальность и недопустимость того положения, что в составе АН нет ни одного академика и ни одного члена-корреспондента по специальности этнографии, при той роли, которую должна играть в нашей стране этнография;

в) указание на то, что в Институте этнографии,— одном из крупнейших учреждений АН,— нет ни одного академика и есть только один член-корреспондент по специальности славянской филологии;

- г) общая характеристика моей научной и педагогической деятельности;
- д) указание на то, что моя кандидатура в директора Института этнографии была выдвинута Горкомом Ленинграда и поддержана ЦК ВКП(б);
- е) указание на то, что я был выдвинут в члены-корреспонденты в 1938 г., но не баллотировался из-за недостатка вакансий.

Было бы хорошо, если бы обратились от лица Института также к В. П. Волгину. Письмо В. П. Волгину должно содержать те же элементы.

Я хочу Вас заверить, дорогой Саул Матвеевич, что обращаясь к Вам с этим делом, я меньше всего преследую личные цели. Это прежде всего требуют интересы нашего общего дела, которому мы посвятили всю нашу жизнь и для процветания которого мы готовы на любые жертвы.

Ф. Б. Шапиро, думаю, сделал все, что мог, чтобы облегчить Вашу жизнь в Казани. Он будет совершенно незаменим при устройстве Института на новом месте.

Ко мне обратился Стратанович с просьбой о восстановлении на работе. Я ответил ему через Ф. Б. Шапиро, что должен воздержаться от этого, пока не получу от Вас точных сведений о причинах его увольнения.

До сих пор я ничего не получил от моей невестки. Я телеграфировал ей срочно, как только получил Вашу телеграмму, но ответа не имел. Может быть, Вы что-нибудь знаете о ней.

Жду с нетерпением сведений от Вас.

Всего доброго. Искренне Ваш И. Винников. Мария Ефимовна просит передать Вам сердечный привет»⁶.

Очевидно, письмо было прочитано лицами, которым оно не предназначалось, около середины августа 1942 г. Не буду анализировать текст письма. Сегодня оно читается и воспринимается несколько иначе, чем в то время, по свежим следам и в соответствии с общей обстановкой в стране. Можно понять стремление И. Н. Винникова попасть в члены-корреспонденты АН СССР. Его избрание, несомненно, повысило бы личный престиж и могло способствовать в сложное военное время решению тех вопросов, в которых были заинтересованы сотрудники Института как в блокадном Ленинграде, так и в Ташкенте.

Однако совершенно очевидно и другое. А именно желание Винникова быть избранным в АН СССР с помощью членов Академии, с которыми он был в Боровом, а также своих ближайших помощников в Институте, в первую очередь С. М. Абрамзона, которому он щедро обещал степень кандидата исторических наук. Расчет был прост: *Do ut des*⁷.

Неизвестно, что в сложившихся условиях успел сделать для выполнения поручения шефа С. М. Абрамзон. В ноябре 1942 г. Винников приехал в Ташкент и приступил к прямому исполнению обязанностей директора Института этнографии АН СССР. 1 декабря он подписал приказ о зачислении в штат Института на должность младшего научного сотрудника Отдела Сибири Е. Д. Прокофьевой, а 21 декабря на должность старшего научного сотрудника Отдела Передней и Средней Азии А. А. Семенова⁸.

Тогда же, 21 декабря 1942 г. состоялось заседание Президиума АН СССР. На нем по докладу вице-президента акад. В. П. Волгина «Об Институте этнографии АН СССР» было принято следующее постановление: «1. Освободить проф. И. Н. Винникова от занимаемой должности директора Института этнографии АН СССР.

2. И. о. директора Института этнографии АН СССР назначить д.и.н. С. П. Толстова, сохранив за ним должность заведующего Московским отделением Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР.

Назначить заместителями заведующего Московского отделения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра: по Московской группе старшего научного сотрудника В. Н. Чернецова, по Ташкентской группе проф. А. Ю. Якубовского.

3. Разрешить Институту этнографии организовать Московскую группу, пере-

дав этой группе из Комиссии по этногенезу при Отделении истории и философии АН СССР Группу карт народов с бюджетом и штатами.

Непосредственное руководство Московской группой Института этнографии возложить на и.о. директора Института доктора исторических наук С. П. Толстова.

Президент Академии Наук СССР
Секретарь Президиума
Академии Наук СССР

академик *В. Л. Комаров*
академик *Н. Г. Бруевич* ⁹.

В Ташкент проф. И. Н. Винникову *post factum* ¹⁰ была послана телеграмма следующего содержания: «Постановлением Президиума АН СССР от 21 декабря Вы освобождены от должности директора Института этнографии. Исполнение обязанностей директора возложено на проф. Толстова. Вице-президент АН Волгин» ¹¹.

Эти документы я намеренно привожу полностью, чтобы показать, что все было сделано келейно. Отчет директора Института Винникова не заслушивался. Никакого плана основных мероприятий по восстановлению и перестройке работы Института намечено не было, тем более что изменялся научный статус и научная деятельность института, как утверждалось позднее ¹².

Проф. Винников даже не предполагал о готовившемся мероприятии, о чем свидетельствует его подробное и аргументированное письмо Президенту АН СССР акад. В. Л. Комарову ¹³.

Несомненно, о готовившемся решении знал С. П. Толстов. Можно предположить, что не только знал, но и в меру сил, используя свои связи в Президиуме, способствовал принятию такого решения. А связи у Толстова были. Именно они помогли ему выйти победителем в борьбе за руководство московским отделением Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР (ИИМК), оттеснив С. В. Киселева и А. В. Арциховского ¹⁴.

Вскоре Толстов, уже став директором Института этнографии АН СССР и сохраняя за собой пост заведующего московским отделением ИИМК, попытался объединить оба эти учреждения под своим руководством. Однако осуществить этот далекоидущий план ему все же не удалось.

Как представляется, в смене руководства Института этнографии приведенное выше злополучное письмо сыграло свою роль, хотя и не следует преувеличивать его значение. Оно явилось лишь поводом для перевода центра этого Института в Москву. Именно в военные годы руководство Академии наук самостоятельно или по указанию сверху начало проводить политику перевода крупных научных учреждений или по крайней мере их центров в Москву.

К концу 1942 г. центр Института этнографии АН СССР находился фактически в Ташкенте. Как было воспринято сотрудниками Института известие о смене руководства и перспективах развития, сказать сегодня трудно. Но некоторые данные все же удалось отыскать в петербургских архивах.

Один из ведущих сибиреведов А. А. Попов в письме из Ташкента заведующему Отделом М. А. Сергееву 18 января 1943 г. писал: «Очень жалею, что нет здесь Вас вместе с нами. Не с кем поговорить, не с кем как следует посоветоваться. Отношением дирекции (теперь уже экс-дирекции) очень недоволен. Видишь, что люди стараются только делать свою карьеру, а на дело наплевать. Ну да бог с ними! Не знаю, что даст новая дирекция?»

В общем следует сказать, что старая дирекция получила поделом. Наш директор приехал к нам с большим апломбом, рассказывал, как он в Боровом проводил время и как они — Фрейман ¹⁵, акад. Алексеев и др. — занимались весьма серьезными делами — устраивали торжественные заседания, где выступали с некрологами об умерших товарищах. Причем торжественно добавлялось, что об умерших получали самые точные сведения. Какой цинизм!

Простите за мою резкость, бездельники вместо того, чтобы думать, как бы помочь умирающим, трусы, первыми убежавшие из Ленинграда, занимались

пуфами¹⁶. Через некоторое время после приезда директора грянул гром. Получилась телеграмма от Волгина освободить Винникова от должности директора, Абрамзону ехать в Москву для сдачи дел новому директору Толстову. Будет ли существовать наш институт самостоятельно? В общем перспективы неважные»¹⁷.

Многочисленные письма, с которыми мне удалось познакомиться в архивах, свидетельствуют, что сотрудники с нескрываемой тревогой и исключительным вниманием следили за развитием ситуации.

С начала 1943 г. Институт этнографии по существу уже состоял из трех групп: ленинградской, ташкентской и московской. Даже сегодня трудно разобраться в организационных проблемах, которые хотел решить новый директор. Хотя С. П. Толстов был назначен директором Института, центр которого временно находился в Ташкенте, он совершенно очевидно направил основные усилия на укрепление московской части, в которой он, как представляется, сразу уже видел центр Института.

Приказом директора в Москву на работу были зачислены первые научные сотрудники — известные ученые В. В. Богданов, М. О. Косвен и В. К. Никольский, 5 февраля на должность и.о. ученого секретаря был приглашен М. Г. Рабинович, который 11 февраля принял дела у С. М. Абрамзона, вызванного с этой целью из Ташкента в столицу¹⁸.

Таким образом, свои первые действия С. П. Толстов, как директор, направил на формирование научного коллектива и административного центра Института в Москве. Так, с 1 февраля М. О. Косвен был зачислен не просто на должность старшего научного сотрудника, а на должность заведующего Отделом Кавказа (в связи с трагической гибелью в ленинградской тюрьме А. Н. Генко), тогда вакантную¹⁹, В. В. Богданов — на должность старшего научного сотрудника Отдела Европы²⁰.

1 марта на вакантную в Институте должность заведующего Отделом Австралии и Океании был утвержден С. А. Токарев²¹. В докторантуру привлечен В. Н. Чернецов, в аспирантуру 10 мая был зачислен Г. Г. Стратанович²². С 1 апреля в штате уже числился Е. М. Шиллинг²³. Московская часть Института росла стремительно. К 20-м числам августа она уже насчитывала 29 научных работников, в том числе 18 штатных (из них 9 докторов, профессоров, 3 доцента, 3 кандидата, 4 старших научных сотрудника без степени, 1 младший научный и 1 научно-технический сотрудник), 2 докторанта и 9 аспирантов²⁴.

Помимо уже известных лиц назову В. В. Бунака, Г. Ф. Дебеца, Б. А. Рыбакова, Т. А. Трофимову, Н. Н. Чебоксарова. Как признавал сам С. П. Толстов, были «собраны все бывшие налицо этнографы» в Москве²⁵. К этому времени большинство постов заведующих отделами заняли москвичи: С. А. Токарев возглавил Отдел Австралии, Океании и Америки, М. О. Косвен — Отдел Кавказа и Европы, С. П. Толстов — Отдел Восточной, Передней и Средней Азии, Б. А. Рыбаков — Отдел археологии, В. В. Бунак — Отдел антропологии²⁶. В Москве был сформирован и утвержден Президиумом АН СССР Ученый совет, в состав которого вошли академики Б. Д. Греков и Н. С. Державин, члены-корреспонденты АН СССР А. Д. Удадьцов и Д. К. Зеленин, профессора и доктора С. П. Толстов, С. А. Токарев, Н. В. Кюнер, И. И. Зарубин, В. В. Богданов, М. О. Косвен, В. В. Бунак, Г. Ф. Дебец, Б. А. Куфтин, Д. А. Ольдерогге...²⁷.

Все эти события хронологически выстроены мною по архивным материалам, но мне кажется необходимым привлечь свидетельство современника тех дней. Думаю, что мнения С. А. Токарева и Д. А. Ольдерогге являются авторитетными и к ним следует относиться с доверием.

В своем дневнике С. А. Токарев 9 апреля 1943 г. записал: «Разговор с Толстовым о структуре Ин-та Этнографии и планах работы. Он хочет изменить структуру: укрупнить отделы (Европа, Сибирь, Ближний и Средний Восток, включая Африку, Дальний Восток с Индонезией, Австралия и Океания с Америкой...)»²⁸. Справедливости ради отмечу, что в то время широта планов, увлеченность пере-

стройкой на радостях так увлекали С. П. Толстова, что он мыслил фантастическими категориями. Запись в том же дневнике от 8 октября: «В И. Э. ...разговор с Толстовым о плане работы — моей и отдела Австралии, Океании и Америки. Т. настаивает на включении в перспективный план — этнографической экспедиции на Нов. Гвинею: я считаю это фантастикой и не думаю, чтобы кто-нибудь согласился поехать на долгий срок (а на короткий срок нет смысла) в эту нездоровую местность; но на всякий случай в план поставлю. Основное же содержание плана работы — составление многотомника „Народы мира“...»²⁹.

В письме к М. А. Алексееву от 12 сентября 1943 г. Д. А. Ольдерогге писал из Ташкента: «Наш институт перестраивается заново, постепенно превращаясь в московское учреждение. В Москве организован Ученый Совет Института, где собраны все этнографы Москвы и Ленинграда. Центр Института — Москва. Заметно стремление, воспользовавшись эвакуацией, сосредоточить Академию Наук в Москве, оставив в Ленинграде лишь филиалы. Так сделали с Институтом истории материальной культуры. Московское его отделение — центр, а Ленинградский центр превратили в филиал. С Ташкентской группой нашей (мое впечатление) не считается — пульс жизни в Москве...»³⁰.

Попыткой провести еще некоторые глубокие преобразования является поездка С. П. Толстова в сопровождении В. Н. Чернецова в Ленинград, куда он прибыл 22 августа 1943 г. и находился там около недели. 26 августа состоялось общее производственное совещание сотрудников ленинградской группы Института этнографии АН СССР, на котором новый директор выступил с докладом. Протокол записи этого выступления выглядит следующим образом:

«С. П. Толстов знакомит совещание с причинами, вызвавшими смену руководства Института: постепенное снижение авторитета Института, как советского научного учреждения. Фактическое самоустранение руководителя Института от руководства во время войны. Прежняя точка зрения руководства Винникова пошла по пути отграничения этнографии от смежных дисциплин (напр., от истории, фольклора, антропологии, археологии и т. п.).

Антропология и археология оставлены только в Музее, но не в Институте. Этнография обратилась в описательную науку. Выпарилась у нее живая мысль настолько, что, например, журнал „Советская этнография“ потерял интерес для широких масс. Характерен такой факт, что представитель Академкниги возражал против включения в план издательства „Советской этнографии“ ввиду отсутствия интереса к ней со стороны книжного рынка.

Необходимо резко изменить курс. Этнография призвана играть огромную государственную роль. Война помогла выявить роль этнографии и ее задачи.

Страна требует от этнографии освещения следующих вопросов: 1) этнический состав различных стран, находящихся в центре мировой политики.

2) Война ведется на разных территориях. Надо знать, с какими народами придется столкнуться. Каков у них быт и материальная культура.

3) Национальный вопрос. Фашисты лгут об истории народов, откуда они произошли и об их взаимодействиях. Надо объективно осветить вопрос о происхождении народов (этногенез).

Не надо отгораживаться от фольклора, антропологии. Они помогают разобраться в ряде вопросов. Надо тесно связывать работу этнографов с работой историков и работниками других смежных дисциплин.

Эта установка поставлена перед ташкентской группой и принята ею с энтузиазмом.

Надо организовывать группу в Москве...»³¹.

Очевидно, каждый документ рассматривается в контексте своего времени иначе, чем по истечении определенного времени, например, сегодня, когда мы имеем возможность взглянуть на происшедшие события, зная историю до и после них. Что же говорить о необходимости создания московской группы, если к этому времени она насчитывала 29 сотрудников, т. е. численно превосходя как ленинградскую, так и ташкентскую группу в отдельности.

Учитывая потери от голода в блокадном Ленинграде и на фронтах Великой Отечественной войны, две последние группы были сильно ослаблены. Оставшиеся в живых практически все пережили трагическую зиму 1941/42 г. в Ленинграде, в меру сил работали именно над той тематикой, о которой говорил директор. С. П. Толстов был не прав, упрекая прежнее руководство в недооценке сотрудничества с представителями смежных наук.

Согласно постановлению Президиума АН СССР от 5 июля 1937 г., Институт этнографии АН СССР обязан был строго соблюдать свой этнографический профиль, археология передавалась в ИИМК, а работы по антропологии должны были быть сосредоточены в Институте антропологии при МГУ. Только благодаря наличию в Музее этнографии богатейших археологических и антропологических коллекций Институту удалось добиться сохранения кадров антропологов и археологов для развития соответствующих отделов.

Позднее, в 1939 г., выполняя постановление Президиума Академии наук, Институт этнографии передал в Институт литературы АН СССР фольклорную комиссию³². Однако справедливости ради все-таки отмечу, что и после 1937 г. антропологические, археологические и фольклористические работы по-прежнему проводились в Институте, правда, по ряду причин не в прежнем объеме. К работе Института и к его руководству никогда никем не высказывались никакие претензии.

Таким образом, из всех заявленных С. П. Толстовым причин смены руководства остается только та, которую он определил как «фактическое самоустранение руководителя Института от руководства во время войны».

По итогам пребывания С. П. Толстова в ленинградской части им было издано распоряжение за № 12 от 28 августа 1943 г. В нем говорилось: «За образцовое состояние зданий и коллекций Института этнографии, явившееся результатом самоотверженной работы коллектива Ленинградской группы Института, уполномоченному Института этнографии по Ленинграду и.о. старшего научного сотрудника Р. И. Каплан-Ингелю и всем научным, научно-техническим и техническим сотрудникам и рабочим Ленинградской группы Института этнографии, а именно т.т. Вяткиной К. В., Антроповой В. В., Федорову В. В., Торэн М. Д., Аверьяновой В. С., Калдыкиной А. Н., Максимовой Е. А., Макаровой А. А., Штейн Х. А., Константиновой М. Т., Андросовой Н. В., Артамоновой П. Н., Каплан З. И., Васильевой Е. И., Кармановой О. П., Егоровой Е. Е., Евстратовой М. В., Горюновой А. Ф.— объявляю благодарность с занесением в личное дело.

Предлагаю уполномоченному Института этнографии т. Р. И. Каплан-Ингелю принять все меры к обеспечению и в дальнейшем столь же дисциплинированной и систематической работы по охране коллекций и здания. Задача сохранения здания и коллекций, пока враг находится у ворот Ленинграда, остается главной задачей работы Ленинградской группы Института.

В целях улучшения организации проводимой научными сотрудниками в свободное от работы по охране коллекций и здания время научно-исследовательской работы, создать при Ленинградской части Института научно-исследовательскую группу в составе и.о. ст.н.с. Р. И. Каплан-Ингеля, ст.н.с. канд. наук К. В. Вяткиной, м.н.с. В. В. Антроповой, м.н.с. М. Д. Торэн, м.н.с. В.В. Федорова. Заседания группы проводить по графику, утвержденному уполномоченным Института этнографии по Ленинграду т. Каплан-Ингелем.

Исполнение обязанностей ученого секретаря при уполномоченном Института этнографии по Ленинграду возложить на канд. наук. ст.н.с. К. В. Вяткину.

В качестве постоянного ученого консультанта научно-исследовательской группы утвердить профессора, доктора Ю. П. Францева.

Исследовательская работа научных сотрудников Института должна проводиться только в выделенное для этого распоряжением уполномоченного Института этнографии по Ленинграду дни и часы и ни в коем случае не в ущерб выполнению основных работ, связанных с охраной коллекций и здания...»³³.

Во время пребывания в блокадном Ленинграде С. П. Толстов предпринял еще

одну, быть может, последнюю попытку объединения Института этнографии и ИИМК. Именно с этой целью он взял себе в компаньоны для ленинградской поездки В. Н. Чернецова. На мой вопрос М. Г. Рабиновичу, тогдашнему Ученому секретарю Института этнографии в Москве, я получил ответ, который уточнял некоторые обстоятельства дела. «Я помню, — отмечал Михаил Григорьевич, — что Сергей Павлович ездил с Чернецовым в Ленинград как раз потому, что там мог возникнуть (кажется, и возник) ряд общих вопросов, касавшихся и этнографии, и археологии»³⁴.

Успехи на фронтах в 1943 г. и особенно в 1944 г. создавали новые, более благоприятные возможности. Это проявилось прежде всего в возобновлении экспедиционной деятельности. Уже в 1943 г. выехала в этнографическое поле Е. Э. Бломквист, изучавшая быт казаков-уральцев. В 1944 г. работали дагестанская (руководитель Е. М. Шиллинг) и полтавская (руководитель Н. Н. Чебоксаров) экспедиции. В Туркмении собирала материал В. Г. Мошкова, в Киргизии — С. М. Абрамзон, у дунган Средней Азии — Г. Г. Стратанович и т. д.³⁵.

Определенная стабильность позволяла разворачивать все шире и шире научно-исследовательскую работу. 30 ноября 1943 г. московские сотрудники приняли участие в научном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения Д. Н. Анучина, и 23—25 декабря того же года — в научной сессии, посвященной этногенезу славян, которая проводилась в Государственном историческом музее³⁶.

В августе 1943 г. по настоянию ленинградских сотрудников была организована научно-исследовательская группа, в которую вошли научные работники смежных специальностей. Ее деятельность возглавил Ю. П. Францев; ученым секретарем была утверждена К. В. Вяткина, прочитавшая на первом заседании доклад о пережитках материнского рода у бурят³⁷.

Намечались и постепенно начали претворяться в жизнь планы восстановления научной деятельности в Ленинграде. Регулярно проводились научные заседания и в Ташкенте. В архивах и местных музеях Ташкента, Самарканда и Фрунзе ташкентцы выявили значительное количество этнографических материалов, которые использовали в своих докладах и исследованиях³⁸.

Совместно с сотрудниками эвакуированного ИИМК и кафедрой искусствоведения Среднеазиатского Государственного университета они провели научную сессию по проблемам первобытного искусства в Ташкенте и в сотрудничестве с местным музеем — по этнографии народов Средней Азии в Самарканде³⁹.

Сотрудники Института этнографии преподавали в вузах Ташкента и других городов Узбекистана, оказывали значительную помощь узбекским научным и музейным работникам. Оценивая помощь ленинградских ученых в развитии этнографической науки в республике, Президиум АН УзбССР наградила Институт этнографии АН СССР Почетной грамотой.

Научную работу сотрудников в Ленинграде и даже в Ташкенте обеспечивала институтская библиотека. Только к началу марта 1943 г. ташкентцам было отправлено 1100 книг (28 ящиков). Книги находились еще в восьми ящиках с другими научными материалами (преимущественно рукописями), которые готовили к отправке сотрудники Института⁴⁰.

В годы блокады ленинградцы проводили большую работу по обеспечению сохранности коллекций. Для предохранения предметов и имущества от сырости помещения в сухие и теплые дни проветривались. Коллекции проверялись на зараженность молью и жучками. Ткани, кожаные и меховые вещи выносили во двор, просушивали и проветривали, после чего во время укладки в хранилища пересыпали нафталином. В выборочном порядке то же самое проделывалось с вещами, упакованными в ящики. Когда обнаруживалось, что темнота, сырость, сотрясение во время бомбежек оказали отрицательное влияние на сохранность небольшой части анатомических коллекций, по указанию специалистов были приняты своевременные меры для приведения экспонатов в порядок⁴¹.

Все виды работ находились в поле зрения музейных работников, даже такие, казалось бы, незначительные, но тем не менее необходимые, как проверка всех

ключей, изготовление новых ключей к незакрывававшимся шкафам и сундукам, составление списков шкафов и снабжение их бирками.

Все время блокады приходилось оперативно решать вопросы сохранности самого здания, сильно страдавшего от налетов вражеской авиации и артиллерийских обстрелов (была повреждена кровля здания, разрушена часть парапета и балясников, нанесены повреждения кирпичным стенкам и штукатурке, нарушена изоляция подвальных бетонных полов, разбита часть оконных переплетов, перекошены двери, выбиты оконные стекла). Кроме повреждения конструктивных элементов здания частично пострадало и оборудование музея от осколков, а также от сырости и протечек⁴².

Согласно официальному отчету, в годы блокады «из экспонатов пострадали модели японских парусников, поцарапаны японские лаковые изделия. Повреждены некоторые части моделей жилищ, частично повреждены некоторые культовые маски („уам“) монгольской экспозиции. У некоторых экспонатов в Отделе фондов (щиты, оружие) отвалились мелкие части, повреждена часть манекенов, от сырости покособилась часть иллюстративного материала, текстажа и фотоэкспонаты»⁴³. Какая скрупулезная точность в оценке повреждений! Какое осознание своей личной ответственности за сохранность не только уникальных коллекций, но и самого обычного музейного имущества!

Музей понес колоссальный урон. Он подсчитан при оценке поврежденного имущества, прежде всего исторического здания Кунсткамеры, и составил на конец 1943 г. 2 437 538 руб. В состав Чрезвычайной комиссии по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников по выявлению и учету причиненного ущерба по ленинградским учреждениям АН СССР 20 мая 1943 г. была включена от МАЭ и.о. ученого секретаря Института в Ленинграде К. В. Вяткина⁴⁴.

Перестроечные процессы, начавшиеся в Институте в 1943 г., по существу были закреплены в научно-организационном и научном плане в 1944 г. Решением Президиума АН СССР от 9 февраля 1944 г. Институту этнографии АН СССР разрешалось организовать отделение в Москве. Быстро рос численный состав московской части Института, что позволило С. П. Толстову существенно пересмотреть планы научной деятельности Института, изменить состав исполнителей основных работ.

Известно, что до войны в Ленинграде велась работа по подготовке четырехтомника «Народы СССР» и двухтомника по зарубежным народам. Теперь эти издания были объединены, новая серия получила название «Народы мира». Ленинграду были оставлены тома «Народы Средней Азии» и «Народы Сибири». Центр по подготовке всех других томов оказался перенесенным в Москву, хотя некоторые из них практически были завершены в довоенный период, например, по восточным славянам и неславянским народам Европейской части СССР⁴⁵.

Ленинградская часть была по-прежнему разделена на две группы — ташкентскую и собственно ленинградскую. После полного снятия блокады 27 января 1944 г. создались условия для возвращения сотрудников в родной город. 19 мая в Ленинград вернулся и.о. ученого секретаря Института в Ташкенте Д. А. Ольдерогге, 19 июня Г. М. Василевич, 14 августа зам. директора Н. Н. Степанов, возглавивший ленинградскую часть Института, а также А. А. Попов, М. В. Степанова и М. М. Посенковская. Из других городов вернулись И. И. Зарубин (12 сентября), Н. В. Кюнер (16 сентября), В. В. Гинзбург (1 октября), Т. Л. Юзепчук (1 декабря), М. А. Сергеев (1 ноября)⁴⁶.

Увеличение состава за счет возвратившихся сотрудников (новых в Ленинграде, в отличие от Москвы, не появлялось) создало лучшие условия для организации наблюдения за сохранностью музейных коллекций, научных материалов и имущества. Это позволило приступить к возрождению структуры отделов. Заведование Отделом Сибири с 1 октября было возложено на А. А. Попова, Отделом Восточной и Южной Азии — на Н. В. Кюнера, Отделом Передней и Средней Азии —

на И. И. Зарубина⁴⁷. В конце года в Институт были зачислены первые аспиранты: Л. А. Молчанова, Т. В. Станюкович, А. И. Новиков, В. Г. Кузнецова⁴⁸.

Ленинградские сотрудники получали материальную помощь в виде ордеров на приобретение одежды и обуви. 3 октября 1944 г. с заявлением в дирекцию по такому вопросу обратился Н. В. Кюннер: «Находясь в течение трех лет в эвакуации и не получая никакого промтоварного снабжения, я совершенно обносился и остро нуждаюсь в ботинках, которые проносились настолько, что их не берут в ремонт, и галошах, которые прорвались и протекают. Для наступающей зимы я нуждаюсь в костюме (зимнем), так как имею лишь летний костюм»⁴⁹.

Несмотря на все трудности, сотрудники подписались на 8070 руб., что составляло 131,33% от их зарплаты⁵⁰. Используя уже накопленный опыт, сотрудники занимались огородничеством⁵¹. Радостным событием в конце 1944 г. было награждение первой группы сотрудников драгоценной наградой — медалью «За оборону Ленинграда». В 1944 г. велась переписка с вышестоящими академическими инстанциями о необходимости реэвакуации всех остальных сотрудников.

В 1945 г. происходил значительный рост научного потенциала коллектива в Москве и частичное восстановление его в Ленинграде. Нельзя согласиться с утверждением, что «по мере возможности были восполнены потери в научных кадрах, которые понес Институт в первые годы войны»⁵². К концу 1945 г. в штате Института насчитывалось 148 человек, примерно поровну распределенных между Москвой и Ленинградом⁵³.

Напомню, что коллектив Института в Ленинграде в первой половине 1941 г. насчитывал 108 человек. Политика С. П. Толстова, направленная на перетягивание центра Института в Москву и создание там численно превосходящего ленинградскую часть коллектива, восторжествовала при полной поддержке Президиума АН СССР.

Залечивал свои раны Ленинград, но людские потери оказались тяжелыми и невозможными. Каждый раз были радостными встречи с возвращавшимися из эвакуации или с фронта сотрудниками. 20 апреля 1945 г. вернулся из Самарканда Д. К. Зеленин, а 17 мая приступили к работе вернувшиеся из Ташкента руководитель группы Е. Э. Бломквист, заведующая библиотечным абонементом Ю. М. Лихтенберг, С. М. Абрамзон, Л. Э. Каруновская, Л. Б. Панек, Е. М. Пещерева, Б. В. Фирштейн, Г. Г. Стратанович, Ф. Б. Шапиро и Т. С. Земскова, а также С. В. Иванов, возвратившийся из Сталинабада. Восстановлены в своих должностях Э. В. Зиберт, К. Л. Задыхина, С. Н. Замятнин, а также зачислены в штат бывшие воины Н. Н. Волков, Г. А. Гловацкий...⁵⁴ «Тогда считать мы стали раны, товарищей считать...».

Приказом директора Института от 21 мая 1945 г. в Ленинграде были образованы уже не отделы, а группы Европы во главе с Е. Э. Бломквист, Америки и Океании во главе с Д. А. Ольдерогге⁵⁵. Просто нельзя не обратить внимания на волюнтаристское распоряжение кадрами: американистка Е. Э. Бломквист, например, при наличии в штате выдающего слависта чл.-корр. Д. К. Зеленина была назначена руководить группой Европы, а африканиста Д. А. Ольдерогге призвали руководить группой Америки и Океании. Может быть, теперь это воспринимается как нонсенс, а тогда все молчали и находили этому обоснование...

Велика была радость, гордость за происходящие события. Ленинградцы всю первую половину 1945 г. готовились к открытию Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. К 220-летию АН СССР (июнь 1945 г.) была развернута юбилейная выставка. Временные выставки следовали одна за другой: по Болгарии, Индонезии, по айнам; выставлены были коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая...⁵⁶. 13 мая прошла научная сессия памяти В. Г. Богораза, а 7—17 июня была проведена большая научная сессия, в которой участвовали многие сотрудники Института⁵⁷.

Однако главную радость составляло осознание, что все горести позади, а впереди много любимой работы, что многонациональный советский народ одержал великую Победу. Трудная жизнь и напряженная работа продолжались...⁵⁸.

Примечания

¹ Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 42. Оп. 1 (1942). Ед. хр. 32. Л. 20 (далее — ПФА РАН).

² Там же. Л. 19.

³ Имеется в виду Ладожское озеро, через которое проходила эвакуация из Ленинграда на Большую Землю в 1942 г.

⁴ Речь идет о готовившемся переезде сотрудников Института этнографии АН СССР из Елабуги и устройстве в Ташкенте.

⁵ *Алексеев Василий Михайлович* (1881—1951) — синолог, академик (1929), профессор ЛГУ, заведующий Дальневосточным Кабинетом Института востоковедения АН СССР. Во время войны в эвакуации находился в Боровом.

⁶ ПФА РАН. Ф. 1049. Оп. 3. Ед. хр. 203. Л. 1—2.

⁷ *Do ut des* (лат.) — «даю, чтобы и ты мне дал».

⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Ед. хр. 7. Л. 6, 8.

⁹ Там же. Ф. 1045. Оп. 2. Ед. хр. 112. Л. 3.

¹⁰ *Post factum* (лат.) — букв. после сделанного, после того, как что-либо уже произошло.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 2. Ед. хр. 112. Л. 1.

¹² *Рабинович М. Г.* Институт этнографии в годы Великой Отечественной войны // Советская этнография (далее — СЭ). 1946. № 1. С. 226; *Жданко Т. А., Рапопорт Ю. А.* Годы войны в жизни С. П. Толстова // Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1995. № 3. С. 69.

¹³ Подробнее см.: ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 7—9. 13 марта 1943 г. проф. И. Н. Винникову был отправлен ответ за подписью вице-президента АН СССР акад. А. А. Байкова: «Президиум АН СССР, ознакомившись с Вашим заявлением на имя Президента АН СССР академика В. Л. Комарова по поводу Вашего освобождения от должности Директора Института этнографии сообщает Вам, что освобождение Ваше от указанной должности не может рассматриваться как совершенная по отношению к Вам несправедливость и не находит оснований для пересмотра этого постановления» // Там же. Л. 10.

В архивном фонде И. Н. Винникова также сохранился черновик его письма Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину по этому же вопросу, но неизвестно, посылалось ли оно адресату или И. Н. Винников смирился и сложил оружие, поняв, что добиться пересмотра принятого решения ему уже не удастся // См. Там же. Л. 11—15.

¹⁴ Об этом, в частности, см.: *Формозов А. А.* Русская археология до и после революции. М., 1995. С. 78.

¹⁵ *Фрейман Александр Арнольдович* (1879—1968) — известный ученый-иранист, профессор Ленинградского университета, член-корр. АН СССР (1928). Во время эвакуации жил в Боровом.

¹⁶ Очевидно, пуф происходит от французского *rouf*, что означает ложь, вымысел. Как понятно, такая оценка ситуации отражает исключительно личный взгляд А. А. Попова и в значительной мере объясняется переживаниями момента, сложностями жизни в блокадном Ленинграде, трудностями и неустроенностью быта в эвакуации.

¹⁷ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Ф. 1109. Ед. хр. 1040. Л. 10.

¹⁸ Письмо М. Г. Рабиновича автору от 10 июня 1995 г.

¹⁹ Как считает В. Р. Кабо, С. П. Толстов решил сделать М. О. Косвена своим главным теоретиком и поручил ему разрабатывать матриархальную теорию, удобную тем, что ее приверженцами были Энгельс и Сталин. См.: *Кабо В.* Дорога в Австралию. Воспоминания. Нью-Йорк, 1995. С. 109.

²⁰ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1943). Ед. хр. 9. Л. 4, 5.

²¹ Там же. Л. 17.

²² Там же. Л. 19.

²³ Там же. Л. 18.

²⁴ Там же. Ед. хр. 18. Л. 62.

²⁵ Там же. Л. 62.

²⁶ Там же. Л. 63.

²⁷ Там же.

²⁸ *Токарев С. А.* Из дневников // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке. М., 1995. С. 181.

²⁹ Там же. С. 184. Попутно отмечу, что дневниковые записи С. А. Токарева являются добротным источником для изучения работы московской группы Института этнографии в военные годы.

³⁰ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Ф. 1109. Ед. хр. 1003. Л. 1.

³¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1943). Ед. хр. 18. Л. 61—62.

³² Об этом см.: *Абрамзон С. М.* Программа ближайших работ Института этнографии АН СССР // Сб. «Советская этнография». Т. II. М.; Л., 1939. С. 208—210.

³³ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1943). Ед. хр. 34. Л. 12, 13.

³⁴ Письмо М. Г. Рабиновича автору от 10 июня 1995 г.

³⁵ Подробнее см.: *Рабинович М. Г.* Указ. раб. С. 232; ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1944). Ед. хр. 5. Л. 4, 12, 15.

³⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1943). Ед. хр. 18. Л. 131.

³⁷ Там же. Ед. хр. 26. Л. 64.

³⁸ Подробнее см.: *Рабинович М. Г.* Указ. раб. С. 230.

- ³⁹ Жданко Т. А., Рапопорт Ю. А. Указ. раб. С. 72.
⁴⁰ Там же. Оп. 1(1943). Ед. хр. 1. Л. 28.
⁴¹ Там же. Ед. хр. 18. Л. 31.
⁴² Там же. Ед. хр. 21. Л. 1
⁴³ Там же.
⁴⁴ Там же. Л. 12—18, 54.
⁴⁵ О работе Московской части Института в 1944 г. подробнее см.: Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 230—233.
⁴⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1(1943). Ед. хр. 34. Л. 22, 25, 29, 30, 32, 33; Там же. Оп. 1(1944). Ед. хр. 23. Л. 8, 16.
⁴⁷ Там же. Оп. 1(1944). Ед. хр. 23. Л. 4—5, 7.
⁴⁸ Там же. Л. 10, 13, 14.
⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1(1944). Ед. хр. 21. Л. 126.
⁵⁰ Там же. Л. 28.
⁵¹ Там же. Л. 49.
⁵² Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 233.
⁵³ Там же.
⁵⁴ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1(1944). Ед. хр. 23. Л. 20, 25, 26, 37.
⁵⁵ Там же. Л. 24.
⁵⁶ Антропова В. В. Музей антропологии и этнографии в 1946 г. // СЭ. 1947. № 1. С. 193—195.
⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1(1946). Ед. хр. 5. Л. 33.
⁵⁸ Вопросы истории деятельности Института этнографии АН СССР неоднократно рассматривались в различных статьях главным образом юбилейного характера. Данная статья построена преимущественно на архивном материале. По своей сути она тесно связана с моей статьей «Отдание долга» (Этнографическое обозрение. 1995. № 2—4) и представляет с ней единое целое. Автор будет считать свою цель достигнутой, если данная статья будет способствовать развитию исследований по истории отечественной науки.

Paying the Debts. Part III. Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences During the Great Patriotic War (conclusion)

The present essay is the concluding part of the three-part article devoted to the Institute's activities during the 1941—1945 war. Here the Institute's work prior to the war, during the blockade and after its lifting is described. The article is based on archives materials.

A. M. Reshetov